
ПИОНЕР 3
МАРТ • 1972 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У НАС ВЕСНА

Талиб ЮЛДАШ

Весна у нас!
У нас весна!
В такую пору
Не до сна!
Нас будит радость
На заре.
Цветы — в росе,
Как в серебре.
Весна у нас,
У нас весна!
Прощай,
Покой и тишина!
Проснулся
Теплый ветерок.
В поля мы мчимся
Со всех ног!
Весна у нас,
У нас весна,
Полям и детям —
Всем нужна!
Как дети,
Ветер озорной!
Как ветер,
Мчимся мы весной!
Ручьям дорога не тесна!
Весна у нас,
У нас весна!
Не забываем о труде:
Красу прибавим к красоте!
Цветами край украсим свой!
Весна, ты с нами,
Мы — с тобой!
Нарядна, радости полна,
Пусть в целый мир
Придет весна!

Перевела с узбекского
Зоя ТУМАНОВА.

НА ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА ЛЫЖНИК ЗАСТЫЛ В ПОЛЕТЕ. Мгновение — и он коснется поверхности чуть осевшего за ночь снега...

Перевернул страницу — а там распустились цветы и мчится по полю ручей.

Все это март. Все это весна. В марте весна путешествует по стране — к одним ребятам она только стучится, у других давно обосновалась.

Давай отправимся
в путешествие
и мы с тобой!

ПОБЫВАЕМ В ГЖАТСКЕ — вместе с писательницей **Лидией Обуховой** увидим те места, где вырос ЗВЕЗДНЫЙ СЫН ЗЕМЛИ ЮРИЙ ГАГАРИН, услышим рассказы о его детстве.

С ЖУРНАЛИСТОМ **Юрием Крутогоровым** отправимся в *Таджикистан;* его пригласил в гости знаменитый ТУРСУНАЛИ МАТКАЗИМОВ, агроном хлопкового колхоза. Он был еще пионером, когда заслужил звание Героя Социалистического Труда.

А ПОТОМ прокатимся *по заповеднику в пустыне!* На наше счастье, в эту замечательную поездку взяли Арину и Ледика из повести **Зои Журавлевой.**

ОТСЮДА недалеко до *Алма-Атинской области;* там, рассказывает **Кира Ткаченко,** в поселке «ГРЭС-1», вырос САД НА ПУСТЫРЕ.

ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ВИДЕТЬ УКРОТИТЕЛЯ, поезжай с писателем **Эдуардом Бабаевым** в город его детства,— там ждет тебя встреча с Сеней Зюкиным и его питомцем, львом по кличке Добряк.

В ЭТОМ НОМЕРЕ ЕСТЬ ДОРОГИ совсем удивительные: **Леонид Репин** зовет на тренировку в древний гимнасий, а врач **Файбусович** приглашает заглянуть в глубь живой клетки. Есть и волшебные: **Борис Заходер** вместе с Алисой поведет в СТРАНУ ЧУДЕС, а поэт **Борис Слуцкий** обещает показать, КАК ПРОЕХАТЬ К ВОЗДУШНОМУ ЗАМКУ.

Счастливого пути тебе, читатель!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

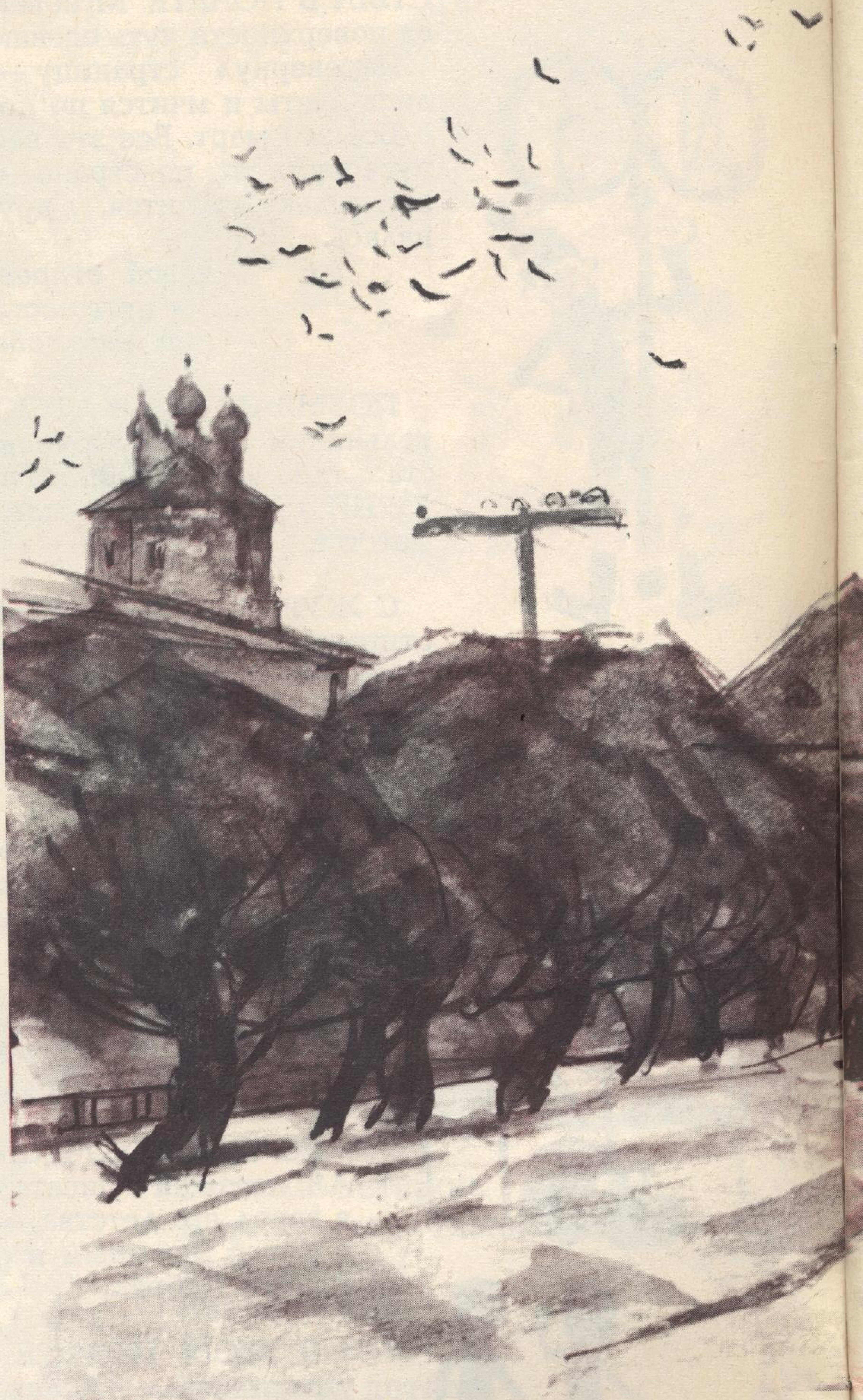

Лидия ОБУХОВА

Звездный сын Земли

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА и Б. ГУРЕВИЧА.

Вступление

Многие необыкновенные жизни начинаются обыденно. Он начал неприметным среди других родившихся в том году мальчишек, а кончил ее как Любимец века, как Пионер космоса.

У него была самая обыкновенная биография. Над его головой и через его сердце прошло все то щедрое и все то грозное, что случилось на веку у Советской власти.

Как же рассказать о 1934 годе, годе рождения Гагарина?

9 марта, когда у колхозницы села Клушина Анны Тимофеевны Гагариной родился сын Юрий, льдина с челюскинцами еще медленно дрейфовала в полярном океане, и летчик Каманин в тот самый день отплывал из Петропавловска-Камчатского. В равной мере он не знал, что вскоре станет одним из первых Героев Советского Союза, тем более не мог предвидеть, что через двадцать пять лет именно ему доведется готовить в полет Первого Космонавта.

Однако все это должно было случиться. Только не так быстро, как можно прочесть в книге.

В народном представлении жизнь героя слагается из фактов и мифов. Мы расскажем и то, что подтверждают очевидцы и документы, и постараемся передать саму атмосферу народной памяти о Юрии Гагарине. Видимо, невозможно отрешиться и от собственной печали и восхищения...

Космос, конечно,— вещь великая, но еще важнее для нас узнать что-то о человеческой душе. О самом Юрии Гагарине. О том, каким он остался в памяти людей.

Попробуем, не теряя ощущения достоверности, закинуть лбы и увидеть высокое!

Перед нами несколько страниц из жизни Первого Космонавта.

Гжатск поражает простотой.

Первое знакомство

Гжатск поражает простотой. Не то, что он бедноват и запущен, как многие среднерусские города, нет, кроме этого несомненного налета, в нем бросается в глаза именно простодушие, откровенная деревенская окраска течения его жизни.

Хотя здесь есть телевизорный завод да и другие предприятия, но лицо городка для меня определилось с первых шагов узенькой заросшей кувшинками речкой Гжатью, по которой мальчишки-малолетки гоняли плоскодонную лодку, похожую на корыто. Невольно подумалось: Юрий в свое время не миновал этой увлекательной забавы.

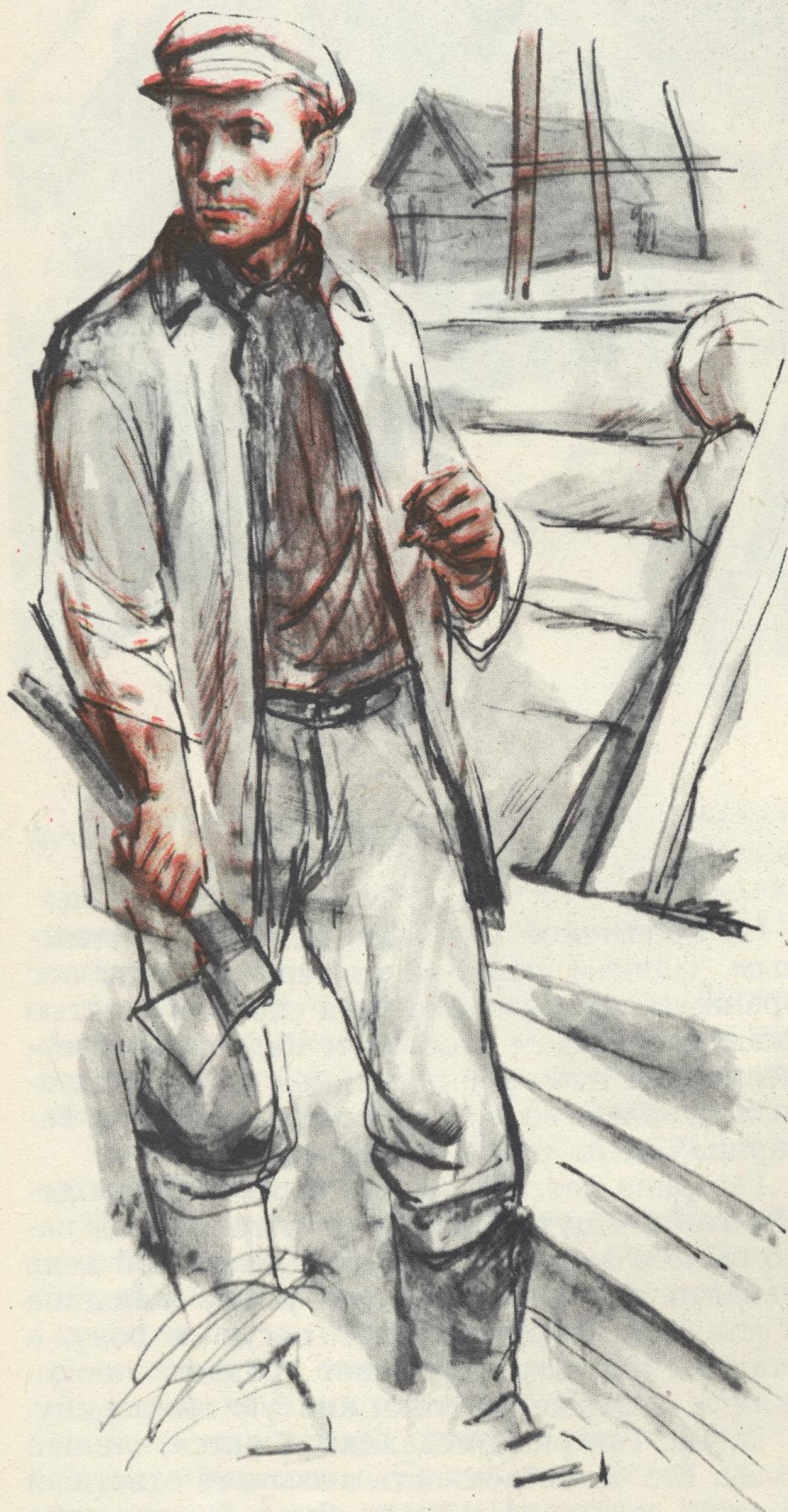
На крошечной площади, между двухэтажным зданием райкома из серого кирпича с оранжевыми наличниками и сквером с пятью скамьями, рядом с остовом церкви в почерневших от пожаров последней войны жестяных куполах, водружен камень с именем Гагарина. Здесь будет памятник.

Гагарина нет. Но, может быть, в самом деле, чтобы ощутить нечто от него самого, надо было в жаркий и пыльный июльский день увидеть, как через главную улицу женщина в длинном фартуке ведет пегую корову, а старуха торговка насыпает редким прохожим в газетные фунтики кислую смородину.

Город Гагарин (недавний Гжатск) лишен позы. Его естественность вызывает ответный толчок сердца. Не знаю, было бы на душе

так грустно и так радостно, если бы приезжего встречали компактные улочки, старательно одетые в камень тротуары, подстриженные газоны. Тогда, наверно, и Юрий Гагарин, несмотря на сто тысяч его фотографий, был бы в чем-то другим. Место, где человек родился и прожил детство, часто продолжает хранить с ним странное сходство.

Инструктор райкома партии Валентина Александровна Кайманова мне говорила, что гжатчане нежно относятся к Юрию. У камня, отметившего место будущего памятника, всегда цветы. Иногда Валентина Александровна видит из окон райкома, как ребенок или взрослый кладет свой букетик. Это не привозные, не купленные цветы, они меняются с временем года: голубые подснежники — весной, желтые лютики — на исходе мая, белые ромашки — в разгар лета, темно-красные георгины и лиловые астры — осенью.

Отец, Алексей Иванович Гагарин, чаще работал плотником в колхозе, но, случалось, уходил и на заработки.

Когда городу давали имя Гагарина, на митинге женщины плакали. Они плакали потому, что он уже погиб, и потому, что был так молод.

— Как будто вырвали наше сердце,— сказал, вздохнув, гжатчанин.

Его часто называют здесь Юркой, как в детстве.

— Не спешите писать о нашем Юрке. Узнайте, почувствуйте, какой он был.

Он не главенствовал, не выпячивался, а как бы вырастал из самой почвы, подобно зеленому дереву, которое вдруг оказалось таким неповторимым!

Родители

Анне Тимофеевне Гагариной шестьдесят шесть лет. Она встретила меня у калитки босая. Ноги у нее загорелые, с гибкой небольшой ступней. А платье черное, в мелкую крапинку, затрапезное платье для ежедневного домашнего обихода; и волосы убраны на затылке в небрежно скрученный кренделек из светло-русой поредевшей косы. В ушах круглые зеленоватые камушки.

То, как она говорила, сами ее крестьянские манеры, не лишенные настороженности и достоинства, выдают в ней женщину разумную, много передумавшую за жизнь, которая вся стоит за ее спиной, как один год! И о муже она отзывается дружелюбно и сожалительно:

— Трудный он старик. И всегда был трудный. А уж после Юриной смерти подавно.

А он и впрямь старик. Глуховатый, припадающий на правую ногу, с очень яркими синими глазами.

— Кончай беседу! — сказал.— Огород надо поливать.

По тугоухости он не может многое расслышать, хоть стоит в двух шагах, у распахнутой кухонной двери, и это раздражает его.

— Вот так всегда,— говорит, поднимаясь, Анна Тимофеевна.

Без жалобы, но и без покорства. Жизнь прожита, дети выросли, разве об этом сожалеют?

Анна Тимофеевна приехала девочкой из Питера, когда стало там большой семье при больном отце невмоготу. Их деревенька называлась Шахматово, близ Клушина. А Клушино тогда выглядело знатным селом со своими ярмарками, с высокой нарядной колокольней. Колокольня эта потом служила ориентиром дальнобойной артиллерии, которая била по немцам.

— То авиация бомбит, то орудия бьют,— сказала Анна Тимофеевна, перескакивая, как бывает при живом разговоре, сразу через не-

Вот таким приехал он к себе на родину после полета в космос.

сколько десятков лет.— Свои бьют по врагам. А и в нас попадает. Страшно.

— Хорошо, что дети не помнят войну,— сказала я.

— Боре было пять лет, а Юре семь, они младшие, но все помнят. Страху натерпелись достаточно. У нас немцы долго стояли: они отсюда, с гжатского языка или клина, снова хотели на Москву идти. Долго здесь держались. Зато как мороза трусили! У нас мальчишки маленькие терпеливее. А тут идет мужчина, офицер, сопли распустит, даже не утирает. Противно смотреть!

В ее голосе прозвучала брезгливость русской крестьянки, по понятиям которой можно ходить босиком и простоволосой, но уж чистоплотность требуется соблюдать!

— Брали, что ни попадя! Я уж потом, бывало, наварю два чугуна картошки и выставлю на стол, чтоб не шарили, детей не пугали. Все хотелось их заслонить. Да не всегда получалось. У нас одно лето стоял Альберт, механик, он аккумуляторы заряжал. Так Юра с Борей ему песку в выхлопную трубу насыпали.

— Хорошо, что не поймал!

— Какое не поймал! Именно, что поймал. Юра несколько дней потом в дом не шел, в огороде прятался, ночевал даже. Я ему и еду туда носила. Потом надоело мне это. Говорю: «Идем домой. Если озвереет немец, так я впереди, мне все и достанется». Упирается. Отцу говорю: «Прикажи ему. Нельзя же, чтобы ребенок жил на улице». Когда привела его через силу, Альберт только погрозил издали: «Юра никс хороший малшик».

— Уже когда Юра приезжал взрослый, я его как-то спросила: «Что он тебе сделал, что ты так боялся?» А он говорит: «Поддал мне

Мать, Анна Тимофеевна Гагарина, была и пахарем на двух лошадях и заведовала молочной фермой.

кованым сапогом. Я и летел шагов двадцать, пока об землю не шмякнулся».

Неизвестно, жив ли тот Альберт, а если жив, то, конечно, давно старик со своими старческими немощами. У него взрослые внуки, и едва ли он помнит постой в смоленской деревне, мальчонку, которого походя пнул. Мало ли их было, русских мальчишек!

В семье Анны Тимофеевны, в девичестве Матвеевой, было четырнадцать детей. Живыми остались пятеро. Старший брат умер двадцати трех лет. Был у него нарыв в горле, так и задохнулся. Мать упала без памяти. Девять дней пролежала, не приходя в сознание, умерла от разрыва сердца.

— Если б сиротой не осталась, я, может, и не вышла бы замуж в чужую деревню. Двадцати мне еще не сравнялось. Я ведь училась хорошо. Хоть и несколько классов кончила, а арифметику знала так, что всем своим детям помогала задачи решать. Только когда алгебру начали, я отступилась: алгебре меня не учили. Тогда в деревне мало было грамотных людей, и мое бы образование пригодилось, но муж был против.

— Не хотел, чтобы женщина занималась неженскими делами?

Она неопределенно пожала плечами.

— Он вообще с норовом. И Юре после шестого класса твердил: иди да иди в ремесленное. Сам плотник хороший и профессию выше всего ценит...

Часы пробили шесть. Низкое вечернее солнце светило в стеклянную стену этой парадной, словно бы нежилой, комнаты. Красная ковровая дорожка, как в учреждении, огромные плакатные изображения Юрия Гагарина, его фотографии на полстены, раскрашенные и черно-белые. Чьи-то подарки — бюстики Шевченко и лицеиста Пушкина.

Рядом с телевизором бюст старика с бородой, в длинных волосах, со взглядом улыбчивым и близоруким, что заметно даже в гипсе. Он чем-то похож на Циолковского, калужского учителя, в общем, на человека из прошлых времен, и оказался отцом Анны Тимофеевны, питерским рабочим и революционером. Так что действительно явственная печать девятнадцатого века на его облике не обманула. Слепок сделан недавно ленинградским скульптором по фотографии.

Выцветшие глаза Анны Тимофеевны с мимолетной нежностью глянули в сторону отца. А еще она оживилась и заулыбалась, когда достала на прощание фотографии — не из тех, что висят на стене для посетителей, а домашние, обыкновенные, и между ними — младшего сына Бориса, его жены, самой Анны Тимофеевны с девочкой-первоклассницей в полной школьной форме. У внучки привлекательное, смышленое личико. Этот дом был не таким пустым, как показалось вначале. Жизнь продолжалась в нем.

...На закате гжатские обугленные церковные маковки приобрели живые изящные очертания. По пепельно-розовому небу к ним слетались птицы; в теплом воздухе носились звонкие выклики.

Почти левитановской стала и недвижная Гжать с единственным рыболовом на берегу. Почернели круглые листья кувшинок; воздух густел, густел и неприметно переходил в сумерки. Но еще долго вели свою вечернюю охоту ласточки.

Когда они вьются высоко, это предвещает погожий день. С забубенным криком черным дождем падали сверху стрижи. Стрижи в самом деле будто стригут небо; щелкают звонкие ножницы, и вот-вот посыплются во все стороны голубые лоскутья.

Нет, до чего же неугомонны здешние птицы! Их свистенье, клекот, щебет, свист так и стоят в воздухе, хотя темнеет на глазах. Жалко расставаться с днем. День был простой, обыкновенный, щедрый и солнечный. Первый мой день на родине Гагарина.

Клушино в стародавние времена

Хотя в тот уже далекий мартовский день, клонившийся к вечеру, подернутые поволокой глаза еще безымянного малыша открылись впервые именно в Гжатске, но младенчество и раннее детство его прошли в селе Клушино. Там, где текла хлебопашеская жизнь нескольких колен предков, была и его родина.

Изба Гагариных стояла предпоследней на западной окраине села, неподалеку от большой ветряной мельницы. Сейчас ни этой мельницы, ни старого гагаринского дома нет. Клушино вообще слишком часто попадало на проезжую колею истории; разорение, пожары, войны то и дело перекраивали его внешний вид. Но окрестность мало менялась.

Край здесь равнинный. Как яблочко по тарелочке катится невозбранно взгляд по лугам и полям, натыкаясь лишь на копны сена с перекрещенными вверху жердями да на мелкие, подобные разбредшимся муравьям стада. Кустарник, травяные канавы, холмы, длинная полоса пыли по проселочной дороге — вот это и есть земля, над которой клубится облаками высокое, как лоб великана, небо.

Если отойти шагов на двести от огородов, встать посреди луговины в редких ромашках и бубенцах конского щавеля, приметив для ориентира иглистый куст чертополоха, то откроются сразу все четыре стороны света.

И каждая будет приукрашена сиянием соответственно часу суток — рассветным или закатным, полуденным или полуночным.

Когда в августовском предвечерье, заслоня низкое солнце, на западе станет похожее на сизый дредноут тяжелое облако, его восточный собрат, легкий, белый, проплывает невесомо, собирая на себя, как парусный кораблик, дневной отблеск. В такой час верховой пастух гонит стадо мышастых коров на вечернюю дойку, а привязанные к колышкам козы настырно блеют, призывая хозяйку. Не дожидаясь сумерек, примется тарахтеть движок; задымится летняя кормокухня. В деревенских садах яблоки-падуны безостановочно валятся в траву с глухим укорливым стуком...

Все это похоже на древнюю пастораль, неизменную от века к веку.

И все-таки именно здесь увидел впервые мир тот русский мальчик, которому было суждено пропороть небесный свод и лицезреть небо посреди дня не синим, а черным, да и сам день обогнать, поравняться с земной ночью и встретить вновь рассвет, отдаленный от заката не часами, а минутами.

Из тех следов, которые оставляла тяжелыми колесами история на клушинской земле, самым необыкновенным, бесспорно, останется след мальчугана, который учился здесь ходить. Однако его жизнь не стоит особняком; она вписалась в протяженную во времени жизнь, которая и сама по себе достойна уважения.

Работник краеведческого музея Иван Сергеевич Герасин, поправляя очки, достал переплетенные в твердую обложку рукописи по статистике, этнографии и истории здешних мест. В первой рукописи зияла сквозная дыра, видимо, прогрызенная мышами, но выцветшие чернила сберегли четкий, крупный почерк. Следующие листы сохранились в целости, хотя им близко к сотне лет.

И вот что я узнала о селе Клушино.

Исторически знаменитое, некогда цветущее и, если верить преданию, резиденция удельного князя, село Клушино лежит на отлого-гористой возвышенности, в двенадцати верстах на северо-восток от Гжатска по старинной Волоколамской столбовой дороге. Оно расположено четырьмя слободами, или улицами. На возвышении — церковь.

Река Дубна берет свое начало в семи верстах и впадает в Гжать. Река Дубна заимствовала свое название от дубовой рощи. Сейчас исток окружен кустарниками и молодыми березами. Дубы исчезли бесследно.

Почва суглинистая, плодородие скудное. Окружающая местность ровная, низменная. В глубокую старину на ней был строевой лес с непроходимыми болотами. Лес погиб, остались одни кочки и трясина.

Предание говорит, что Клушино прежде называлось городком Галкиным. Что в нем жили князья царского рода, указывает место суда и расправы. В горе при деревне Мясоедово будто были рудники и чеканилась монета. Село Клушино производят от имени: жил-де здесь боярин Клуш. Правда, Василий Федорович Битюков, здешний старожил, слышал от деда несколько иначе: была когда-то женщина, укрывавшая в лесу беглых, вот ее и прозвали клушей. Сама-то она была вольная, но вокруг тесно примыкали друг к другу владения графов Каменских, князей Голицыных и монастырские земли. Было от кого бежать крепостным!

В русскую историю, сообщает старая рукопись, занесено: в 1610 году гетман Жолкевский при селе Клушино разбил тридцатитысячную русскую армию, предводимую Дмитрием Ивановичем Шуйским, братом царя Василия Шуйского.

В двух верстах от села к северу есть курган, на который указывают как на могилу павших в этой битве.

Скупые сведения о клушинской трагедии дополняет академик С. Б. Веселовский в своей работе о предках Пушкина. Да, под Клушином, на поле боя вполне могли стоять бок о бок дальний предок поэта и еще более отдаленный пращур космонавта!

Пойдем дальше по ступеням веков. Существовал документ 1677 года, так называемый Столбец, писанный старинной вязью. Это челобитная крестьян о том, что клушинские попы владеют лишнею землею. Он интересен точной сословной расстановкой действующих лиц: кого Столбец величает по имени-отчеству, кого просто по имени и фамилии, а кого и унизительной кличкой. Так, писец, важная по тем временам фигура, статистик и экономист, заносивший в свои писцовые книги полный реестр земель и имущества, назван уважительно Афанасием Семеновичем Лбянским, низший чиновник, подьячий, современный делопроизводитель,— более кратко — Игнатием Писиным. А клушинский староста — смерд, хлебопашец — пренебрежительно Андрюшкой Кирнаковым.

Но продолжим чтение изгрызенных мышами «Смоленских епархиальных ведомостей» за 1877 год, которые столь неторопливо и обстоятельно, хотя, разумеется, со многими пропусками и умолчаниями, излагают историю Клушина.

Археологических остатков бывшего в нем княжения совершенно нет. Рассказывают, что несколько ранее 1812 года крестьяне нашли подвал, где было много разноцветной одежды, совершенно истлевшей. Одежда допетровских времен, кафтаны или богатые зипуны.

Изредка находили клады в окрестностях Клушина; монеты восходят к царю Ивану Васильевичу и не моложе XVII века. В Гжатском уезде, может, со времен удельных князей остались правильно округленные насыпи, следы бывших крепостей или замков. Таких насыпей несколько: близ сел Колокольни,

Будаева, Варганова. Все они известны под именем «жилище богатырей русских».

Разорение 1812 года дотла истребило Клушино. Сначала мелкие отряды французов, заходившие в Клушино для фуражирования, истреблялись клушанами. Один из крестьян на колокольне, завидев неприятеля, ударял в колокол, гремел набат, все прятались в конопли и неожиданно нападали оттуда. Тела убитых французов бросали в колодцы и засыпали землею.

Достопамятный 1812 год истребил документы, хранившиеся в церкви, которых, говорят, было немало. Клушино жестоко пострадало в ту эпоху, народ иначе не называет ее, как «разорение». Это второе разорение, первое литовское — времен Шуйского.

В роде священника Львова сохранились дворянские родовые грамоты и «Житие предков», где говорится, что предок Львовых Иоганн Троепольский командовал литовским отрядом, разорил Клушино и направился разорять Можайск. Но на Поклонной горе отряд, увидев Можайск, тотчас ослеп. Воины на коленях доползли до чудотворной иконы святителя Николая, умыли глаза водою источника на горе и прозрели. Предок Троепольских отстал от отряда, принял православие и стал Иоанном Львовым-Троепольским. «В сан священника рукоположен патриархом Филаретом Никитичем, отцом царя Михаила Романова. Женат был на шляхтинке из фамилии Огонь-Догановских. От него рожден Петр, от Петра — Вавила, от Вавилы — Власий, от Власия — Параскева, жена Павла Ефимовикача, первого священника Гжатской пристани».

Бесспорно, нам было бы гораздо любопытнее, если б с такой же дотошностью составлялась родословная Первого Космонавта! Но крестьянские семьи помнили «отчичей и дедичей» не глубже четвертого колена, и с этим приходится смириться...

Клушино в Октябре

К пятидесятилетию Советской власти местная гжатская газета «Красное знамя» печатала записки одного из первых клушинских комсомольцев, К. М. Ковалева, доцента Пятигорского фармацевтического института.

Он начинает с воспоминаний раннего детства, когда воображение мальчишек особенно поражала буйная деревня Прилепово за речкой Дубной, вплотную примыкавшая к Клушину. (Оттуда была гагаринская бабушка Настасья Лысикова.) Славилось Прилепово зачинщиками всех драк и умением постоять друг за друга в кулачном бою. Но в обыденной жизни и клушинские и прилеповцы были одинаково покорны. «Бедняки,— пишет Ковалев,— низко кланялись богатеям Рублевым, мельнику Гольцову, Галикиным за то, что они в трудное время втридорога ссужали им пудишко ржаной муки. В праздники село наводняли толпы нищих и калек. Большинство хозяйств жило за счет отхожих промыслов. Только на пасхальные и рождественские дни кормильцы наезжали домой. Тогда в трактире Смолянова собирались за «парой чая», заводили осторожный разговор о политике».

Мировая война обрушилась на клушан мобилизацией и реквизициями. Как жилось их землякам «во солдатах», судили по расквартированному в селе в 1915 году резервному пехотному полку. На заснеженной окраине от темна до темна шла унизительная, изматывающая муштра, а вечером в крестьянских избах, где от жарких печей сами собой слипались глаза, свирепствовала «словесность»: солдат должен был назубок знать имена со всеми титулами царя, царицы, наследника и великих княгинь.

Клушино раньше называлось городком Галкиным.

«Февральская революция, а затем и Великий Октябрь вторглись в нашу жизнь, подобно вихрю! — вспоминает Ковалев.— Убирались из присутственных мест портреты царя, потом и Керенского».

«Нам, ребятишкам, многое было непонятно. Революцию мы восприняли как хождение с красными флагами, исчезновение урядника да отмену в школе закона божьего. В один из дней мы устроили забастовку и, как говорится, «наладили» из школы священника Дмитрия Клюквина... Глубокой осенью 1918 года тупые звуки винтовочной стрельбы и пулеметных очередей доносились из Гжатска, уездного центра. Поползли слухи о контрреволюционном мятеже, о расправе с арестованными большевиками. Село притаилось и ждало. Многие побаивались ответственности за то, что Клушино стало как бы своеобразным поставщиком военных комиссаров и других деятелей волостного и уездного масштаба. Я хорошо помню Ивана Семеновича Сушкина, человека кристальной честности, военкома Пречистенской волости, Ивана Ивановича Смолянова, Василия Семеновича Огурцова и многих других. Мятеж в Гжатске начался 18 ноября. Уже вечером прибывший из города И. И. Смолянов предупредил сельских коммунистов, чтобы они ушли в подполье. Но Сушкин ответил: «Я никому ничего плохого не сделал и скрываться не буду». Утром 19 ноября село представляло собой разворошенный муравейник; перешептывались, озирались по сторонам. Около одиннадцати часов дня, вооруженные чем попало, в Клушино вошли толпы, предводительствуемые кулаками и попами. Вожаки их пригрозили: «Вот город возьмем, на Москву пойдем, а потом, когда в Москве установим свою власть, тогда примемся за вас». Я видел, как прискакала группа всадников на взмыленных конях, как мятежники ворвались в избу Сушкина. Видел, как вывели его из дома, как били прикладами... С гордо поднятым лицом шел комиссар Сушкин навстречу своей верной смерти. Шел, как победитель».

Посреди Клушина стоит могильный холмик с деревянной оградой. Маленький Юра, верно, бегал мимо него не останавливаясь, но депутат Юрий Алексеевич Гагарин, приехав однажды в родное село, замедлил шаг и обнажил голову у «жилища богатыря русского», как и под старинными курганами!

Детство

Он осознал себя с той минуты, когда длинным прутиком пошевелил лужу. После дождя она стояла гладкая и синяя. Немного синее неба, да неба он и не видел. Человек, присматриваясь к окружающему, никогда не начинает с неба.

Осколок воды светился у самых Юриных ног. Волшебная лужа казалась немигающей.

Вот тогда он ее и шевельнул прутиком. Какое странное мгновение! (Физики сказали бы, что произошел сдвиг сразу на несколько порядков.) Ребенок прикоснулся к миру, как к рисованной картинке, и картина ожила.

Дальше потекли дни и месяцы, сложились в годы, и он их уже помнил.

Но кое-что из его жизни осталось достоянием только матери. Вся первая неделя, начавшаяся на исходе мартовского дня, в пять часов тридцать минут пополудни. Мать впервые отвела ему со лба темненькую кисточку волос. И только мать помнит первую дорогу из Гжатска в Клушино на колхозных санях, по снежным ухабам.

Не потому ли он будет потом так рваться в старый Гжатск и в тихо захиревшее Клушино, так торопить мотор, пугая попутчи-

ков головокружительным ритмом движения, так безжалостно натруживать шины своих двух безотказных лошадок — советской «Волги» или гоночного автомобиля, подаренного ему во Франции, что именно здесь на каждом углу и за любым поворотом встретит его прежний мальчик, Юрка Гагарин, который весь был готов к полету, нацелен в него, но только не знал еще, что это за полет и какая у него трасса.

...Пока же он лежит в люльке, которую принесли с чердака, где она простояла порожней шесть лет после сестры Зои. Хорошая была люлька, на пружине. Мать покачала ее только первые три месяца, а потом спозаранку уходила на работу в колхоз, оставляя Юрушку (так звали его в детстве) на семилетнюю Зою да бабку Татьяну. В деревне все жили тесно, считаясь самым дальним родством. Старухи занимали особое и важное место: на них оставляли и младших детей и мелкую домашнюю живность — кур, коз, поросят. Дряхленькая бабка Таня однажды уронила трехмесячного Юру с колен, а в декабре, когда мать отняла его от груди, напоила ревущего младенца водичкой со льдом. Впрочем, это, кажется, было уже позднее, когда Юре минуло полтора годика. Он заболел воспалением легких, мать повезла его в Гжатск, в больницу, но не захотела оставить одного и вернулась тем же санным трактором в Клушино, где лечила домашними средствами, прикладывая горячие бутылки. Это вовсе не свидетельствует о деревенском невежестве: просто в те времена еще не были изобретены ни антибиотики, ни даже сульфидин; ведь мы ведем речь о тридцатых годах.

Юра осознал себя с той минуты, когда длинным прутиком пошевелил лужу.

После долгой болезни, кстати, чуть ли не единственной за всю жизнь Гагарина (сразу после войны он лишь раз хворал малярией, а позже ни его родные, ни однокашники по ремесленному училищу или по техникуму и летной школе не могли припомнить ни одного случая нездоровья), так вот, после первой болезни Юра ослабел настолько, что не становился на ножки, перепугав мать. Понемногу окреп, жизнь уже оставляла следы в памяти. Сам Гагарин говорил, что помнил себя очень рано.

По утрам он просыпался от гусиного гоготанья. Оно возникало на низкой ноте, и смутно разрозненный звук проснувшейся стаи забирался все выше, как хор певцов.

Ночная изба, полная дыхания спящих, к утру начинала простукиваться молоточком древоточца, а вечерняя песенка сверчка утихала с рассветом. Сквозь запотевшие стекла была видна все та же травяная улица и небо, опустившееся до самого крыльца, —так низко оно лежало и так далеко раскидывалось. В сенцах пахло яблоками-падунцами; их собирали в решета и ведра, чтобы скормить скотине. Яблочный дух казался хмельным. После него прохладная свежесть утра вливалась в грудь, как целое ведро колодезной воды. Вода была особенной: сладко-пресная на вкус, мягкая, подобно шелку, она доилась из рукомойника-водолея тонкой струйкой, а в пригоршне лежала светлым стеклышком.

Бабка Сидорова, Анна Григорьевна, называемая в семье Нюнькой, родня на седьмой воде — свояченица отцова брата,— одинокая бездетная вековуха, жившая по соседству, ставила большой самовар возле своего крылечка, кликала через ограду:

— Приходи, Юрушка, у меня конфетки есть, чайку попьем, поблаженничаем!

Эта бабушка Нюнька и нянчила, и баловала его, и укрывала от родительского гнева. Жилистая, высокая, в белом платочке и разлетающейся кофте, резкая на слово, порыви-

стая и немного чудаковатая старуха — такой она осталась до последних лет, когда, уезжая в инвалидный дом, перекрестилась на четыре стороны... «Прощайте меня, добрые люди, в чем виновата».

— Ох, нечистая сила! — обличала она обычно кого-нибудь.— Разве нам так велели в колхозе работать?

Было у нее при доме пятьдесят соток, она сама перекапывала их под картофель.

— Чего ж ты, Нюша, в колхозе помощи не попросишь? — говорили ей.

Она энергично махала рукой.

— Пока они с плугом приедут, у меня уж зацветет!

Держала коз и нежно звала их, как малых ребят: «Сидорки, Сидорки!»

Когда в Клушине узнали, что в космос полетел именно Юрий Гагарин, Анна Григорьевна размышляла вслух:

— Я все думаю, как же он туды попал? Выйду и смотрю на небо. И еще как обратно вернулся? Всю жизнь молюсь за него: может, всевышний по моей молитве и вернул?

Однажды пронесся слух, что Гагарин едет в родное село. Сбежалась толпа. Действительно приехал, но не один: вокруг него военные.

— Все генералы, видно,— рассказывала потом бабка Нюня.— Я в избу прибежала, стою, умом не соберусь: то ли навстречу бежать, то ли здесь оставаться? Вижу, к моему домику поворачивает сокол мой! Не забыл. Не побрезговал. Оглянулась вокруг: чем же его приветить, повеличать? На иконе у меня голубь хранился, сняла я его и иду к дверям, держу перед собой того игрушечного голубя. Думаю: вдруг засмеется, застыдит меня? А Юра смотрит так серьезно, так строго, и все военные за ним следом идут; домишко у меня ветхий, половицы под ногами подламываются. Таких гостей отродясь здесь не бывало.

Взял Гагарин голубя из рук бабки Нюни, обнял ее, она завыла в голос, по-деревенски, но не хотела задерживать гостей, да и любопытно было — тотчас смолкла. «Откуда ты теперь сам, голубь мой?» Он улыбнулся: «С неба, тетя Нюша».

...Пока же Нюня зовет пить чай из поспевшего самовара не космонавта, а маленького мальчика с челкой во весь лоб.

Он бы и пошел, да вдруг засмотрелся: ходят по зеленому лугу белые куры, а поодаль— черные грачи. Ищут корм, разрывают корни клювами. И те птицы и эти. Но вот затарахтела телега; куры закудахтали, замельтешили, юркнули в дыры частокола, а грачи взмахнули вольными крыльями и полетели, куда им хочется.

Кур он знает наперечет; помнит, как проклевывали скорлупу, выпрыгивали мокрыми на белый свет, потом покатились желтыми шариками, а когда затевали драки, малость уже оперившись, то наскакивали друг на дружку, как и они с Борькой. Только цыплята норовили долбануть в ярко-розовый гребешок клювом, а они с Борькой подобрали пустые пузырьки, и не успел Юра опомниться, как пропорол брату лоб острым осколком. Ну тут уж надо удирать! Или к бабке Нюне, а лучше в луговину, за мельницу, в частые кусты. Борькин рев гудит за спиной, будто рой шмелиный по пятам гонится...

Для ребенка земля велика. Отошел два шага от дома, и уже иная страна. Знакомая? Нет. Вчерашний день был другой, чем нынешний, вчерашняя земля не похожа на сегодняшнюю. Грубый лист позднего щавеля вчера застрял между зубами, сок был ядовито-кислый. А сейчас Юра сгрыз его, не замечая вкуса — так задумался.

Бабушка Нюнька и нянчила, и баловала, и укрывала от родительского гнева Юру.

И день был вчера знойный, а сегодня солнце ходит за облаками белым гривенником. Юра запрокидывает голову, ищет светлое пятнышко...

Но вот дело к вечеру, и он все-таки сидит у Нюни, в старой избе, где однажды просел потолок и сквозь соломенную стреху засветилось небо. Сонно тянет чай из блюдечка, а хозяйка бормочет:

— Окна плачут. Как бы дождя не было. Аль от самовара? Да ты задремал, голубь?

У каждого есть сны детства. Рассказать об этом нельзя. Во сне важен не ландшафт, хотя он отчетлив, но ощущение, с которым мы смотрим вокруг.

Пусть не покажется странным, но, помимо энергичной дневной жизни Юрия, мне жалко того, о чем он никому не поведал, мне жалко его снов, которые, может быть, он нечасто вспоминал сам. Сны — неповторимое для каждого поэтическое ощущение мира, оно жило в нем, как своеобразный герб души. И нам уже никогда не узнать, был ли то петушиный крик в косом красном луче солнца или блаженное ощущение младенческого полета, когда тело становится послушным и устремляется вперед на одном лишь желании. Может быть, его жизнь незримо осеняло видение плещущей на ветру ореховой ветви с шершавыми рубчатыми листьями? Или сноп искр от лесного костра? Или чье-то неведомое нам лицо, окруженное водяным шлемом дождя? Ведь в детстве человеку равно принадлежит и земля и небо; он владычествует над ними и распоряжается по-своему.

Судьба подарила Юрию завидное детство, не стесненное размерами городской квартиры. На первой странице своей книги-беседы «Дорога в космос» он вспоминает «желтоватую пену стружек» и то, что мог «по запахам различать породы дерева — сладковатого клена, горьковатого дуба, вяжущий привкус сосны...». Бруски, щепки, камушки, обрезки кожи, гвозди, рыболовные крючки, обрывки пеньковой веревки, глиняные черепки — да это же необъятный арсенал! Сокровища, которые только и ждали приложения его сил и выдумки.

И мать и старший брат Валентин помнят, что еще совсем малышом, дошкольником, он смастерил себе лыжи, и они служили как настоящие. Валентин Алексеевич в своей документальной повести рассказывает о предновогодних днях, видимо, 1940 года, когда в крепкий мороз Юра с приятелями бегал на этих самых лыжах далеко в лес и встретил там лису и зайца.

Скорее всего это была мальчишеская фантазия, стремящаяся к гиперболе.

Так и прекрасные самодельные лыжи, способные унести не только в лес, полный зверья, но и задержаться на секунду в воздухе, пока они с Володей Орловским, обмирая от ужаса и наслаждения, прыгали, будто с трамплина, с края оврага — лыжи, еще обледенелые и заснеженные, уже отступили на задний план.

Юра весь взбудоражен новостью. Учительница Ксения Герасимовна позвала его на школьную елку! И не просто так придет он, дошколенок, глазеть, а будет читать стихи. Про кошку.

Растроганная мать достает ребенку обновку: голубую рубаху с белыми пуговками...

Как странно сейчас подумать, что на космодроме Гагарин спал спокойно, а новогодняя елка потрясла его душу настолько, что еще задолго до рассвета он соскочил с печи и разбудил Валентина и Зою: как бы старшие не опоздали!

Впечатления детского возраста неповторимы. Разница лишь в том, что клушинская елка была волшебной новинкой для одного-единственного малыша в небесно-голубой рубашке и старых подшитых валенках, а фантастичность округлости Земли глазами Гагарина увидело все человечество.

И вот наконец заспанное декабрьское утро разлепило ресницы, поморгало ими, осыпая иней, а на белых цветах в окне робко и поздно заиграли розовые зайки. Праздник начался. Юра стоит под елкой, он читает стихи. Про кошку.

Тут возникает маленькое разночтение, впрочем, вполне извинимое для непрочной человеческой памяти. Самому Юрию Алексеевичу помнилось, что случилось это гораздо раньше, когда ему было всего три года, и сестра Зоя — видимо, тогда третьеклассница — взяла его с собой в школу на первомайский праздник. («Там, взобравшись на стул, я читал стихи:

Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне.

Школьники аплодировали. И я был горд: как-никак первые аплодисменты в жизни»). А старший брат относит «кошку» к новогоднему утреннику, гораздо позднее. «Елка стояла в классе, упираясь пятиконечной звездой в потолок, переливалась всеми цветами радуги. Вокруг елки хоровод. Учительница Ксения Герасимовна потрепала Юрину челку: «Молодец, что пришел. Стихи расскажешь «Про кошку...».

Вообще его декламацию запомнили многие. И все по-своему. Так, Василий Федорович Бирюков, который перебывал в Клушине, пожалуй, на всех постах и очень долго был единственным членом партии, пока не подросли ребята и не пришли демобилизованные, говорил потом:

— Мальчик Юра был смелый. Делаю доклад, а он тоже выйдет на сцену, подпоясанный широким ремнем. Уверенно так стоит...

А в памяти Зои Александровны Беловой, доярки, запечатлелась иная картина:

— Юра, бывало, выступает, стихи декламирует... Порточки старые, вырос из них, до ботинок недостают, руки плотно к бокам прижмет и говорит медленно так, с запинкой, что все волнуются: не забыл ли? Нет, помнит, все точно скажет. Только медленно.

Клушинские времена года сменяли друг друга, и красота мира приходила к Юре Гагарину легко, как дыхание. Поздней осенью из-под бледного настила опавших листьев под давлением его ноги выступали пятна болотной мокрети. Захолодавшие деревца стояли в стеклянной воде, настолько прозрачной, что все листья, сучки и былинки были видны наперечет.

Тонкая пленка заморозка, если исхитриться посмотреть на нее под углом, была разрисована папоротниковыми зубцами, а ледяные жилки, словно процарапанные иголкой, складывались в узор, похожий на вышивку праздничного полотенца.

Потом ложился снег, сутками мели метели. Дом визжал, звенел, вьюга била его со всех сторон. Казалось, еще немного, и чердак будет срезан, смыт снежной струей, его завертит, как ту обломанную ветром березовую ветвь, которая с шумом, почти с человеческим воплем долго носилась между стволами. Наконец она прилепилась к сугробу, примерзла, но еще долго пугливо вздрагивала, била беспомощно веточками, вспоминая свой полет.

«В иные дни так занесет, что и колодца утром не найдешь»,— вспоминала мать.

Жилось ей по-прежнему нелегко и хлопотно. Пока Клушино было разделено на несколько колхозов, в своем маленьком «Ударнике», куда входила их околица, Анна Тимофеевна была и пахарем на двух лошадях и заведовала молочной фермой. («Бывало, примчишься с ребятами к маме на ферму, и она каждому нальет по кружке парного молока и отрежет по ломтю свежего ржаного хлеба»). Когда колхозы слились, Анна Тимофеевна, чтоб быть поближе к дому, сделалась телятницей, а затем и свинаркой. Она не боялась никакой работы и оставалась такой же дружелюбно-немногословной, освещая дом своей непогасшей за долгие годы улыбкой.

Отец — о котором Юрий всегда отзывался как о строгом, но справедливом человеке, не баловавшем напрасно и не наказывавшем детей без причины,— не всегда жил дома: чаще он работал плотником в колхозе или на мельнице, но случалось, что уходил и на дальние заработки. Так, год провел в Брянске. Однако именно он, хотя и бывал в отлучках, «преподал нам, детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду»,— писал потом Юрий.

...Подошла последняя предвоенная весна. Осевший снег засипел под сапогами. На голых ветвях, на солнышке, уже грелись галки — черные, с пепельным ошейником и глупыми голубыми глазами. Сварливо-трескуче кричала в кустах сойка, будто терли два напильника. Стеклянно тенькали синицы — самые певчие птицы первоначальной весны.

Вздулась в берегах маленькая Дубна. Серая талая вода шла без всплеска, гладкая, как зеркало; льдины отражались в ней чисто и прекрасно. Зеленый обрез льда вдруг вспыхивал в туманном солнце и вновь потухал, удаляясь.

Солнце припекало; безостановочно кричали грачи, устраивая на берегах гнезда и воруя друг у друга длинные упругие хворостины. Речка дышала снежной прохладой. Голос ледохода, слабый и упрямый, всплески, шуршанье и торканье льдинок, внезапный звучный всхлип, бульканье струй, шепот, шелестенье — все напитывало тишину плотно и радостно. Река неслась вперед.

Наслаждение скоростью! Оно началось для Юры визжащим лётом салазок и тяжелым галопом ездовой лошади, а еще был бег наперегонки по теплому лугу. Наслаждение скоростью! Одна из главных радостей его жизни.

Не только свободные дни, но даже часы готов был Гагарин провести в мимолетном свидании с родными местами. Из Москвы на Гжатск дорога шла между спутанными ольхой березовыми рощами. Поляны, заросшие иван-чаем, вдруг кидались ему в глаза праздничными красными платочками и тотчас исчезали, оставались далеко позади.

Как все летчики, Юрий вел машину на предельной скорости. Казалось, что колеса вот-вот могут оторваться от серого полотна шоссе с черными заплатками свежего асфальта, и упругое тело машины, набычась ветровым стеклом, рванет ввысь, поверх облаков.

Говорят, непривычным людям было страшно с ним ездить. Но он ничего не мог с собой поделать. Скорость затягивает, от нее уже невозможно отказаться. А ведь он знавал скорость предельную, еще никем до него не испытанную. Космический прыжок остался в крови...

Те семь километров, когда Юрий сворачивал с большака и которые решительно ничем не отличались от предыдущей дороги; те полторы минуты, что приходилось пережидать у спущенного шлагбаума, пока товарный состав протрусит мимо, возвращали его, кругосветного путешественника, гостя многих стран и народов, к первоначальным впечатлениям бытия. Каждый куст, каждое придорожное деревце обретали свой голос и говорили на языке, понятном лишь им обоим.

Первый класс. Война

На третьей от Солнца планете
Была мировая война.
С. БОДРЕНКОВ.

Кончался август. Стояли кроваво-красные рябины. И кровь уже лилась неподалеку, только дети пока не понимали.

У Юры была главная забота: собираться в школу. Слово «война», которое так всполошило взрослых, казалось ему непонятным и далеким. Даже телеги с беженцами, а потом и отряды отступающих красноармейцев — все это безрадостное движение на дороге захватывало его меньше, чем новенькие тетрадки в косую линейку, новые учебники и обязательная для первоклассника чернильница-невыливайка.

Логика ребенка подводила к тому, что и война должна кончиться непременно к первому сентября. Просыпаясь и засыпая под приближающийся гул артиллерийского обстрела, видя, как от подземных толчков сухо ползут струйки песка с потолка, он продолжал жить в своем собственном маленьком мирке.

Старший брат запомнил, разумеется, больше. Он пишет, что у них в избе, иногда целыми семьями, останавливались на ночлег беженцы. Это были ошеломленные и словно пришибленные тем непонятным, что на них обрушилось, люди. Юре они казались бледными тенями — к вечеру появлялись, на рассвете исчезали.

Война еще только началась, но уже стали приходить первые похоронные: на соседа Ивана Даниловича Белова, на председателя колхоза Кулешова...

Из Клушина на фронт ушло семьдесят шесть человек. А когда в 1967 году гжатский военком Арсюков приехал вручать боевые юбилейные медали, то пришли за ними лишь Василий Колоколов, Илья Серов, Афанасий Давыдов, прыгавший на костыле, Иван Степанович Белов, Василий Федорович Бирюков да Прасковья Колоколова. «На грудь вот беру,— сказал Белов,— а в груди осколок невынутый».

Но кто-то выкрикнул, что, мол, русское воинство не стареет и коль вновь позовут, то и у них еще сил хватит.

Все это мне рассказывал потом Василий Федорович Бирюков. Лицо у него живое, с лохматыми бровями и аккуратными усиками на верхней губе. Если что и выдает его возраст боевое прошлое, то лишь походка: «Раны заросли, а контузия дает о себе знать, ноги плохо ходят».

Василий Федорович говорил охотно; он гордится своим селом, в которое вложил жизнь. Клушино для него не малая точка на карте районного масштаба, а целый мир. Его концы, этого мира,— Околица, Смирновский, Царапкинский, Выползово — подобны странам света.

Рассказал он, и как Павел Иванович Гагарин, один из наиболее уважаемых сельчанами людей, при известии о боях под Вязьмой взялся перегонять колхозный скот. Никто не знал тогда, что путь будет бесконечно далекий, аж до лесной, почти никому не ведомой до того Мордовии...

Поздно вечером Павел Иванович забежал попрощаться с семьей брата. Самого Алексея Ивановича он не застал: за несколько дней перед этим тот тяжело заболел, с бредом, с лихорадкой, и его отвезли в гжатскую больницу. Анна Тимофеевна каждый день пешком ходила проведывать мужа. Она не могла решиться бросить его одного, чтоб бежать с детьми. Поэтому с деверем прощалась как бы навсегда: как знать, удастся ли еще свидеться?

И все-таки первого сентября Юра Гагарин пошел в первый класс!

Из его тогдашних однокашников в селе остались двое: Евгений Яковлевич Дербенков и Иван Александрович Зернов, оба механизаторы, отцы семейств.

У Зернова синие глаза, голос басовитый, веселый; улыбка открывает розовые десны; волосы русые, густые, шапкой ото лба. Он такой дюжий, дородный, что, кажется, кроме трактора, что его и выдержит!

Дербенков тоже голубоглаз, но более тонкокостен, мягок, приветлив. Он чуть картавит, и сквозь взрослый облик минутами явственно проглядывает былой школяр. Зернова же ребенком представить просто невозможно. Так и кажется, будто он сразу возник мощным мужчиной.

Оба очевидца поставили в тупик с первых слов: они начисто забыли, где располагалась их первая, сгоревшая потом школа! Зернов водил на один конец села, а Дербенков в противоположную сторону. Оба хорошо припоминали детали: кто за какой партой сидел, даже что было видно из окна, но место забылось.

Впрочем, особенно спрашивать с них нечего, они едва выучились писать первую букву алфавита, как все вокруг переломилось, катастрофически сдвинулось и смешалось. Клушино заняли фашисты. К старинной летописи прибавилось третье разорение — 1941 года.

Незадолго перед этим произошло событие, очень важное в биографии Гагарина: будущий летчик и космонавт впервые увидел самолет, прикоснулся к нему руками.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

ПОЛЕ ЕГО ДЕТСТВА

Ю. КРУТОГОРОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Двадцать пять лет назад вожатому пионерского звена шестикласснику школы имени Лахути Регарского района, Таджикской ССР, Турсунали Матказимову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

*

Я приехал в кишлак Михнат в самый разгар сбора хлопка. Но встретиться с Турсунали Матказимовым оказалось не так-то просто. То он на совещании в райцентре, то в поле укатил, то на хлопкоочистительный завод. То то, то се. Занят! Меня он успевал только успокоить: «Хоп, хоп, вот освобожусь маленько...»

И тогда добрые люди мне сказали:

— Знаешь что? Поезжай к Ататуйче. Он раньше председателем колхоза был. Он все про Турсунали знает. А ехать недалеко, километров тридцать.

И я поехал.

Восьмидесятилетний Ататуйча провел меня двориком, затянутым виноградными лозами, и в тенистой комнате усадил за цветной коврик — дастархан. Он был в ватном халате, чалме и напоминал постаревшего Ходжу Насреддина. Я вытащил из кармана блокнотик, но Ататуйча приложил правую руку к сердцу и подал мне пиалу с зеленым чаем. Я тоже приложил руку к сердцу и принял пиалу. Когда мы выпили по три пиалы, я снял колпачок со своей шариковой ручки, но тут на огромном блюде внесли высокую, как вершина Кара-Тага, гору плова. Я опять приложил руку к сердцу.

Ататуйча был нетороплив и загадочен, как и положено многознающему мудрецу. Всем своим видом он показывал, что не надо спешить. Наконец после плова, маставы, самбусы, каймака, тандыр-кебаба и прочих восточных кушаний я доложил Ататуйче о цели своего визита. Я сказал:

— Ататуйча, объясните мне, как маленький мальчик, шестиклассник, сумел стать Героем. Это трудно. А ведь в Указе Президиума Вер-

Наконец после плова, маставы, самбусы, каймака, тандыр-кебаба и прочих восточных кушаний я доложил Ататуйче о цели своего визита.

ховного Совета СССР так и записано: «за исключительные заслуги».

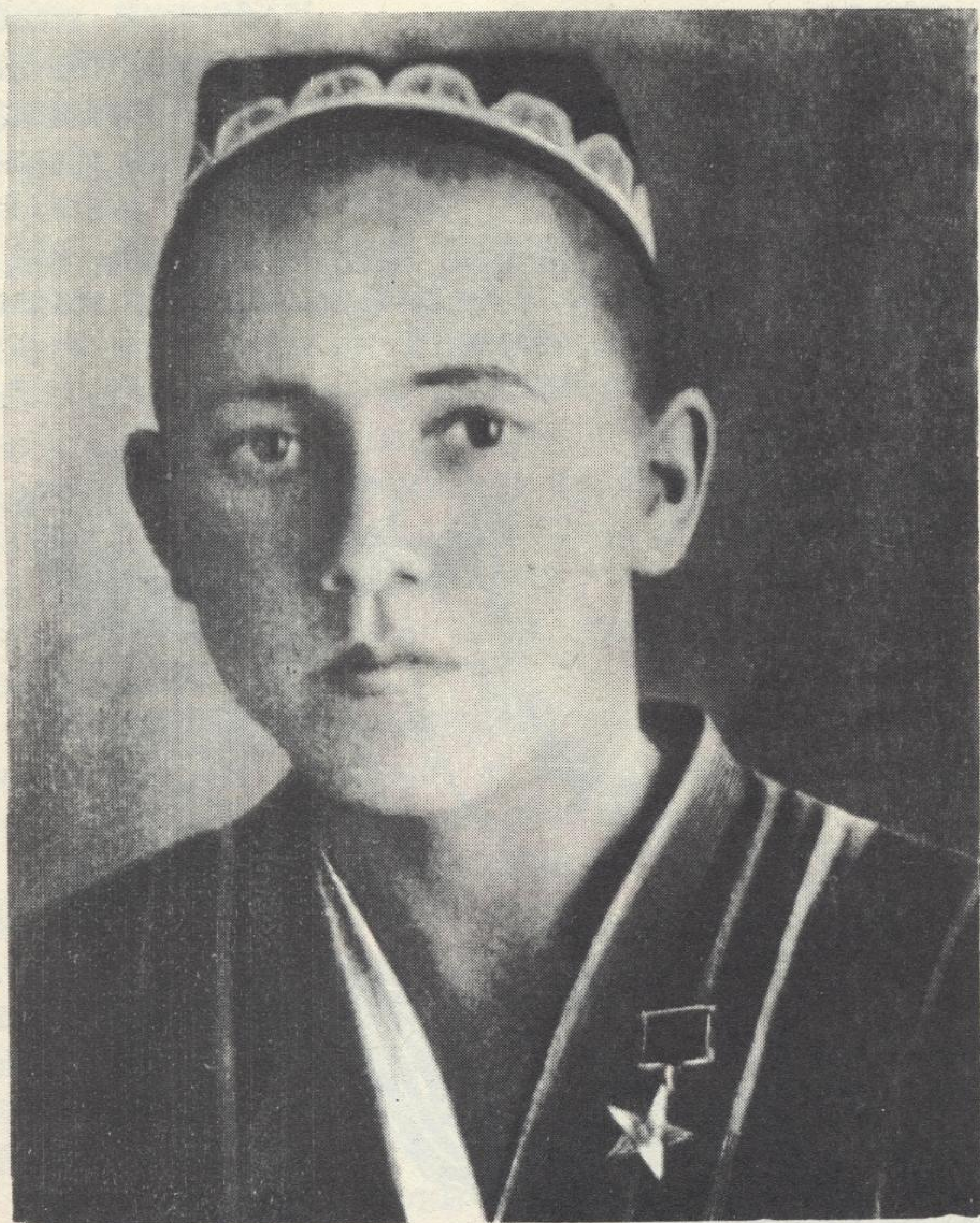
Ататуйча внимательно меня выслушал. Он пожевал зеленого табаку, протянул мне громадный и изогнутый, как ладья, вырез дыни и улыбнулся — так хитро улыбаться мог только Ходжа Насреддин.

— Маленький мальчик, говоришь? Если посмотреть на человека в подзорную трубу, ты увидишь какого человека? Большого человека! Если смотреть на него же в перевернутую подзорную трубу, ты увидишь маленького человека. Это что, будут разные люди? Нет. Это будет один человек. Потому что (Ататуйча восторженно поднял палец!) маленький человек может быть большим человеком. А в большом человеке может жить мальчишка, который всегда смеется.

Так старый Ататуйча начал рассказывать про Турсунали. Он как будто приставил к моему глазу перевернутую подзорную трубу, и я увидел в далеком далеке невысокого круглоголового мальчишку в тюбетейке и запыленных сандалиях...

Четырнадцать лет жизни...

В четыре года он умел замешивать тесто и забрасывать лепешки на внутренние стенки раскаленного, как домна, тандыра. В шесть лет он научился погонять быков на пахоте. В семь лет он сам посадил в саду несколько деревьев граната и хурмы.

В 1946 году шестикласснику Турсунали Матказимову присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Его всегда наголо подстригали, и потому с первого класса он получил прозвище Арбуз. Он не обижался — арбуз так арбуз, лишь бы сахарный.

Он дружил с Михриниссо Умирзаковой — рядом жили, сидели за одной партой. Она всегда вступалась за товарищей, и за Арбуза обидчикам крепко попадало.

Ему было тринадцать лет, когда кончилась война. Людей в колхозе тогда не хватало, и в страдную осеннюю пору ребята всем классом шли на хлопковое поле. Каждому выдавали по фартуку с внушительным карманом — туда складывают белые комки. В фартуках с этими карманами мальчишки и девчонки были похожи на кенгурят. Ничего, «кенгурята» знали дело.

— Кто соберет шестнадцать килограммов хлопка, — сказали им, — получит пять тетрадок.

К концу сезона на столе Турсунали выросла целая горка тетрадей — на весь год хватит.

Тяга у него, что ли, такая была к хлопковому полю? Во всякую минуту он бежал на перемычку канала, где работал старый мираб Сатвалды. Сатвалды подавал воду в арыки. Он похож на рыбака, у него вечно мокрая рубаха и в бороде светлые речные капли. «Горсть воды — килограмм хлопка», — смеется он. Турсунали помогал мирабу крутить на перемычке штурвалы, регулирующие уровень воды в канале, мчался с кетменем вдоль продольного арыка — шак-арыка и поперечного арыка — ук-арыка: проверить, как поступают ручейки в междурядья. Дедушка Сатвалды стоял на перемычке, ждал. Турсунали выбрасывал над головой руки со сжатыми ладонями: идет вода, бежит вода, скачет вода!

Кажется, мираб Сатвалды первый сказал о нем: кайсар, что значит — упорный.

Турсунали выбрали тогда вожатым звена, девчоночьего звена: Мукарам Юлдашева, Рано Тургунбаева и, конечно, верный друг Михриниссо Умирзакова.

Четыре пары рук — вот что такое звено. Восемь свободных рук — вот что такое звено. «Плохо, когда руки некуда деть» — так говорил старый мираб дедушка Сатвалды.

— Я думаю, — сказал на сборе звена Турсунали, — мы можем крепко помочь колхозу. Надо взять три гектара земли и самим вырастить хлопок.

— А сумеем? — спросила самая тихая и скромная Рано.

— Три гектара — не много ли? — усомнилась чуточку ленивая Мукарам.

— Сумеем, — сказала верный друг Михриниссо. — И три гектара не так уж много.

Вскоре и сам председатель колхоза убедился: кайсар этот Турсунали! Разумеется, Ататуйче не жалко было трех гектаров. Мало трех — берите десять гектаров. Он, Ататуйча, уважает ребят. И Турсунали уважает. И Михриниссо уважает. И Рано уважает. И Мукарам тоже уважает. Но все-таки это пионерское звено, а не колхозное. Ататуйча не хочет сказать, что это

Спозаранку Турсунали уезжает из дому. Десятки километров белой солончаковой пыли вздымает ежедневно его легкий «козлик» «ГАЗ-69».

забава, боже упаси. Но если ничего не выйдет, с кого будут спрашивать за землю? Поэтому он выделил звену участок, но только не на поливной плантации, а там, где заросли тутовника. Да, там земля немножко выбита ишаками. Ну и что? Звено — это восемь свободных рук, правильно говорит Сатвалды.

Они согласились. Давайте участок возле зарослей тутовника.

— Будем поливать и удобрять, азота дадут, сколько надо, — сказал Турсунали.

— Будем сами поливать и удобрять, азота дадут, сколько надо, — повторяет верный друг Михриниссо.

В ту послевоенную пору на весь колхоз приходился один-единственный трактор с керосиновым двигателем. Его, наверно, уже сто раз чинили, он пыхтел, как самовар, и коптил, как керосинка. Но и на этот трактор ребята не могли рассчитывать. Зато им выделили для пахоты двух быков. Это были старые, ленивые быки. Каждый шаг они делали, как одолжение. Но Турсунали нисколько не огорчился. С быками он умел обращаться.

Однажды ранним весенним утром, часа за три до первого урока, Турсунали пригнал быков на участок. На вполне безопасном расстоянии от них, впереди, с охапками рисовой соломы шагали Мукарам, Рано и Михриниссо. Эти охапки лишили быков покоя. Они забыли о возрасте.

Девочки помогли Турсунали поднять тяжелое деревянное ярмо — буытрык; поднатужившись, вчетвером нацепили его на бычьи шеи. Быки миролюбиво помахивали хвостами — от девочек вкусно пахло рисовой соломой, с ними не было резона ссориться.

К буытрыку мальчик прикрепил омач, плуг с острым клыком вместо лемеха. Чтобы клык не тупился, на него, как коронку на зуб, надевают чугунную рубашку. И Турсунали тоже надел на клык чугунную рубашку. Потом он взял в руки поводья, а девочки засеменили впереди быков с охапками рисовой соломы. Кавалькада тронулась. Клык омача вонзился в землю, рассек ее. Первая борозда была сделана.

А когда быки разохотились, вошли в силу, Турсунали великодушно, как и подобает мужчине, предложил:

— Вот что, девочки, идите домой. Я один управлюсь...

— Да, Рано и Мукарам, — сказала верный друг Михриниссо, — вы идите домой, мы сами управимся...

Трудные это были дни. От уроков их никто не освобождал. И еще надо было разбрасывать из ведер удобрения, пробивать кетменями бороздки от арыков, потому что без воды никакой хлопок все равно не вырастет, хоть в лепешку разбейся. Одноклассники, правда, помогали звену, но больше всех доставалось Турсунали. Он спал в сутки не больше четырех часов. А мама? Мама волновалась, мама шумела, мама просто из себя выходила. Но что она могла сделать, раз ей достался такой сын! Кайсар!

И еще переживал за ребят мираб Сатвалды. Уж он-то не жалел воды для пионерской плантации! Сам прибегал сюда на зорьке: «А ну-ка, поглядим, не осталось ли невзначай где неорошенного уголочка? Этот мальчишка помогал мне раньше. Почему я не должен помогать ему?»

Вот так и шло время. Вдруг в апреле метеостанция сообщила: ожидаются заморозки. Диковинка, да и только. Ведь это ж субтропики. Дедушка Сатвалды сказал, что надо разводить костры, в них спасение.

— Девочки, — сказал звеньевой, — спать некогда.

— А кто собирается спать? — спросила Михриниссо.

И Рано с Мукарам тоже спросили:

— А кто собирается спать?

Им выделили несколько возов соломы. Разбросали ее вокруг поля, подожгли. Тяжелый дым курился в междурядьях. Их же четверо, а костров больше двадцати. Носились, как угорелые, казалось, от них самих идет дым.

В тот сезон хлопок вызрел не на всех колхозных участках. А пионерское звено Турсунали Матказимова всех удивило: удался хлопок!

Осенью они прочесали свою плантацию, наверно, раз пять или шесть. Самые крохотные белые комочки выбирали из коробочек, белой паутинки не оставили. Хлопкоуборочных машин тогда и в помине не было. Но каждый из них умел пятерней выбрать коробочку за какие-то доли секунды.

Они собрали по восемьдесят девять центнеров с гектара, с каждого из трех гектаров. В два раза больше, чем другие. Это был рекордный для колхоза результат.

— Послушай, Турсунали, — сказал в ту осень мальчику Ататуйча. — Ты настоящий уста.

Уста — это мастер, и это высокая похвала. Лучшие уста становятся Героями.

...и еще один день

Двадцать пять лет прошло с той поры. Турсунали стал главным агрономом колхоза. Его поле теперь в тысячи раз больше, чем то, первое поле его детства. И забот у него в сто раз больше. Спозаранку он уезжает из дому. Десятки километров белой солончаковой пыли вздымает ежедневно его легкий «козлик» «ГАЗ-69». Пыль позади машины держится густо и устойчиво, как след реактивного самолета, и если стоять на колхозной пожарной вышке, легко узнаешь, где был главный агроном, в какую сторону поехал. На полчасика только заскочит домой пообедать, подзаправится шурпой, пахнущей перцем и бараниной, проглотит стакан катыка — простокваши, оботрет лепешкой вместо салфетки рот и опять к своему «козлику». Виноватыми глазами глядит на меня:

— Освобожусь маленько...

Нет, я знаю, он не скоро освободится. Хлопок, хлопок... Тонкие его пряди ленточками вплетены в косички кишлачных девчонок — мода сезона. Хлопковые сосульки, серые от пыли, повисли на телеграфных проводах. Скрещенные стебельки с ватными соцветиями — в кабинах автомашин. И кажется, что вершины Кара-Тага, подступающие к кишлаку, тоже нацепили на себя белые хлопковые шапки. И Турсунали ни о чем не может говорить, только о хлопке.

По дороге на дальний полевой стан «козлик» зачихал.

— Ты пока чини, догонишь нас, — сказал шоферу Турсунали.

И мы пошли пешочком. Рядом молниеносно пронеслась тень пролетевшего над нами одномоторного самолета «АН-2».

— Опрыскивать хлопок. Очень хорошо, — пояснил Турсунали.

Потом промчался грузовик — на него, как белая барашковая папаха, нахлобучена хлопковая гора.

— Сдавать повез. Очень хорошо, — пояснил Турсунали.

Затем нас перегнал всадник на лошади.

— Завмаг поехал собирать хлопок. Очень хорошо, — пояснил Турсунали.

И, наконец, с нами поравнялся наездник на ишаке. Он тоже куда-то спешил.

— Это наш бухгалтер, — пояснил Турсунали.

Но тут нас догнал бодрый «козлик». Турсунали туже завязал на черном халате зеленый поясок-чарси, прибил к подстриженному затылку четырехугольную тюбетейку, и мы стали носиться по станам.

Турсунали быстро шагает по обочине поля, срывает хлопковую коробочку — курак. Коробочка не раскрылась, она сейчас похожа на цветок нераспустившейся лилии. И на других кустах коробочки не успели раскрыться. Плохо, плохо! Дорогое время уходит, нельзя ждать. Турсунали и не собирается терять времени. Он решает пустить на плантацию специальные куракоуборочные машины — они соберут аккуратные коробочки и сами тонкими металлическими пальчиками извлекут из них ватные комочки. Турсунали улыбается, будто кого-то перехитрил.

А на другом участке земля оказалась чуточку суше, чем полагается. Это Турсунали особым прибором определил. Как быть? Дождя ждать? Э, нет! Так можно и урожай прозевать. И Турсунали распорядился: подать сюда из канала побольше воды. Такое растение — хлопок! Ему ежеминутно пить надо!

Каналы и арыки в полном распоряжении главного агронома. Он всегда знает, какой арык пустить на «передовую», а какой держать в запасе. Сейчас Турсунали похож на настоящего командира, в его руках карта всех колхозных полей и ирригационной сети — сети всех водных артерий.

А мы мчимся дальше, ругаемся с нерасторопными приемщиками хлопка, отдаем новые распоряжения мирабам, советуемся с бригадирами. Вы, конечно, понимаете, что сам я распоряжений никаких не давал, но колхозники смотрели на меня с большим уважением, потому что каждый раз Турсунали обращался ко мне.

— Они жалуются, что на хлопкоочистительном заводе подолгу стоят автомобили. Очередь! Я виноват? Скажу об этом в райкоме, верно. Но я не завод. Я только агроном.

И он весело мне подмигивает. И колхозники тоже весело мне подмигивают. Все смеются. А какой-то шутник говорит, что если бы агроном был еще и заводом, то от него в два раза больше было бы пользы. Больше всего этой шутке радуется сам Турсунали; он, как мальчишка, смеется, ударяя себя по бокам и тряся головой, отчего тюбетейка сваливается с затылка.

После полудня, к обеду, заненастило. Турсунали с опаской поглядел на облака. Ой, града бы не было! А то ненароком хлопчатник побьет. Я вижу, как неспокойно на душе у главного агронома. Будет град? Не будет? Это надо знать точно. И мы едем в Регарский противоградовый отряд. Тут, в отряде, на горе стоят специальные пушки, нацеленные в небо. Появится грозовое облако, несущее в себе градины, пушки расстреляют его снарядами, начиненными особыми кристаллами. Тогда на поле выпадет самый безобидный серенький дождик.

— На нас надеются, как на богов, — говорит инженер-оператор противоградового отряда Юрий Жуков, а Турсунали подходит к локатору и глядит на экран кругового обзора. Если облако даже за двести километров отсюда, локатор все равно принесет его изображение на экран. Сейчас экран пуст, как экран телевизора во время перерыва. Турсунали доволен. Он жмет руку инженеру, будто тот и в самом деле бог и предотвратил опасность.

— Соберем хлопок, хорошая погода нам поможет, — говорит Турсунали.

И вот уже солнце быстро, как на салазках, скатывается со снежной вершины Кара-Тага. Сразу темнеет. В долине зажигаются фары хлопкоуборочных машин. Урчат, бесперебойно урчат машины-работяги.

Вы думаете, для Турсунали день кончен? Нет. Мы возвращаемся домой.

— Бери лопату, — предлагает мне Турсунали.

Мы выкапываем в его саду деревца граната, груш, ветвистые чубуки винограда. И снова «козлик» мчит нас на окраину кишлака. Сейчас там поселились люди гор, памирцы, пожелавшие жить в долине. Им надо помочь устроиться. Пусть и у них будет свой виноград! Пусть и у них в саду растут гранаты, груши, хурма. Он хочет подарить им фруктовые деревья из собственного сада. Надо с людьми делиться чем можешь. Они ответят добром. Что, деньги? Э, глупости. Будет урожай — на той пригласи. На праздник! Будем виноград кушать.

Поздно вечером Турсунали зайдет в спальню, где спят пятеро его детей. Вот под синим байковым одеялом — четырнадцатилетний Махамадсидик. Под стеганым красным — первоклассница Рукийя. Третьеклассник Умарали спит в одних трусиках. Пятилетний Усман и годовалый Махомадали накрылись овчиной. Из-под овчины торчат пятки Усмана. Турсунали качает головой: «Ай, грязнуля, опять ноги забыл помыть». Он улыбается, развязывает тонкий поясок на халате. День окончен.

И в эту минуту мне вспомнились слова, которые говорил старый Ататуйча:

— Много лет назад Турсунали вырастил первый хлопок на своем детском поле. Но он не догадывается, что это поле вырастило его самого. Оно дало ему силу, подарило уважение людей. Это самый богатый урожай, который может принести поле нашего детства...

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

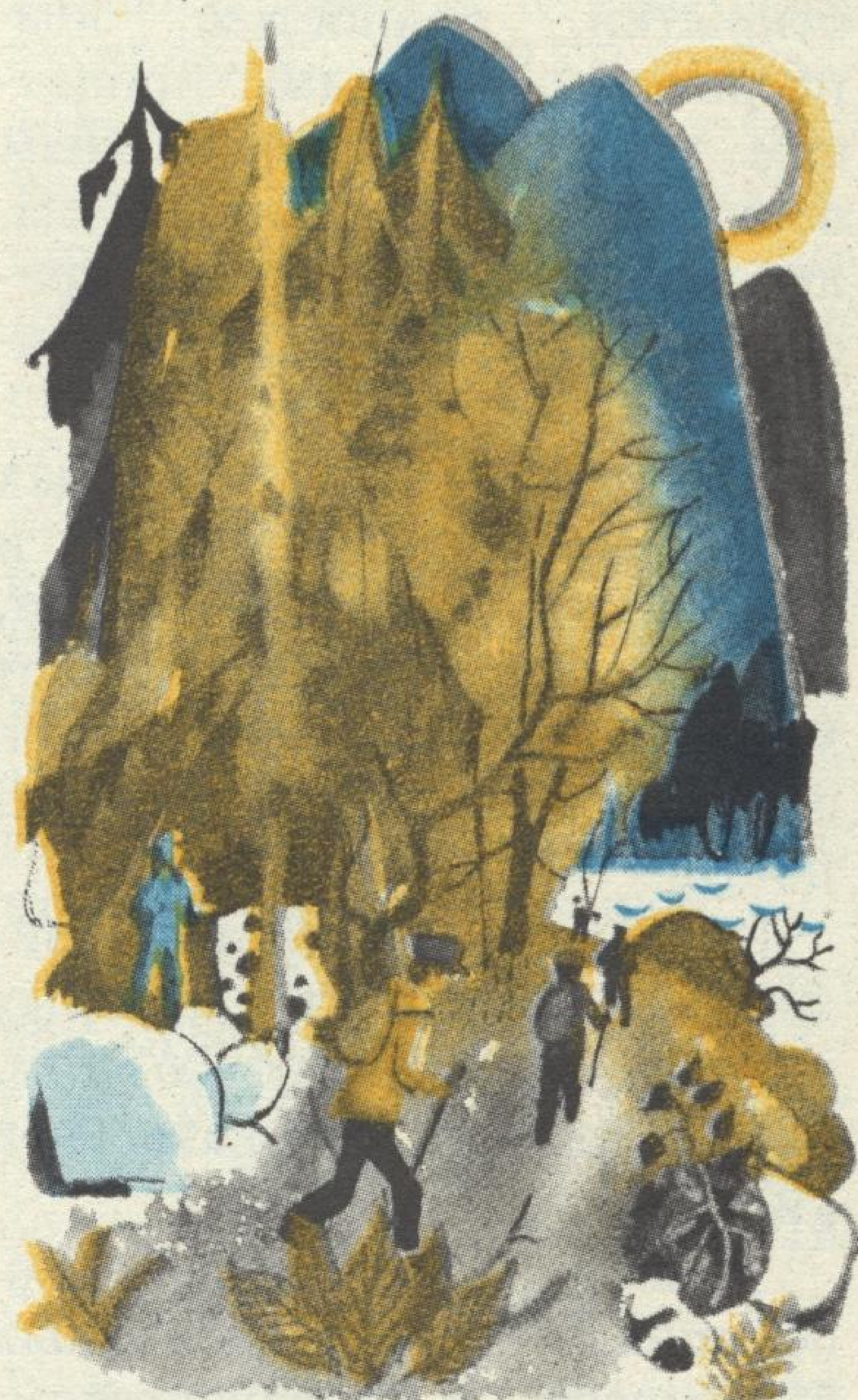

Владимир Алексеевич Кудрявцев

Без твоих рук не обойтись

На наш БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ пришел **ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ КУДРЯВЦЕВ**, доктор геологических наук, декан геологического факультета МГУ.

В геологических походах ребята нередко становятся и археологами, и историками, и краеведами.

Вот что он сказал:

«Засевает человек землю или строит дома, выхаживает телят или ищет полезные ископаемые, он постепенно начинает понимать, что земле, на которой он живет, без его рук не обойтись. Чем раньше придет к этому знанию человек, тем лучше для него и для дела, которое он себе выбрал.

Я знаю многих ребят, полюбивших геологию, занявшихся ею всерьез уже на школьной скамье.

Вот латышский школьник Юргис Риетс из Кулдигской средней школы каждое лето уходит в геологический поход. Он представил уже две заявки на месторождение глины. Одно из этих месторождений может быть использовано в народном хозяйстве. Его тезка Юргис Заринь, ученик Лиелвардской средней школы, открыл новое месторождение доломита, которое тоже принесет пользу хозяйству республики.

Ребята из Киргизии, из панфиловской средней школы Калининградского района нашли залежи цветного мрамора; в долине реки Магызы Кузнецкого Алатау юные геологи обнаружили золото.

В общем-то, мне думается, не только в находках дело, те, кто не сделал еще особых открытий, полностью вознаграждены самим процессом поиска, тем безмерным восхищением и удивлением, которое испытали перед красотой и многообразием природы.

В геологических походах ребята нередко становятся и археологами, и историками, и краеведами. Открывают мир и познают свое истинное призвание и свои возможности.

К нам на факультет приходят письма, в которых ребята спрашивают о том, как можно испробовать свои силы.

Можно участвовать в экспедициях, организованных Московским университетом, в походах, которые организуют геологические управления. Такие управления есть всюду, обратитесь туда. Краеведческим музеям, музеям природы тоже нужна ваша помощь.

Сад на пустыре

На пустыре, вернее, на бывшей городской свалке, построили школу, красивую, нарядную. Ее фотография помещена теперь в альбоме, на обложке которого написано: «Летопись школы имени Д. Фурманова Илийского района, Алма-Атинской области».

С тех пор прошло одиннадцать лет. Нет больше пустыря, а есть сад, великолепный фруктовый сад, огород, роща, цветники, тополиная аллея... Подходишь к школе и еще издали видишь, как ветерок играет зеленым листом, переворачивает его с лица наизнанку. Сидишь за партой у открытого окна — ну и запах! — яблони, вишни цветут, нарциссы. Возвращаешься домой — вслед белые лепестки летят... Мечта, а не сад!

Рассказывают, свалка долго не хотела уступать место саду: старые гвозди, битые кирпичи, стекло — попробуй очистить от них землю! Спрессованный годами мусор вскопать не легче вечной мерзлоты. Пришлось долбить лунки. Землю привозили издалека, а за саженцами отправлялись в горы — там «посадочный материал» бесплатный.

Мария Андреевна Батурина, преподаватель биологии, говорит: «У ребят такое было настроение, что, казалось, попроси их срыть с лица земли «Мохнатку», самую высокую в Алма-Ате гору, срыли бы». Никто не жаловался, что трудно. Каждый делал, что мог, а свежие волдыри на ладонях стыдливо прятали, чтобы товарищи не подумали: белоручка.

Как ты думаешь, может растение воспитывать? Смешной вопрос?! Ребята из школы имени Фурманова раньше тоже пожали бы плечами, подумали бы: «Ерунда какая-то...» Теперь-то они

Свалка уступала место саду.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Теперь-то ребята знают: может растение воспитывать человека.

знают: может растение воспитывать человека. Еще как!

Все вместе они сажали деревья, цветы, овощи. Вместе волновались: вырастут ли? Вместе пережили счастливый момент: поднялся молодой сад, распустились на клумбах первые бутоны, взошли на грядках лук, морковь, редиска. И незаметно для себя почувствовали ребята, что крепко подружились.

Кто прежде ботаникой не интересовался, теперь искал в библиотеках книжки, рассказывающие о жизни растений. Кружок юных натуралистов стал самым популярным в школе. Его и кружком, пожалуй, не назовешь — научное общество. И началась совсем иная жизнь, интересная.

Скоро выяснилось, что не так-то просто быть юннатом. Доверишь растение ленивому, нерадивому, злому, он вовремя его не прополет, полить забудет, не подкормит. А растениям нужна постоянная забота, иначе, смотришь, деревце, за которым твой товарищ ухаживал, цветет, а твое сохнет. И если погибнет или заболеет, ты виноват.

Однажды выглянули шестиклассники во двор и ахнули: три яблоньки искалечены, несколько веток на тонких полосках коры едва держатся, и огороды вытоптали — не иначе кто-то украдкой приходил полакомиться клубникой, яблоками. Надумали ребята поставить в своем хозяйстве сторожевую вышку, посадить на нее дежурного — пусть приглядывает. И еще завести собаку, тогда уж никто не сунется.

Так и сделали. Построили вышку в саду, черная собака Жучка сидит у ворот, сад охраняет. Можно быть спокойным: никому ничего не достанется. А у нас на завтрак салат из свежих овощей, к обеду — яблоки, клубника, малина... Часть фруктов и овощей продали — на вырученные деньги купили инвентарь, удобрения, на экскурсию поехали.

Первое время ребята были очень собой довольны. Школа у них новая, самая во всей округе красивая. Сад удался на славу. Самое зеленое место в поселке. Все их хвалят: молодцы! Грамоту дали!

И вдруг как-то раз увидели: ребятишки из детского сада заглядывают в заборную щелку к ним в сад, а один маленький мальчишка говорит: «Ох, и клубничка у них вкусная!» И... ахнули ребята, что же это мы делаем? Пионеры мы или «куркули», жадины? От кого мы прячем свое добро, от наших пап и мам, от младших братишек и сестренок? От всех, кто с нами в одном поселке живет? Срочно собрали совет дружины. Вышку в тот же день уничтожили, овощи и фрукты, все, что поспело, распределили всем понемногу. Постановили и впредь так поступать и еще решили озеленить поселок весь! Пусть у каждого дома растут деревья и цветы.

Теперь, когда въезжаешь в поселок «ГРЭС-I», кажется, что плывешь по зеленому океану. Красивый поселок! И с кем тут ни разговоришься, первым делом тебя спрашивают: «Вы в школе побывали? С нашими ребятами познакомились? Они молодцы! Надежный народ!»

Когда «Пионер» объявил БОЛЬШОЙ ОБЩИЙ СОВЕТ и предложил открыть ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ, я подумала: надо рассказать о ребятах из поселка «ГРЭС-I». Правда, я могла бы только о том сказать, какой они прекрасный школьный сад вырастили, как благодарны им взрослые за помощь, как любит их малышня из детского сада и яслей, как хвалят их специалисты на Выставке достижений народного хозяйства. Фурмановцы уже четвертый год — участники выставки. О вышке и о Жучке, может быть, и не стоило вспоминать? Мне кажется, стоило. В ШКОЛЕ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ обязательно надо говорить о том, каких хозяев мы уважаем, ценим, благодарим, а к каким относимся с презрением. И еще я хочу сказать: все время, пока я гостила у ребят, я думала о том, какую огромную радость испытывают люди, когда они делятся плодами своего труда, когда могут заботиться о других, быть полезными всем, кто с ними рядом живет.

Вот как получается: человек отдает, а становится богаче. Мне хотелось бы, чтобы мы все вместе подумали об этом в нашей ШКОЛЕ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ.

К. ТКАЧЕНКО ★

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание

Я, Арина, Байрамчик и верблюжье молоко

Зоя ЖУРАВЛЕВА

Рисунки М. ЯШКОВОЙ

Споем-ка нашу любимую...

Мы уже едем. Мы через весь заповедник едем к горам — родники чистить. Как нам повезло с Ариной! Папа нас раньше с собой в пустыню не брал, а сейчас решил взять. Мы уже большие. В нашем возрасте пора уже чистить родники, так папа считает. Нам с Ариной просто повезло, что он так считает.

Мы уже совсем едем. Арина мне дышит в плечо. Мы с ней в кабине сидим. Шофер Боря еще в кабине. Боря шевелит рулем и поет:

— Федра, ты, федра, ты, федра моя...
Федра, ты, федра, ты, федра моя...

Он все время одно и то же поет. Это Боре помогает машину вести. Мы с Ариной тоже поем, мы уже выучили. Мы теперь все вместе поем:

— Федра, ты, федра, ты, федра моя...

Дядя Володя нам сзади стучит по кабине, кричит Боре:

— Это какая федра? Это которая эфедра, что ли?

Эфедру мы знаем с Ариной. Это куст. Зачем про куст будем петь, даже смешно. Мы свою песню поем, совсем другую. Мы поем:

— Федра, ты, федра, ты, федра моя...

Вот мы как поем.

Очень хорошо в кабине. Бензином пахнет. Прямо нечем дышать, так пахнет. Мы бензином дышим, мне нравится. Сиденье под нами блестит. Черное такое! Я потрогал чуть-чуть и пальцы обжег. Арина спиной прислонилась и тоже немножко обожглась.

Горячее все. Я локоть в окно выставил — там ветер. Он мимо нас летит. Горячий. Хорошо!

— Уже мотор греется,— говорит Боря.— Будь проклят тот час, когда я сел за руль этой керосинки.

А сам смеется. Это он просто так говорит. Шутит со своей машиной. Если свою машину любишь, можно, конечно, с ней пошутить. Машина не обидится, она знает, что Боря ее любит. Он бы ее еще больше любил, если бы у него были к этой машине запчасти. Боря бы тогда сделал из своей машины конфетку. Но запчастей нет, на саксаулах они не растут. Конфетку поэтому не сделать. Но Боре все равно нравится быть шофером. Он еще маленьким хотел обязательно быть шофером. И стал.

— И тебя потом научу,— говорит мне Боря.

— А меня?— говорит Арина.

— Всех научу,— говорит Боря.— Я добрый. Мне только эти капли мешают. Аринка, вытри чем-нибудь.

У Бориса на лбу, оказывается, капли. Они мешают ему смотреть на приборы, льются. А перед Борей столько приборов — глаза разбегаются. Часы, например, перед ним вделаны прямо в кабину. Боря по этим часам машину ведет.

Арина платок взяла и трет Боре лоб.

А капли опять лезут. И на щеках тоже. На подбородке.

Я смотрю, у меня капли из ладони ползут.

Тут нам опять застучали в кабину.

— Пить хотите? — кричит папа.

Оказывается, они там, в кузове, пьют. А мы тут мучаемся в кабине. Боря сразу остановился.

Папа нам резиновый шланг дает.

— Сосите,— говорит.

Этот шланг прямо из бочки с водой идет, такая трубка. Из него надо пить. Я в рот его осторожно взял. А шланг теплый. Резиновый. Воды никакой в нем нет. Невкусный вообще-то.

— Тяни в себя,— говорит Боря.

Я потянул немножко. Все равно воды нет.

— Сильнее тяни! — кричит папа.

Я зубами как этот шланг зажму... Как из него вдохну... Сразу подавился резиновым воздухом. А воды все нет.

— Дай-ка мне,— говорит Боря.

Губами взял, и сразу у него в шланге забулькало. Мы с Ариной смотрим, как Боря пьет, и тоже вроде глотаем. Но нам глотать нечего. Только пить еще больше хочется.

— Недотепы,— говорит папа.— Сейчас я вам сделаю напор.

Он нам такой сделал напор: бочку в кузове наклонил, и вода из шланга сама пошла. Мы с Аринкой рот подставляем по очереди. Какой нам папа сделал вкусный напор! Я такой воды никогда не пил! Это такая вода! Теплая. Сладкая. Длинная. Я бы ее всю жизнь пил. Никогда бы ничего другого не пил. Ни компот, ни какао. Даже верблюжье молоко бы не пил. Только эту воду!

Мы с Ариной пьем, пьем.

— Хватит,— говорит папа.—Много нельзя. И шланг к себе в кузов убрал. Я думал, что ничуть не напился, а папа убрал. Зачем он только так сделал! Вдруг чувствую, я уже пить не хочу. Ни пить, ни есть. Мне так легко вдруг. Я только дальше ехать хочу. Такая это вода!

Мы сразу поехали.

Я в окно смотрю, даже высунулся. Арина мне дышит в плечо. Мы по нашей пустыне едем. Как у нас красиво! Черепахи навстречу ползут. Блестят их чистые панцири. Боря черепах объезжает. Пускай ползут. Толстый суслик выскочил и перед машиной бежит. Машет своим толстым хвостом. Боря ему сигналит. Суслик в норку нырнул, нет его. Змея-стрелка на саксауле висит. Тонкая, как поясок. Зацепилась хвостом за ветку и смотрит. Она даже неядовитая, пусть висит. Возле своих норок усатые мышки-песчанки стоят на задних ногах. И свистят. Они друг другу свистят, что погода хорошая, травы еще много, вон машина едет, в ней едут хорошие люди, посмотреть приятно.

Это мы едем. Я, Арина, мой папа, дядя Володя, дядя Мурад Сапаров, тетя Надя и шофер Боря.

А вокруг наша пустыня. Она сейчас цветет. Красные маки лезут нам под колеса. Лопухревень звенит нам оранжевыми сережками. Розово вьются вьюнки. Ирисы торчат из песка жестко и прямо, как фиолетовые копья.

«Бух! Бух! Бух!» — стучат нам по кабине.

— Варан! — кричит папа.

И прыгает вниз, Боря еще даже затормозить не успел. Папа уже бежит. Он вон какой! Сильный и ловкий, мой папа. Так бежит! Дяде Володе его нипочем не догнать, он сзади бежит.

Мы с Ариной тоже выскакиваем.

— Где? — кричим мы.

— Кто? — кричит тетя Надя.

— Вон! Вон! — кричит Боря.

Я и сам вижу. Папа за вараном бежит. Он его почти догнал. Варан обернулся и бьет на папу хвостом. Но папа его как раз схватил. За хвост. И обратно к машине бежит. Уже с вараном.

— Крокодил,— удивляется тетя Надя.

— Крокодил в Ниле живет,— объясняет Арина.— А это варан. Он у нас в пустыне живет. Просто такая ящерица.

— Разве такие ящерицы бывают? — опять удивляется тетя Надя.— Он же громадный.

— Средний,— говорит папа.— Метра полтора, не больше.

Папа держит варана, и варан, конечно, сердится. Хочет папу ударить хвостом, а никак. Папа крепко держит! Тогда варан разевает пасть. Хочет папу своим языком испугать. Язык у варана длинный, узкий, раздво-

енный на конце. Змеиный какой-то язык. Но папа все равно не боится.

— Нервный какой варанчик попался!— смеется папа.

— Молодой еще,— говорит дядя Володя.

Конечно, этот варан молодой. Если бы старый, он бы весь тусклый был, я знаю. А этот желтый, оранжевые полосы так и блестят на спине, а глаза сердитые. Он бы папу сейчас прямо съел. Но папа его крепко держит.

— Не ядовитый? — говорит тетя Надя.

— Самую малость,— говорит папа.— Для человека не опасно. А вот разодрать руку до кости, это он пожалуйста. Бульдожья хватка.

— Кусал? — говорит тетя Надя.

— Не только варан. Меня и муравьи кусали,— смеется папа.

— На надувную игрушку похож,— говорит тетя Надя.— Только больно велик. Кто-то его дул-дул, так до конца и не надул. Сил не хватило у кого-то.

Варану совсем не понравилось, что он на игрушку похож. Как дернется! И от папы вырвался. Но не побежал. Если уж варана поймали, он убегать не будет. Гордый. Не будет он удирать, как суслик. Он полный живот воздуху поскорей набрал и как зашипит. Толстым шипом.

Тетя Надя так и отскочила. А говорила, игрушка! Мы с Ариной тоже немножко отпрыгнули, просто от неожиданности.

Но папа уже варана снова поймал.

— Подожди,— говорит.— Куда торопишься? Ты нам все-таки сначала скажи, что ты сегодня кушал.

Интересно, как ему варан скажет. Он ведь неговорящий.

Смотрю: дядя Володя флягу несет. А-а-а, они дадут варану попить. Молодцы! Пить он, конечно, хочет.

— Хватит ему? — говорит дядя Володя. И трясет флягой.

— С избытком,— говорит папа.

Папа держит варана за голову, а дядя Володя над ним с флягой стоит. Они его уговаривают. Варан никак не хочет рот раскрывать. Думает, наверное: что это там, во фляжке? Может, гадость какая-нибудь? А там вода! Открыл наконец.

— Можно я попою? — говорю я.

— Давай,— говорит папа.

Я из фляжки тихонько лью, а папа варану живот щупает. Чтобы варан не опился. Сразу много нельзя. Варан руки на животе сложил, глаза закрыл и глотает громко. Не поймешь, нравится ему или нет. Ничего он папе не скажет.

— Гурман какой! — говорит тетя Надя.

— Я тоже буду поить,— говорит Арина.

— Следующего поймаем, и будешь,— обещает папа.

— Всех встречных будем поить? — смеется тетя Надя.

— Такая работа,— смеется папа.

Живот варану еще раз пощупал и говорит мне:

— Все, Ледик. Отойди.

Я думал, папа варана сейчас уж выпустит. А папа вдруг снова его за хвост схватил и как начал трясти. Так трясет! Варан прямо болтается в воздухе, как лягушка.

— Ему же больно,— говорю я.

— Скорее неприятно,— говорит папа.— Конечно, ему неприятно. Что делать? Вот если бы я его разрезал, тогда больно.

— Зачем бы разрезал? — говорю я.

— Чтобы узнать, что он сегодня ел,— говорит папа.— Я с ним как раз на эту тему беседую.

И опять варана трясет. Такая у них беседа.

— Задушевная! — смеется дядя Володя.

Варан уже воду обратно выплеснул — так папа трясет.

— Да,— говорит тетя Надя.

— А вы не смотрите, Надежда Георгиевна,— говорит папа.

— Нет,— говорит тетя Надя.— Я не об этом.

Она все об увлеченности, вот она о чем. Ей приятно смотреть, что бы папа ни делал. Папа так увлеченно все делает. Мне тоже приятно смотреть. И Арине и Боре. Мы все на папу смотрим.

— Конечно,— смеется папа.— Я тут сильно увлекся. С четырнадцати лет увлекаюсь, никак не перестану.

И сразу перестал.

Все равно в варане уже ничего больше нет, один белый живот. Папа все вытряс. Варан теперь дышит.

— Володя, запиши,— говорит папа.— Он сегодня съел. Так. Трех черепашек, шесть чернотелок. Два черепашьих яйца. Ага, еще сцинка. Взрослый сцинк, запиши...

Я сцинка знаю. Ящерица, а на животе бегает, как змея. Лапы свои бережет. На животе от варана, конечно, не убежишь.

— Ну, гуляй, не сердись,— сказал папа и отпустил варана.

Но варан не хочет гулять. Он ногами уперся в песок, голову выставил и изо всех сил теперь дуется. Такой желтый стал. Толстый. Прямо пузатый-пузатый. Надулся воздуху. Это варан на папу обиделся.

— Прости,— говорит ему папа.— Такая работа! Исключительно для науки. Вдруг ты голодаешь, надо было проверить.

Зря только папа ему напомнил. Еду варану, конечно, жалко. Он как зашипит и прямо на нас побежал. Растопырился и бежит.

— По коням! — кричит папа.

Мы все в машину скорей запрыгнули. Я дверцу держу, Арина в меня вцепилась. Боря руль крутит. Песок летит во все стороны из-под колес. Дядя Володя стоит в кузове и панамой машет.

А варан сзади бежит и шипит. Никак не хочет отстать. Голову наклонил и бежит. Хочет нам в шину вцепиться. Бульдожьей хват-

кой. Вдруг он нам колесо прокусит, что тогда?!

— Караул! — кричит Боря и жмет на педали.

Я в окошко смотрю.

— Отстал,— говорю я.

— Видишь, какая у твоего папы работа,— говорит Боря.— А ты в пески просишься! Опасная работа.

Ну и что, что опасная? Это для науки! Мы с Ариной нисколько не испугались. Разве кто-нибудь плакал? Я фляжку папе держал. Арина подходила близко к варану посмотреть, как он сделан. Она теперь может варана слепить. Подумаешь, варан! Он же не крокодил. Машину он не прокусит. Если бы прокусил вдруг, мы бы с Ариной...

— Уж вы бы с Ариной — это точно!..— смеется Боря.

Варан обернулся и бьет хвостом.

Мы все смеемся. Хорошо в кабине. Тесно. Дышать абсолютно нечем. Горячее все. Желтый песок навстречу летит. Синее небо сбоку летит. Бочка сзади гремит. Впереди скачет тушканчик. Боря его объезжает. Тушканчик толкнулся хвостом и как прыгнет.

— Может, перелезете в кузов? — кричит папа.

— А я как же один? — говорит Боря.

Нет, мы не перелезем. Тут ближе все видно. Мы в кабине сидим, Борю мы не оставим, пусть Боря не думает. В кузове мы потом поедем. Нам далеко ехать! Через весь заповедник.

— Тогда давайте споем,— говорит Боря.— Нашу. Любимую.

Конечно, споем. Мы так давно не пели. Нашу. Любимую. Я только забыл какую. Но сразу вспомнил. Тем более Боря уже поет. Он поет:

— Федра, ты, федра, ты, федра моя...

И мы с Ариной тоже поем. Нашу. Любимую:

— Федра, ты, федра, ты, федра моя...

Вот мы как поем. А наша машина прямо мчится.

Из чего только пьют птички?

Какое сегодня утро! Горы блестят. Небо блестит. Блестят тети-Надины волосы. Мои мытые щеки блестят—мне папа на них полил. Наша машина блестит — ее Боря протер. Лопаты блестят, каждая на счету. Вон моя, с краю. Даже миски блестят — их ночью песчанки вылизали. Лизухи такие! Тоже каши хотели. А ложки они даже погрызли чуть-чуть. И теперь на ложках блестят следы их мелких зубов.

Прямо блестящее утро!

— Скорее! — говорит папа.— По холодку обследуем родники.

Мы за этим и ехали. Сейчас мы обследуем. По холодку. Солнце еще только-только встает, а мы уже идем. На работу идем. Мы рабочая сила, у каждого есть лопата. Без лопаты тут просто нечего делать. Я свою лопату крепко держу.

Мы идем к роднику. Еще далеко идти.

— Давайте-ка поиграем,— говорит папа.

Я думал, в прятки. Так прятаться некуда, если только за горы. Далеко бежать. Или в догонялки. Разве папу догонишь? Тем более мы с Ариной в сапогах. Но папа в такую игру предлагает сыграть: кто что видит — вот какая игра. Интересно, кто больше видит вокруг?

Можно, конечно, попробовать, раз папа хочет. Я Аринину спину вижу, в сарафане. И Борину, она красная. Боря вчера незаметно сгорел. Тети-Надины волосы вижу. У нее такие большие волосы, мне прямо в глаза бросаются.

— Чур, гнездо поползня! — кричит папа.

— Где? — кричит Арина.

— Мне покажите! —кричит тетя Надя.— Мне!

Вот папа хитрый какой! Придумал гнездо. Где он его нашел? Никакого нету гнезда. Поползень над нами летает, кричит. А гнезда нет.

— Не туда смотришь,— говорит папа. И показал нам.

Конечно, я под ноги смотрел. А оно справа, на большом камне. Теперь-то мы все увидели. Круглое. Какое гнездо! Из глины. Поползень его, значит, слепил. Прямо как Арина. Что хочет, лепит. Слепил себе целый дом.

Красная бусинка в глине торчит. Какие-то перышки. Синее. Розовое. Пестрое. Прилепились к гнезду и торчат.

Тетя Надя подергала синее, говорит:

— Крепко. Никак. Это случайно?

— Не обижайте нашего поползня, Надежда Георгиевна,— смеется папа.— Поползень у нас кокет — свой дом так украсил.

Надо же, как он красиво украсил!

Где-то бусинку взял. Что бы этому поползню подарить? У меня в кармане камень лежит вообще-то. Белый. Блестящий. Такого камня у поползня нет. Я ему на гнездо положил. Пусть. Он потом его глиной прилепит, раз он красивое любит.

Вдруг Арина кричит:

— Чур, муравейник!

Я муравейник раньше Арины увидел, просто не сообразил крикнуть. Но Арина сообразила.

— Молодец, Аринка,— говорит папа.

— Где муравейник? — недоверчиво спрашивает тетя Надя.

Она присела и смотрит. Никак не видит. Арина ей показала, но тетя Надя не верит. Какой это муравейник? Это же дырка на ровном месте! Конечно, дырка. В песке просто вход. Муравьи туда лезут, толкаются. А сам муравейник внизу, его не видно. Муравьи тоже от солнца прячутся. Вон как спешат. Домой. Вниз. Панамки у них нет, голова рыжая, на такую рыжую голову вполне может быть солнечный удар.

— Солнце рыжих любит,—говорит папа.— У нас Арина немножко рыжая. Чуть-чуть. Ее солнце очень любит, без панамки ей нельзя выходить.

— Муравейник! — смеется тетя Надя.— У вас все наоборот, как нарочно.

— Азия, Надежда Георгиевна,— говорит дядя Мурад.— Я всегда говорила, Азия — дикая страна.

Тетя Надя привыкла, что муравейник — высокая куча, сверху стоит и ее издалека видно. Такой конус.

— И в Москве конус?! — говорит Арина.

И в Москве и на Севере, где тетя Надя работала. Всюду муравейник — это конус. Вон на Севере как. Там конус! Я никогда конуса не видел. Арина тоже не видела. Обязательно нужно съездить и посмотреть, раз там конус.

— Может, на Север на минуточку съездим? — говорю я папе.— Как там муравьи живут в конусе, надо бы посмотреть.

— Чур, игла дикобраза, видите? — кричит тут Арина.

И хватает иглу, толстую, как ручка-самописка, но без пера.

— Чур, песчаный таракан! — кричит дядя Володя.

И хватает таракана за панцирь. Сверху у него панцирь, как у черепашки, а под панцирем такие тараканьи-тараканьи усы. Он просто песчаный!

— Чур, следы джейрана! — кричит Боря. Они такие — сердечком.

— Чур, нора тарантула! — кричит дядя Володя.

Чур, чур, чур — все так кричат! Я головой не успеваю вертеть. Вон мы сколько видим. Вокруг. Какую папа придумал игру! Мы теперь всегда так будем играть. Даже тетя Надя кричит:

— Чур, верблюд на горе!

Правда, там верблюд. Ходит. А может быть, камень. Просто лежит. Это высоко! Без бинокля не видно. Вон у папы бинокль. Все бинокль хватают. Всем хочется посмотреть. Я еще не успел.

— Чур, родник! — кричит папа.

Оказывается, мы уже к роднику пришли. А говорили, что далеко. Так близко. Не заметили, как пришли. Где же родник?

Я думал: какой это родник? Как он все-таки выглядит?

Наверное, большой. Целое озеро. Вода в роднике толкается, прямо из дна бьет, фонтаном. Утки плавают. Камыш сбоку растет. Вон как родник весь зарос. Даже тиной. Мы его будем чистить.

А вот он, родник. Совсем не такой!

Просто стенка в горе. Серая, из камней. Мокрая такая. А из стенки толстые капли ползут. Одна за другой. Лезут, лезут. Медленно так они вылезают. Прямо через силу. Конечно, им трудно сквозь камни. Но они все равно лезут. Тяжелые, мутные. Потом на стенке висят. Потом скатываются вниз, больше не могут висеть.

И внизу, под стенкой, как ванночка. Грязная, прямо черная грязь. Капли туда ныряют, и грязь чуть-чуть шевелится. Будто дышит. А сбоку из этой ванночки медленно сползает черный подтек. Ручеек такой. Он сползает и тут же весь уходит в песок. Только грязь еще видно в песке на несколько шагов. А потом песок уже снова желтый. Чистый.

— В этом году воды очень много,— говорит папа.

И ладонью трогает стенку. Весь родник ладонью закрыл, капли сквозь папины пальцы лезут. Вон тут сколько воды!

— Как же бедные птички пьют? — говорит тетя Надя.

— Не только птички! — смеется дядя Володя.— Это наш центральный родник. Тут архары пьют. Все, кто захочет.

— И даже зайцы,— говорит Арина.

— Зайцы в пустыне вовсе не пьют,— говорит папа.— А то бы и они пили.

— А как же бедные зайцы? — говорит тетя Надя.— Разве зайцы могут не пить? Они же так бегают.

— Приспособились,— смеется папа.— У нас трава сочная. Вполне можно не пить. Роскошь какая — пить! Вон джейраны тоже могут не пить.

— Какая трава? — говорит тетя Надя.—

Разве это трава? Вот у нас в Подмосковье трава — это трава!

Как тете Наде вдруг все не нравится. А говорила, привыкла. Чем же у нас не трава? Она сочная. Арина уже траву сорвала и жует. Она будет теперь, как джейран. Совсем пить не будет! Баловство какое — пить! Арина траву теперь будет жевать. На завтрак. На ужин. И на обед. Я тоже хочу, как джейран. Уже жую. Почему-то горько.

— Вы полынь едите, крокодилы! — смеется папа.

Верно, полынь. Так полынью пахнет. Я скорей плюнул.

— Запей побыстрей, — говорит тетя Надя. И в ладонь набирает капли. Хочет мне дать.— Арина, и ты запей!

Но Арина ничего запивать не хочет. Очень вкусная полынь, она просто с удовольствием жует. Только морщится сильно. Но жует.

Мы родник чистим.

— Тебе бы еще варенья из верблюжьей колючки! — смеется дядя Володя.

— Люблю полынь, — говорит Арина. Ей говорить уже трудно, так она морщится. Так любит эту полынь, прямо рот набок.

— Аринка, перестань сейчас же! — сердится тетя Надя.

Она все-таки Арину пока плохо знает, хоть и родная тетя. А то бы она замолчала. Просто не обращала бы на Аринку внимания. Пускай Арина скорей прожует. Она не может теперь перестать, раз уж начала. Она бы сама давно с удовольствием перестала, но не может. У Арины характер такой. Она должна каждое дело довести до конца.

Я не могу довести, а Арина может.

— Но это — глупое дело, — говорит тетя Надя.

— Такой характер, — объясняет папа.— Хоть кровь из носу!

Арина наконец прожевала. Теперь она хочет пить.

— Скорей, — говорит Арина.— Как горько!

У тети Нади как раз уже полная ладонь, капли через верх лезут. Она подставила Арине.

Вдруг папа тети-Надину руку толкнул. Все вылилось.

— Эту воду нельзя, — говорит папа.

— Как? — говорит тетя Надя.— Почему?

— Эту воду человеку пить нельзя, — говорит папа.— Чистая соль!

У нас в пустыне пресных родников нет, как тетя Надя не понимает? Мы недаром с собой воду возим. А тут вся вода соленая. Только животные могут пить. А человек от такой воды заболеет. Что тетя Надя наделала! Чуть нас не напоила! Как хорошо, что Арина не выпила! Она бы тогда заболела. И я не выпил. Как хорошо, что я не успел!

Папа из фляжки нам дал.

Вот это вода! Теплая. Пресная. От нее уж не заболеешь.

— Хватит, — говорит папа.— За работу!

Я скорей лопату схватил. Надо работать, пока солнце позволит.

Пока жары нет. Мы все, конечно, в трусах. Арина давно сняла сарафан. Тетя Надя брюки свои засучила. Жары нет, конечно, но тени ведь тоже нет. А без тени все равно жарко. Но терпеть пока можно.

Мы родник чистим.

Работы тут много. Всю стенку нужно отчистить, чтобы блестела. Тогда каплям лезть легче. Они такие чистые будут, и всем пить приятно. Животным тоже неинтересно в грязи толкаться!

Я по стенке так бью лопатой. И дядя Володя бьет. Дядя Мурад тоже бьет. Арина прямо колотит.

Но стенка каменная! Это же гора! Тут долго бить надо.

Мы бьем.

У меня уже плечи болят. Это здоровая боль, говорит папа. Просто работа очень физическая, к ней привыкнуть надо. Привыкну, и плечи пройдут. Но пока не проходят. Значит, еще не привык.

У Арины спина болит. Но Арина дела не бросит! Что значит спина, если нужно чистить родник?! Мы его так отчистим, будет как новенький. Вода прямо фонтаном забьет. Кулики прилетят, на тонких ногах. Будут пить клювом и полоскать горло чистой водой.

Вот как мы работаем.

Папа грязь лопатой выкидывает из родника. Папа босиком. Ноги у него черные, будто он в черных носках. Такая красивая грязь. Блестит.

Боря грязь в сторону тащит ведром. У него живот черный. Блестит.

Тетя Надя скребет ручеек.

— Ой,— говорит тетя Надя,— лопата сломалась!

Она сильно нажала и сломала ручку. Тут тете Наде нечем помочь. У нас запасных лопат нет, каждая на счету.

Тетя Надя сидит теперь и страдает.

— Я хочу работать,— страдает тетя Надя.— Дайте мне хоть какую-нибудь лопату. Хоть маленькую!

Кто ей даст? Все хотят работать. У всех плечи болят, это ерунда.

— Может, кое-кого уже к машине отправить? — говорит дядя Володя.

— Я тоже подумала,— говорит дядя Мурад.— Уже сильное солнце.

Кого, интересно, они могут отправить? Только тетю Надю, она без лопаты. Ей, конечно, будет обидно. Но что делать? Больше некого.

Папа посмотрел вверх, говорит:

— Н-да, солнце. Оно сегодня задаст. А машина, если не ошибаюсь, на самом пекле стоит. Боря, ты хоть кузов брезентом накрыл?

— Кузов? — говорит Боря. Пока еще Боря сообразит.— А-а, кузов. Нет, Алексей Никитич, забыл. Не накрыл, кажется.

— Там же приборы, в кузове,— говорит дядя Володя.

— Все сварится,— говорит папа.

— Может, мне сходить? — говорит тетя Надя.

Нет, тетя Надя не сможет. Она гость! Еще потеряется, чего доброго. Собьется с пути, машину совсем не найдет. Машину, правда, от родника видно. Но далеко. Вон наша машина, маленькая совсем. Тете Наде с таким делом не справиться. Нет, нет, нет.

Тетя Надя даже не знает, где у нас лежит брезент.

— А я знаю,— говорит Арина.

— Я тоже знаю,— говорю я. — Я правда знаю. В большом ящике.

— Вам тоже не справиться,— говорит папа.— Слишком серьезное дело.

Конечно, серьезное. Мы понимаем. Если бы пустяки, мы бы сами не согласились. Мы же работаем! Но раз такое дело...

Арина уже лопату поставила и руки трет сарафаном.

Я тоже лопату поставил. Раз такое дело.

— Мы справимся,— говорит Арина.— Мы с Ледиком как раз справимся!

— Гм,— сомневается папа.

Чего только он сомневается! Там приборы могут погибнуть. Эти приборы такие чуткие, а на них солнце жарит. Надо скорее закрыть!

— Ну как?! — сомневается папа.— Доверим?!

— Доверим,— говорят все. И дядя Володя, и тетя Надя, и дядя Мурад. И даже шофер Боря сказал, хотя сам про эти приборы забыл.

— Ладно,— решил тогда папа.— Идите!

Он нам прямо к машине велит идти. Никуда не сворачивать. Сразу закрыть кузов, а самим лезть под машину. В самую жару у нас только под машиной можно дышать, там все-таки тень. А они все скоро придут. Работать все равно уже почти невозможно, такое солнце.

Но прежде всего надо приборы спасать, это от нас зависит.

Мы понимаем. Мы с Ариной сразу пошли.

Нам про купание никто не говорил

Мы с Ариной быстро идем, даже по сторонам не смотрим. Некогда! Мы бы еще быстрей шли. Нам сапоги мешают, проваливаются в песок.

— Надо снять сапоги,— говорит Арина.

— Папа не велел снимать,— говорю я.

— Дядя Леша про сапоги ничего не сказал,— говорит Арина.— Разве он про сапоги говорил? Он сказал про брезент!

— Он раньше говорил,— не соглашаюсь я.

— Эх, ты! — говорит Арина.— Там приборы гибнут! Будет дядя Леша сейчас про какие-то сапоги говорить!

Вот как Арина сказала. Я даже покраснел. Чего я, правда? Папа про сапоги еще когда говорил. Утром еще. Теперь совсем другое дело. Мы идем приборы спасать, а эти сапоги нам мешают.

Мы с Ариной их сняли скорей.

Теперь можно бежать. Легко так в одних носках! Я за Ариной бегу. Потом Арина за мной бежит. Потом Арина мне руку дала, и мы вместе бежим. Вместе еще быстрее бежать. Можно даже закрыть глаза. А с закрытыми глазами еще быстрее бежишь.

Мы смеемся и сапогами размахиваем. Опять надо бежать. А то горячо пяткам. Песок так жжется через носки. Но мы можем бежать!

Вдруг Арина в нору поскользнулась. Такая смешная нора. Широкая. Наверное, лисья. Сколько лиса нарыла песку! Набросала вокруг. Ужасно неаккуратная, об такую нору можно ногу сломать.

Но Арина только чуть-чуть ушиблась.

— Мы мимо этой норы не шли,— говорю я.

— Конечно, не шли,— говорит Арина.— Я сама знаю, что не шли. Мы с тобой немножко свернули. Одним и тем же путем неинтересно идти. Мы теперь идем кратчайшим путем.

— А не заблудимся? — говорю я на всякий случай.

— Машину же видно,— говорит Арина.

Мы настоящий родник открыли, прямо ручей.

Немножко машину все-таки еще видно, хоть мы и свернули. Она теперь с другой стороны. Пока видно, мы не заблудимся. Просто пойдем кратчайшим путем, через бархан.

Мы с Ариной на бархан лезем. Крутой! Мы прямо на четвереньках лезем, так смешно. Песок нам в нос сыплется. Мы чихаем с Ариной.

Уф, влезли!

Вот как хорошо видно. Нашу машину. Далеко сзади — гора, где родник. А это что? Ой, совсем рядом!

— Чур, я первая увидела! — кричит Арина. И скатывается с бархана. Я за Ариной качусь.

— Чур, родник! — кричу я.

Мы новый родник открыли.

Не то что тот. Не какие-то капли! Мы настоящий родник открыли. Прямо ручей. Он с гор, наверно, бежит. На белой воде белая пена, как хлопья. Эта пена даже шуршит. Берега тоже белые. Вода совсем чистая, его даже чистить не надо. Вот папа обрадуется!

— Какой снег белый! — говорю я.

Арина берет, попробовала, плюнула и смеется:

— Чистая соль!

Это не снег—как я сразу не понял! Просто наш ручей прямо в соли течет. И шуршит о соленые берега. Тут столько соли!

— Только не пей,— говорю я.

Арина и не собирается пить. От соленой воды заболеть можно, что, Арина не понимает?! Она просто хочет купаться. Ведь ручей прозрачный! Дно видно, тут не утонешь. А купаться тут в самый раз. Мы всегда сюда будем ездить купаться. Это теперь наш ручей!

Как Арина придумала, она просто молодец! Я воду ногой потрогал. Вода прохладная, даже жжется чуть-чуть. Мы так сейчас выкупаемся!

Арина уже в воду залезла.

Как животом нырнет, белые брызги полетели.

— Уф! — кричит.— Хорошо! Ты чего копаешься?

Я сейчас сапоги подальше поставлю и тоже нырну.

Вот как Арина плывет! Руками забила. Ноги-то у нее, конечно, на дне стоят. Нам негде плавать учиться, реки у нас нет. Мы теперь в нашем ручье по-настоящему научимся плавать.

Я смотрю: Арина так сильно бьет руками. И головой мотает. Даже глядеть завидно, как она быстро плывет.

Я тоже в воду скорей зашел. По колено только еще.

— Подожди,— говорит Арина.

Я дальше скорее иду. К Арине.

Она кричит:

— Подожди, Ледик! Не окунайся!

Сама плывет, а мне — не окунайся.

Вдруг я вижу: Арина уже не плывет. Она руками так машет, будто воду хочет с себя спихнуть. Глаза у Арины круглые, как у большеглазого полоза. Не моргучие, совсем не моргает. Воду вокруг растолкала и уже выходит. Белую пену стряхивает с себя. Прыгает. Прямо скачет.

— Ты чего? — говорю я.

— Не знаю,— говорит Арина. И прыгает.— Ты лучше пока не лезь. Эта вода какая-то щекотная.

— Подумаешь,— говорю я.— Я не боюсь щекотки. Она смешная.

— А в этой воде как раз не смешная,— говорит Арина. И скачет, пену с себя трясет.— Тут щекотка колючая. От нее больно.

Вечно Арина выдумывает. Я на нее смотрю и хочу смеяться. Уже начал смеяться: ха-ха! Придумала больную щекотку! Вдруг вижу: что это с Ариной? Она у меня на глазах белеет. Только что брови темные были и уже бе-

лые. Теперь уши. Потом щеки. Живот. Она уже вся белая. И это белое на Арине блестит.

У меня по спине вдруг так холодно, сам не знаю. Будто мне ледышкой по спине водят.

— Ты блестишь,— говорю я Арине.

— Подожди,— говорит Арина.

И руками себя быстро-быстро трет. Лицо. Шею.

— Давай я потру,— говорю я.

И к Арине иду. Вдруг чувствую, что-то мешает. Мне мои ноги мешают. Тяжелые такие, шевелить больно. И чешутся. Так чешутся! Я их друг о друга чешу. Потом уже руками. Даже ногтями. У меня ноги белые до колен. Блестят.

Я до крови уже расчесал.

Вдруг Арина кричит:

— Ледик, у меня спина лопнула!

Я сразу про ноги забыл. Бросился к Арине.

У нее спина в белой корке. Толстая корка, даже спину не видно. Я потрогал, корка под рукой отстает. И сразу спина. Красная. Видно, как кожа съежилась. Но не лопнула! Спина лопнуть не может. Я корку сбиваю рукой, колочу, колочу.

— Больно! — говорит Арина.

— Сейчас,— говорю я.

У меня в носу щиплет. Я не могу, если Арина плачет. Мы вместе плачем, если уж плачем. Но сейчас некогда. Мне Аринину спину надо из-под этой корки достать. Корка такая колючая, руки мне колет.

Я пальцы на минуточку сунул в рот, чтобы прошло.

— Ой,— говорю.

Во рту сразу горько. Солено во рту. Что полынь! Полынь — прямо сладкая трава, если сравнить. Вот теперь я понял. У Арины чистая соль на спине. На щеках. И на ногах тоже. Этот ручей, значит, такой соленый. А Арина в нем выкупалась и всю соль из ручья достала. Вот почему она так блестит.

— У меня уши трещат,— говорит Арина.— Я ничего ушами не слышу.

— Это соль! — кричу я.—Это просто на тебе соль!

Но Арина не слышит. Она меня даже не слушает. Она плачет, ей так плакать больно. Она глазами не может пошевелить, там трещит. У Арины шея трещит, ей голову даже не повернуть. Пальцы вон как растопырились, тоже трещат. Это солнце Арине соль сушит. У нас такое солнце!

Мы на самом солнцепеке стоим, я не знаю, что делать.

— Я тебя сейчас счищу,— говорю я.

Я трусами Арину тру, они мягкие. Но соль все равно не счищается. Конечно, некоторая, правда, падает вниз, с Арины. Крупная. А мелкая втирается в кожу.

Тени, главное, нет. Все солнце на нас светит.

Конечно, вода нужна. Но воды нет. Только в машине вода.

— Надо к машине бежать,— говорю я.

— Не могу,— говорит Арина, ей говорить больно.

— Тут близко,— говорю я.

— Я наступать не могу,— говорит Арина.

Если бы папа тут был, он бы Арину донес. Или дядя Володя. Или дядя Мурад. Но никого нет. Они у родника остались, все равно не услышат. Чего кричать! На нас уже ящерицы смотрят.

Только я и Арина. И солнце.

— Тогда я тебя потащу,— говорю я.

Арина на меня посмотрела. Хоть глазами моргнула. А то смотрит, как большеглазый полоз. Мимо.

— За ноги? — говорит.

Мы дома иногда так играем. Когда спать не хочется, а надо тихо, папа работает, например, у себя в кабинете. Мы тогда играем. Кто на руках дальше пройдет, если за ноги держать. Это совсем другое дело. Сейчас-то дело серьезное! Если солнце на Арину так будет сверкать, у нее спина правда лопнет, я понимаю. Эту соль надо смыть мгновенно!

Мы на самом солнцепеке стоим,
я не знаю, что делать.

Вода льется. Вон сколько воды! Арина прыгает, как под душем.

Я обрадовался, что она посмотрела. Опять говорю:

— Я тебя, как спальный мешок, потащу. За уши.

Арина улыбнулась немножко. Сразу сморщилась.

— Улыбаться больно.

Я ее за руку схватил. И тяну.

— А ты не улыбайся,—говорю.—Разулыбалась! Там приборы гибнут, а ты улыбаешься! Нашла время улыбаться! В кузове все спеклось, а ты улыбаешься! Папа велел прямо к машине идти, а мы вон сколько времени потеряли. Пока открыли родник, пока что. И ты теперь улыбаешься!

Я все подряд говорю. Сам не знаю, что говорю. Я себя даже не слушаю. Я Арину тяну. Тащу ее за руку. Я просто так говорю, чтобы Арина не думала. Когда говоришь, то уже не думаешь. И никто не думает.

Мы идем.

Вон машина. Близко уже. Под машиной тень. В машине вода. Как хорошо, что у нас есть машина! Это наша машина!

— Пить,— говорит Арина.

Пусть говорит. Машина уже рядом. Еще немножко.

— Я сейчас сяду,— говорит Арина.

Но я ее тяну за собой. Арина идет.

Мы уже пришли. Вот наш костер. Палка из саксаула лежит. Какая кривая! Вот наша кошма, Боря ее утром сложил. Вот машина. Колесо какое огромное, выше меня. Значит, мы правда пришли.

— Садись,— говорю я Арине.— Чего же ты не садишься?!

— Холодно,— говорит Арина.

Просто ее немножко трясет.

Теперь я знаю, что делать. Я в кузов влез. Вот бочка, вот шланг. Ага, еще пробка. Я зубами вынул. Воды почему-то нет. Как я забыл? Нужно сделать напор. Я такой напор сделал, даже не знаю, как я сумел. Вода прямо хлынула из шланга. Вниз. На Арину. Вода прямо хлещет.

— Пей! — кричу я.— Купайся! — кричу я.— Плавай! — кричу я.

Мне так весело. Я прыгаю в кузове и кричу.

Вода льется. Вон сколько воды! Арина прыгает, как под душем.

— Ура! — кричу я.— Молодцы! —кричу я.

— Кто? — кричит Арина.

— Мы с Ариной! — кричу я.

— Мы с Ледиком! — кричит Арина.

Потом я схватил шланг и прямо Арине в лицо. Водой. Она отпрыгнула. Сзади подкралась и у меня вырвала шланг. И на меня водой! Брызги летят во все стороны, вся машина мокрая. Я опять шланг как схвачу!..

Что это? Не течет. Трясу. Все равно не течет.

— Опять напора нет,— говорит Арина.

— Сейчас исправлю,— говорю я.

Влез в кузов. Нет, напор на месте. Шланг из бочки не выскочил.

— Хочу душ! — кричит Арина.— Мне жарко!

Мне самому жарко. Даже не знаю, что еще покрутить. Может, шланг заело? Случайно бочку задел. Какая легкая! Папа утром сдвинуть не мог, а тут чуть сама не катится. Я в бочку заглянул, а она пустая. Вот это да! Мы всю воду вылили. Полную бочку! Как мы только сумели?! Воды больше нет. Что теперь папа скажет? Главное, мы же приборы до сих пор не спасли, вот что я вспомнил. Их

закрыть давно надо. Дяди-Володин бур прямо на солнце лежит, а мы забыли совсем.

— Ледик, душ! — кричит Арина.

— Бочка пустая,— говорю я.

— А в другой? — говорит Арина.

— В другой не знаю,— говорю я.— Я шланг не могу переставить.

В другой бочке вода еще утром кончилась. Мы теперь совсем без воды остались, вот что мы с Ариной наделали. Но Арина даже не поняла. И я не сказал. Чего ее зря расстраивать?

— Ну и не надо,— говорит Арина.— Мне этот душ надоел. У меня все внутри промокло. А соль уже смылась!

Как хорошо, что соль смылась! Арина веселая стоит. С волос у нее течет. Брови у нее перепутались, прямо черные брови. Щеки блестят — так Арина щеки намыла. Они не от соли блестят! У Арины уже ничего не болит. Только спину немножко жжет. И руки. Она руки себе расчесала.

У меня тоже коленку жжет, там от соли ссадина.

— А все-таки мы этот родник первые открыли,— говорит Арина.

Конечно, первые. Папа нам ничего не говорил. У него этого родника наверняка нет на карте, а то бы папа сказал. А раз нет на карте...

— Его надо на карту нанести,— говорю я.

Арина обрадовалась, что я вдруг сообразил. Она не сообразила! Это серьезное дело, и мы с ним справимся. Прямо сейчас.

— А где у дяди Леши карты? — говорит Арина.

Папа вообще-то карту носит с собой. Но у него еще запасная есть. Она в машине. Где-нибудь в ящике. Если из ящика все достать, мы эту карту найдем. Тогда уж про воду даже не вспомнит никто. Подумаешь, бочка! Зато мы новый родник нанесем на карту. Сами.

Мы с Ариной у ящика сели. Скорей его разгружаем. Куртка сверху лежит. Достали куртку. Потом плащ. Тетрадки какие-то. Сколько лишнего! Еще кеды. Достали. А где же карта?

— Бог в помощь,— вдруг говорит кто-то.

Мы смотрим, это папа! Мы не заметили, как он подошел. Мы с Ариной как раз работаем, а тут папа. Мы его вообще-то не ждали, мы дело еще не сделали.

— Ваше добро? — говорит папа.

И сапоги нам в кузов бросает. Мои и Аринины. Конечно, наше. Чье еще? Кроме нас, в пустыне никого нет. Мы просто сапоги у ручья забыли. А папа, значит, нашел. Выходит, он наш родник тоже видел?

— Это какой? Белый?—говорит папа.—Видел, как же.

— Мы его открыли,— говорит Арина.

— Гм,— говорит папа.— Поздравляю, прекрасный родник! Мы селедку в нем будем солить. А почему вы туда попали, вот я чего не пойму. Я же вас к машине послал.

— Мы к машине и шли,— говорю я.— Мы шли кратчайшим путем.

— Понятно,— говорит папа.—Ума хватило не пить?

— Хватило,— говорит Арина.— Только купались.

— Еще лучше,— говорит папа.— Я так по следам и подумал. А почему вы купались, можно спросить?

— Можно,— говорит Арина.— Потому что было жарко.

— Мы не пили,— говорю я.— А про купание ты нам ничего не говорил. Нам никто про купание не говорил. Правда!

— Верно,— говорит папа.— Про купание и про многое другое. Жаль, что у нас тут ива не растет, вот это жаль.

— Какая ива? — говорим мы с Ариной.

— Такая, с прутьями! — смеется папа.— Очень удобно ею драть!

Папа, конечно, смеется. Он нас с Ариной еще не драл никогда. У нас в заповеднике и ремня-то нет, все ходят в спортивных брюках. Но все-таки приятно, что эта ива у нас не растет. Без нее как-то спокойнее. Все-таки папа бочку еще не видел.

Тут он сразу увидел. Он шланг сначала увидел, как шланг висит.

— Странно как-то висит,— говорит папа.

Дернул. Потом толкнул бочку.

— Ничего странного,— говорит.— Все ясно.

Я думал, папа спрашивать будет, как да что. Может, будет нас с Ариной ругать. Марина Ивановна нас бы уже точно ругала. Сказала бы, что у нее прямо сил с нами нет. Ну, никаких сил! Уедет она от нас, тогда узнаем. Потом платок бы достала. Большой, как простыня. Но он носовой. Марина Ивановна этот платок прикладывает к глазам, у нее глаза на мокром месте. А уж потом бы она стала нас обнимать, с Ариной.

Но папа спрашивать больше не стал. Замолчал, и все. Обратно в ящик все складывает. Потом засвистел, у него такая привычка. Мы с Ариной складывать стали. Вместе быстрее. Сверху ящик курткой прикрыли.

Мы тоже молчим, раз папа свистит.

— Шустрые вы ребята, однако,— говорит потом папа.— Я ведь почти сразу за вами пошел. А вы вон как много успели.

Я вижу, что папа не сердится. Он просто так свистел. А теперь он просто уже разговаривает. Со мной и с Ариной. Уже отдыхает, наверное. Он со мной всегда отдыхает, я знаю.

— А ты меня брать в пески не хотел,— говорю я.

— Нет, тебя надо брать,— говорит папа.

— Мы приборы не успели закрыть,— говорит Арина.

— Сейчас закроем,— говорит папа.

Но мы опять не успели, потому что тут как раз все наши пришли: дядя Володя, дядя Мурад, тетя Надя и Боря. Говорят сразу:

— Все в порядке?

— Прекрасно,— говорит папа.— Чайку попьем и поедем.

— Конечно,— смеется папа.— Не считая мелких брызг.

— А я беспокоилась,— говорит тетя Надя. И волосы свои выпустила из-под косынки. Как они там сидели? Сразу упали на плечи. Такие большие! Я таких никогда не видел.

— Какие бывают на свете волосы!— сказал папа.

Тоже заметил.

— Теперь можно помыться,— говорит дядя Мурад.— Заработали.

— Вряд ли,— говорит папа.— Очень сомневаюсь.

Дядя Мурад бочку потрогал, в шланг зачем-то подул. Другую бочку толкнул, она звенит. Потом потряс ведро. Улыбнулся.

— Поняла,— говорит.

— Но ведь столько было воды! — удивляется тетя Надя.

Как ей не надоест удивляться! Все видят, что воды нет, но никто не удивляется. Мы с Ариной удивились сначала, что она кончилась. Но теперь мы тоже не удивляемся. В пустыне надо к любым неожиданностям быть готовым, папа сказал. Ну, была вода! Утром. А теперь неожиданность. Нету воды!

— Значит, едем домой? — говорит Боря.

— Конечно,— говорит папа.— Едем на заправку.

— Ого,— говорит дядя Володя.— Чайник-то полный!

Он хотел чайник в кузов забросить, а чайник полный. Вот, пожалуйста, еще неожиданность. У нас полный чайник! Мы с Ариной его не заметили, чайник стоял в стороне. И теперь он полный.

— Прекрасно,— говорит папа.— Чайку попьем и поедем.

КОНЕЦ

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

«Аэродром» для пернатых

Нескончаемые караваны пернатых ежегодно берут старт на юг с Аляски и канадской Арктики. Трасса полета проходит близко от Оттавы — столицы Канады. Еще совсем недавно все пруды, озера и реки этих мест служили «аэродромами» для птиц. Теперь вода там настолько загрязнена, что птицы перестали садиться.

На помощь пришли люди. В пятидесяти милях от Оттавы энтузиасты-биологи соорудили искусственный пруд. Эту посадочную полосу чистой воды сразу же оценили птицы. В горячие дни на «аэродроме» собирается до шести тысяч пернатых.

Как проехать к воздушному замку

Борис СЛУЦКИЙ
Рисунок А. БОРИСОВА.

Оказывается, возможно строительство
замков воздушных,
просторных и светлых замков,
которые лучше душных,
которые лучше людных, толкающихся городов.
А если оно возможно, то я поглядеть готов
воздушные замки с птицами, поющими подо мною,
с доступною синевою, с подручною голубизною,
со стенами, утепленными облачным барахлом,
и с окнами, застекленными небом, а не стеклом.

Звезда — рукой достанешь —
в каждой оконной раме!
А улицы между замками, чернеющие вечерами,
краснеющие на рассвете, синеющие днем!
А это низкое небо со всем, что висит на нем:

ракеты междупланетные,
минуту назад запущенные,
шарики разноцветные, ребятами упущенные,
луна, которую можно гладить просто рукой,
привинченные звезды — они излучают покой.

А тучи, свежей водою до самого края полные!
А мусор воздушных замков
сжигают большие молнии!
А если надо высушить выстиранное белье, —
сооружают радугу и вешают на нее!

А как к воздушному замку
проехать с нашей улицы?
Для этого целый вечер
надо над сказкой сутулиться,
потом погулять немного,
потом покрепче заснуть,
и только глаза закроете —
тотчас отправитесь в путь.

Я хочу видеть укротителя

Эдуард БАБАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

На улице Южной

Неподалеку от нашего дома, на улице Южной, был зоосад. Я пропадал в нем целыми днями.

То, что я видел, казалось мне удивительным.

Орел сидел на белом камне, надвинув черные крылья, как бурку.

Волк ходил из угла в угол в своей сумрачной клетке, как будто он что-то забыл и никак не может вспомнить.

Пасть у бегемота открывалась, как саквояж, но губы у него были живые, розовые, нежные.

Какую бы птицу, какого бы зверя я ни увидел, мне казалось, что я их давно знаю и что они меня знают. Потому что они нисколько не удивлялись, когда я приближался к ним.

В научной библиотеке зоосада работал мой дядя, и меня к нему пускали в любое время. Хотя я еще не умел читать как следует, я помогал ему расставлять на полках книги. Они казались мне такими же удивительными, как все в этом саду. Больше всего мне нравились басни с картинками.

Дома, просыпаясь, я слышал, как кричат павлины и обезьяны. Их голоса очень похожи.

А засыпая, слышал я плач шакалов и рыканье льва — дикие звуки пустыни.

Сеня Зюкин

— Ты кто такой и зачем сюда ходишь каждый день? — спросил меня молодой нестрогий человек в синем халате.

— Я здесь живу, рядом...— ответил я.

Он посмотрел на меня внимательно. Видно, ему хотелось поговорить с кем-нибудь не по делу, а просто так.

— Тебе что, нравится здесь? — спросил он.

— Нравится. Я привык.

— И я привыкаю...

Мы сели на скамейку возле бассейна с водоплавающей птицей. Здесь было прохладно, хотя и шумно. Утки-кряквы крякали, нырки ныряли.

Моего нового знакомого звали Сеня Зюкин. Он недавно вернулся из армии и собирался поступить в цирковое училище. А пока работал смотрителем у львов.

— Только фамилия у меня неподходящая,— сказал он.— Укротитель Сеня Зюкин! Смех... Понимаешь?

Он посмотрел на меня своими спокойными зелеными глазами и спросил:

— Вот твоя как фамилия, скажи?

Я сказал.

— Тоже не подходит,— задумчиво продолжал Сеня.— Я у всех спрашиваю. И все не годится. Надо, чтобы звучало! Понимаешь? Это цирк!.. Про меня еще, может быть, даже книжку напишут.

С тех пор я часто встречал Зюкина. Но не каждый день, потому что он много болел. А болел он потому, что круто закалялся и сильно простужался. Примет ледяной душ и заболеет. Поправится и говорит:

— Видно, надо повторить...

— Он упрямый,— говорила про него Зоя Пухова из медпункта.

И Сеня добился своего. Ледяной душ помог. Кожа у него на спине и на груди стала такая жесткая, как на руках, и он теперь не боялся ни солнца, ни холода.

— Закаляйся и ты,— сказал мне Сеня Зю-

— Только фамилия у меня неподходящая. Укротитель Сеня Зюкин!

кин.— Ты что будешь делать, когда вырастешь?

— Я, может, книжку про вас напишу,— ответил я.

— Ну-ну,— протянул Сеня.— Посмотрим...

Читать я учился сам по табличкам на вольерах. Увидишь льва — и прочитаешь: лев. Увидишь оленя — и прочитаешь: олень. Еще лучше, чем по книге с картинками.

А Сеня Зюкин тем временем научился ходить на руках. Когда львица Дамаянти увидела, как он идет по дорожке вверх ногами, она взяла своего львенка за шиворот и утащила его в темный угол клетки и там спрятала за ящиками.

Этого львенка мы назовем Добряк!

Добряк

— Этого львенка мы назовем Добряк! — сказал Сеня Зюкин.

Львенок раскрыл пасть и попытался зарычать. Сеня сунул ему бутылку с молоком. Львенок зажмурился и стал тянуть молоко через соску, цепляясь за горлышко и за рукав Сениного халата то одной, то другой лапой.

— Пей, пей,— говорил Сеня.— Расти большой и умный.

Добряк рос быстро. Каждое утро Сеня водил его на прогулку по главной аллее. Иногда Добряк убегал вперед.

Так было и на этот раз.

Я качался один на деревянных качелях. Время было раннее. Посетителей немного. В тени под деревьями дремала Ведьма, рыжая дворняжка. Днем она все больше спала, а ночью молча ходила по всему зоосаду, за что ее и прозвали Ведьмой.

Вдруг из-за поворота показался Добряк. Он заметил меня издали, бросился ко мне и полез на качели. Ведьма подняла голову и насторожилась.

В кармане моей куртки были бутерброды, завернутые в бумагу. Добряк зацепил зубами сверток и тянул его к себе.

Ведьма вскочила на ноги и зарычала. А Добряк навалился на меня своими тяжелыми лапами.

— Сеня! — крикнул я.— Сенечка!

Сверток вывалился из моего кармана, и бутерброды рассыпались по земле.

Добряк, сильно качнув доску, спрыгнул с качелей. В ту же минуту Ведьма вцепилась

зубами в его ухо. Добряк отбивался от нее, мяукал и рычал.

Я испугался теперь, что Добряк обидится на меня из-за этой Ведьмы. А подойти было страшно.

Сеня Зюкин бежал к нам, перепрыгивая через клумбы, и размахивал руками.

Ведьма сразу отпустила Добряка и зарычала на Сеню. Но он ей сказал:

— Ну, знаешь! Это уже слишком! Ты моих львов не трогай...

Ведьма что-то проворчала в ответ и ушла в кусты.

— А ты чего испугался? — сказал мне Сеня.— Он же Добряк, мухи не обидит.

А Добряк уже съел мои бутерброды и смотрел на меня, зажмурившись. Правое ухо, за которое его оттрепала Ведьма, слегка оттопыривалось.

— Да я-то ничего,— сказал я, собравшись с духом,— только у меня все пуговицы отлетели...

Пока Зоя Пухова пришивала пуговицы к моей куртке, Сеня Зюкин рассказывал, какой номер со львом он покажет на манеже.

— Я поднимусь с Добряком под купол цирка,— говорил Сеня.— Понимаешь?

— Понимаю,— ответил я.

— Нет, ты послушай! Я поставлю два самолета на карусель. Мы с Добряком сядем в машины, и они—круг за кругом—будут подниматься выше и выше!

Я еще никогда не видел Сеню Зюкина таким. Он поднял правую руку, как бы приветствуя публику.

— Представьте! — продолжал Сеня, обращаясь ко мне и Зое.— Цирк полон. У кассы, возле которой толпятся люди, висит объявление: «Билетов нет». Билетов нет и не будет! Но вы, друзья, не унывайте, если у вас нет билета. Напишите мне записку: «Я хочу видеть укротителя!» И я сразу узнаю вас и найду для вас место в первом ряду!

Зоя Пухова, опустив на колени мою куртку, молча и внимательно смотрела на укротителя.

Лестница

Сеня Зюкин сидел на солнышке возле клетки Добряка и читал учебник алгебры. Он готовился к экзаменам. Алгебра давалась ему нелегко. Гораздо легче было управляться со львами.

Добряк смотрел на Сеню и вздыхал. Сеня не обращал на него внимания. Тогда Добряк зарычал. Сеня удивленно поднял глаза. Лев подошел к решетке и подставил ему свою

— Я поднимусь с Добряком под самый купол цирка,— говорил Сеня.

большую рыжую голову. Правое ухо у него слегка оттопыривалось.

— Не даешь заниматься! — сказал Сеня и почесал Добряка за ухом карандашиком.

Добряк закрыл глаза от удовольствия.

Когда Сеня начал работать в зоосаду, он курил. Но эту привычку скоро бросил, потому что Добряк не выносил табачного запаха. Он отворачивался, закрывал глаза лапами и даже кашлял. От дыма у него кружилась голова. И вообще он не доверял человеку, у которого изо рта идет дым.

— Добряк прав! Что я в самом деле дракон, что ли, чтобы изрыгать огонь,— сказал однажды Сеня и решительно забросил начатую пачку папирос в мусорный ящик.

Мой дядя, узнав об этом поступке Сени, сказал:

— И Сеня тоже прав!

Сеня внес в клетку Добряка лестницу, чтобы вычистить верхние брусья. А свой учебник он положил на нижнюю ступеньку. Добряк попробовал лапами, крепкая ли эта лестница.

— Ничего,— сказал Сеня,— лестница крепкая, выдержит!

Добряк поднялся сначала на одну ступеньку и спрыгнул, потом на вторую.

И вот наконец Сеня Зюкин стоит на верхней площадке лестницы, а Добряк карабкается к нему по ступенькам. В зубах он держит учебник алгебры.

Ведьма и виноград

Повадилась Ведьма ходить на виноградник. Упрется передними лапами в деревянные перекладины, по которым вьются виноградные лозы, и тянется к тяжелым кистям под широкими листьями.

Вся морда у нее, и грудь, и лапы перепачканы виноградным соком.

— Ах, Ведьма,— говорит Сеня Зюкин,— до чего же ты хитра! Признавайся, куда это ты опять сегодня ночью летала?

А Ведьма ходит колесом вокруг Сени, прыгает, скачет. Веселая такая Ведьма!

И вдруг она загрустила, перестала есть, пить. Только и слышно, что она скулит и лает. Задремлет — и залает; проснется — и заскулит. Никто не мог понять, что с ней случилось.

Сеня привел доктора Тарантьева.

— Зверя тоже надо понимать,— объяснил мне Сеня.— Он ведь сам сказать ничего не может. А Тарантьев понимает. Он, может быть, и есть самый лучший укротитель. Давеча у слона из хобота занозу вытащил. И слон стоял перед ним как миленький. Вот у кого учиться надо.

Рану Ведьмы залечили, но на виноградник она больше не ходила.

Тарантьев посмотрел на собаку, на то, как она щеку на лапу укладывает, и сказал:

— Это у нее зуб болит... Ну-ка, Ведьма, раскрой пасть!

Он взял Ведьмину голову, заглянул ей в пасть и добавил:

— Так и есть. Поранила десну какой-нибудь колючкой... Все виноград не дает ей покоя. Пойдем, Ведьма!

Ведьма вздохнула и поплелась за доктором Тарантьевым. У него в зоосаду была своя больница для зверей.

Рану Ведьмы залечили. Но на виноградник она больше не ходила. Боялась колючек.

Скворец

— Ой, Сенечка! Говорят, кабан из вольера убежал! — крикнула Зоя Пухова.

— Как это убежал? — удивился Сеня.— Этого не может быть.

— А говорят, убежал. В орешнике, говорят, хрюкает...

— Показалось,— сказал Сеня.

Но все же он побежал к кабаньему вольеру. И мы с Зоей бросились за ним.

Черный дикий кабан с продольными полосами на спине преспокойно лежал в тени возле кормушки в своем загоне.

— Ну, вот! — сказал Сеня.— Что я говорил?

В это время у нас за спиной раздалось хриплое кабанье хрюканье.

— Вот видишь,— сказала Зоя Пухова и вцепилась в рукав Сени.

— Слышу теперь,— ответил Сеня и поднял голову.

Хрюканье раздавалось откуда-то сверху.

— Ты когда-нибудь слышала, чтобы кабан на дереве хрюкал? — спросил Сеня.

— Нет,— ответила Зоя.— А что?..

— Послушай...

Хрюканье перелетало с места на место. Мы смотрели на деревья и вдруг увидели, что прямо перед нами на ветке сидел большой скворец.

— Хрюк-хрюк,— сказал скворец и поглядел сверху на Сеню, на Зою Пухову и на меня.— Хрюк-хрюк.

— Молодец! — похвалил его Сеня.— Покажи нам теперь, что ты еще умеешь.

— Ха-ха-ха! — скрипучим голосом прокричал скворец и полетел над деревьями.

— Шутник,— сказала Зоя Пухова, держа Сеню за рукав.

— Как клоун! — с восхищением заметил Сеня.

Заслонив глаза от солнца, он с улыбкой глядел на улетающего скворца.

Мартышка и очки

Прошло много лет. Я учился в университете. Но жил по-прежнему на улице Южной. Время от времени я заглядывал в удивительный сад моего детства.

Как-то я встретил Зою Пухову. Она сказала мне, что в зоосаду, как всегда летом, обновляют таблички на вольерах и на клетках.

У меня только что начались каникулы. Было много свободного времени, и я взялся писать таблички: какие звери где живут и чем питаются.

В зоосаду многое переменилось. Ведьмы уже никто не помнил. Качели давно убрали. Добряка взяли в другой город, откуда, говорят, он попал в цирк. В библиотеке, где когда-то работал мой дядя, я видел вырезку из вечерней газеты, там было напечатано несколько строчек о Добряке.

Зоя Пухова все вспоминала Сеню Зюкина.

— Он цирковое училище окончил,— говорила она.— Добился своего. Может, ты его где увидишь или узнаешь что о нем, тогда скажи мне или напиши! Я за него порадуюсь... Он-то меня позабыл, наверное...

Работал я в мастерской с художником. Он рисовал фигурку животного, я писал печатными буквами текст. Два раза в день к нам приходил молодой научный работник Брагин. Он приносил нам тексты, напечатанные на пишущей машинке, и строго проверял нашу работу.

Однажды писали мы табличку про мартышку. Художник нарисовал обезьяну и вышел покурить трубку на свежем воздухе. А я стал писать текст, букву за буквой, строчку за строчкой. Написал и задумался. Чего-то не хватало на табличке. Как-то она скучно выглядела.

Тогда я взял кисточку и нарисовал, как мог, очки на хвосте обезьянки. Сразу стало веселее. Мартышка и очки. Как в басне Крылова...

После обеда, когда зоосад уже был закрыт для посетителей, мы с художником пошли к клетке, чтобы привинтить табличку. Мартышка в это время чистила свою тарелочку, разглядывала ее со всех сторон и не обращала на нас никакого внимания.

Вдвоем мы перешли за барьер, отделяющий клетку от зрителей. Я достал из кармана винты и стал осторожно прикреплять табличку к деревянной перекладине.

В это время к нам подошел Брагин.

— Что это такое? — воскликнул он, указывая на рисунок.

Художник удивился, вынул трубку изо рта и сказал:

— Это не моя работа...

Я молчал.

— Поймите! — сказал мне Брагин.— Зоосад не имеет никакого отношения ни к сказкам, ни даже к цирку. Здесь изучают зоологию, так что басни тут ни при чем!

Мартышка бросила свою тарелочку, схватилась за голову и прыгнула на трапецию. Она раскачивалась и кричала что-то очень сердито.

— Она, кажется, с вами не согласна,— сказал я.

Брагин смутился. Он снял очки, сунул их в верхний карман пиджака.

И в ту же секунду мартышка метнулась по решетчатой стенке и выхватила очки Брагина.

И в ту же секунду мартышка выхватила очки Брагина.

С криком и хохотом, размахивая очками, она взлетела на трапецию и стала кривляться, показывая зубы.

Брагин бросился искать смотрителя.

— Брагин! — крикнул я ему вслед.— Вы только взгляните! Это же мартышка из басни. Плюньте на очки, вспомните о детстве!

Мы с художником пошли в нашу мастерскую, унося с собой злополучную табличку.

— Этого нарочно не придумаешь,—говорил художник, раскуривая свою трубку.— Цирк! Настоящий цирк!

Билетов нет и не будет

Однажды осенью я приехал в Ленинград. Вечером шел по набережной реки Фонтанки. И вдруг увидел перед собой старое здание Ленинградского цирка.

Смеркалось. Низко над домами ползли серые тучи. А перед цирком ярко горели цветные фонари. Было очень людно, и многие спрашивали, нет ли у кого-нибудь лишнего билетика на представление.

И меня потянуло в цирк. Я подошел к кассе и увидел объявление: «Билетов нет».

— Что вы! — сказала мне кассирша.— Билетов нет и не будет! Разве вы не знаете, что сегодня на манеже Александр Южный?

Что-то мне показалось знакомым.

— А льва как зовут? — спросил я.

— А льва зовут Добряк! — сказала кассирша и закрыла окошко.

Так вот оно что! На огромной афише был изображен Добряк. Я подумал: может быть, это другой лев? Но правое ухо его слегка оттопыривалось...

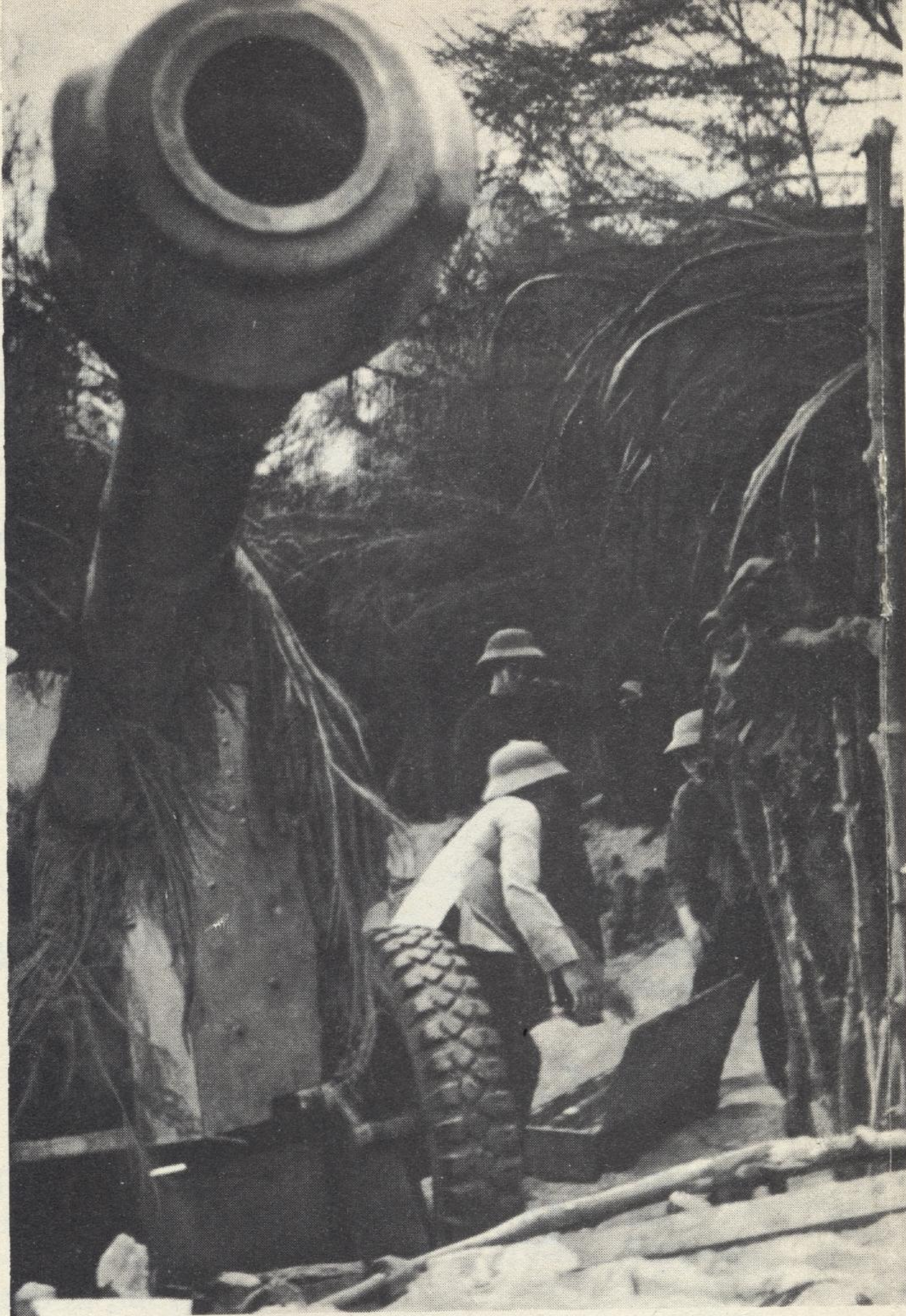
На другой афише был изображен Сеня Зюкин. Это он! Рядом со львом на взлетной площадке.

У ног его стоит чемодан с цветными наклейками. А за спиной серебрится крыло самолета.

Накрапывал дождик. В цирке зажигались огни. Народ толпился у входа. Я поднял воротник плаща, подошел к уличному фонарю, достал записную книжку, вырвал из нее листок и написал: «Я хочу видеть укротителя!»

Я был уверен, что Сеня тотчас вспомнит меня и что долго после представления, когда опустеет цирк, мы будем вспоминать удивительный сад на улице Южной, Зою Пухову, говорящего скворца, Ведьму...

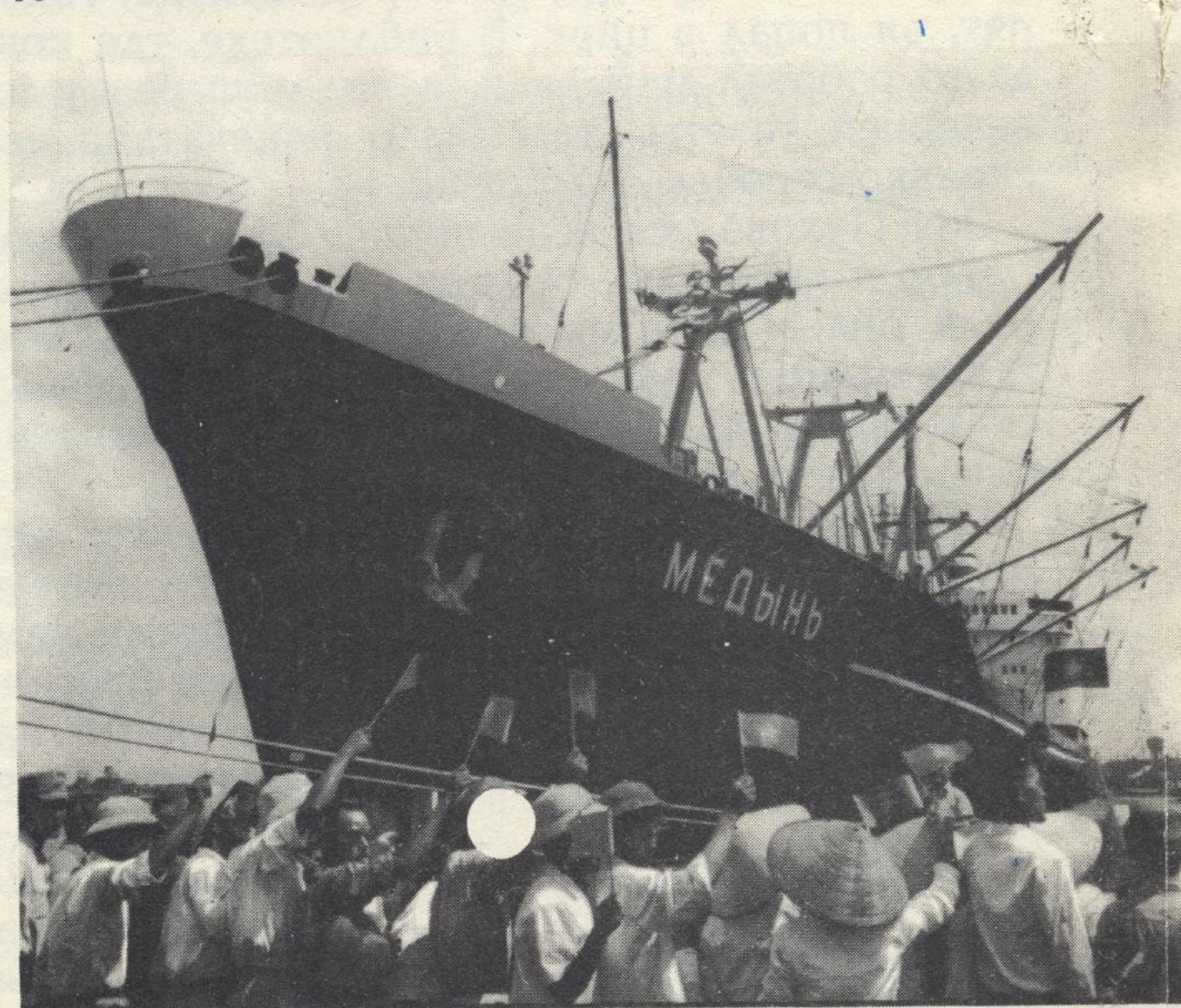
Я нашел сразу двух друзей моего детства. Я повторял про себя: «Билетов нет и не будет! Билетов нет и не будет!» И сердце мое сильно билось от радости.

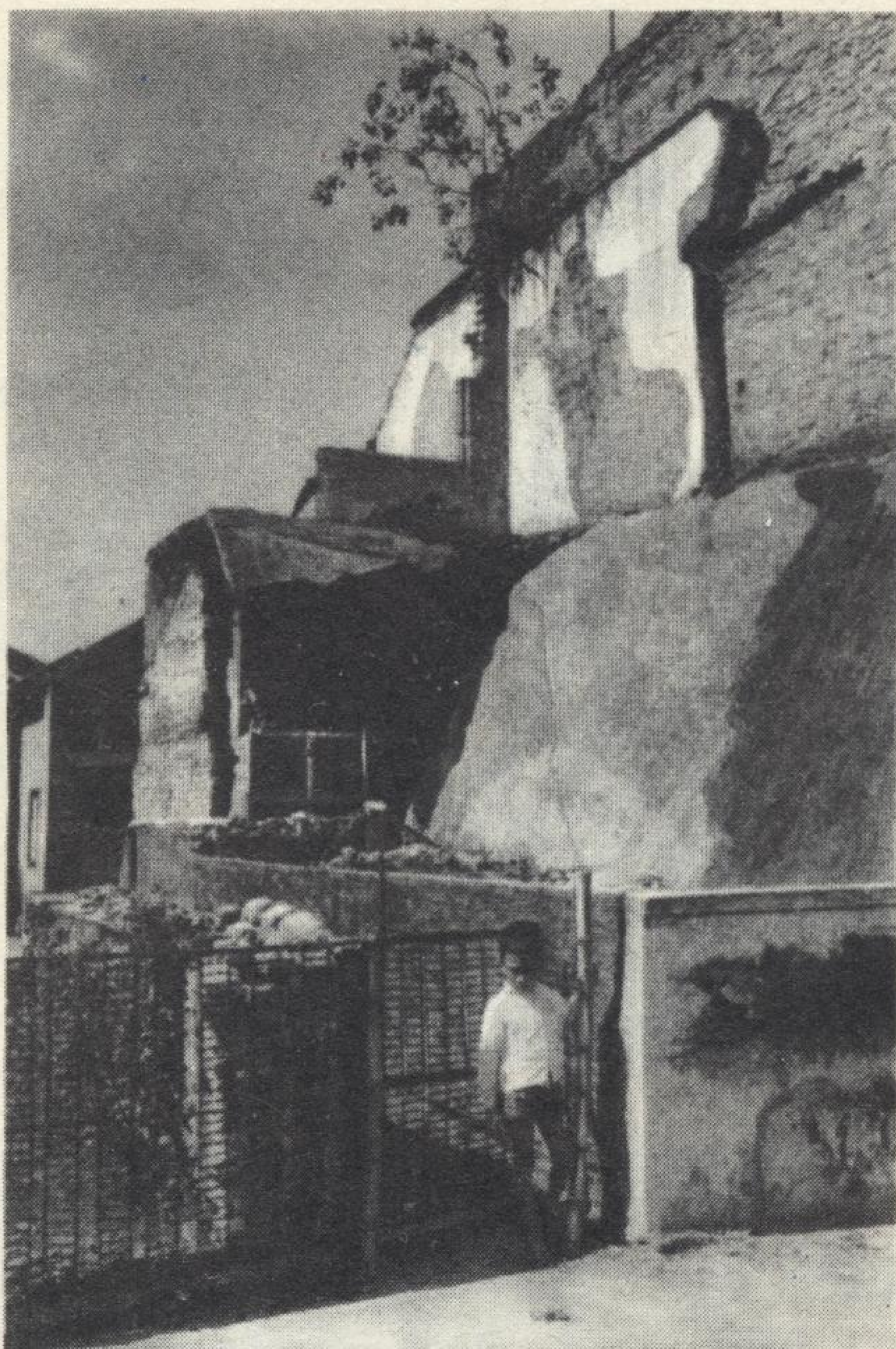

НА БЕРЕГУ ТОНКИНСКОГО ЗАЛИВА

Н. ПАСТУХОВ

Фото Г. МАКАРОВА, Д. УХТОМСКОГО

На берегу Тонкинского залива, у рыбацкого поселка Нгы Тхыг, расположилась артиллерийская батарея. Замаскированные дула орудий направлены в море, где снуют американские военные корабли. Батареей управляют недавние школьницы, дочки рыбаков. В боях они сбили пять самолетов и повредили четыре судна врага. Мы спросили командира батареи Нгуен Тхи Бе, как девочки сумели овладеть такой сложной военной техникой.

— Трудно было. Очень трудно, — ответила Нгуен. — Привезли сюда на берег орудия. А где взять бойцов? Рыбаки ушли в армию, наши матери — в море, рыбачат. Вот и пришлось девочкам бросить школу... Стрелять мы учились в боях...

Агрессоры сбросили десятки тысяч снарядов и бомб в окрестностях рыбацкого поселка Нгы Тхыг. **Город Нам-Динь они разрушили почти полностью.** Здесь среди развалин живут семьи рабочих текстильного комбината. Но комбинат ни на час не прекращает работы.

Всегда оживленно в Хайфонском порту. Вот советское грузовое судно «Медынь» пришвартовалось с очередным грузом продуктов, медикаментов и техники. Жители города вышли на причал. Они флажками приветствуют советских друзей.

Этих мальчишек с корзинами мы повстречали на одной из проселочных дорог. Искусству плетения во вьетнамской деревне обучаются с малых лет. И до чего ловко плетут вьетнамцы и рыболовные снасти, и циновки, и красивые легкие корзины для овощей и фруктов...

В джунглях, неподалеку от сельской школы, мы видели, как маршируют семиклассники. На плече у ребят деревянные палки. Это вместо винтовок — в классе идет урок военно-строевой подготовки. Тысячи и тысячи вьетнамских школьников — мальчиков и девочек — готовятся встать на защиту Родины.

Международный пионерский клуб «Товарищ»

МУЗЕЙ ДАНИЭЛЯ ФЕРИ

Обычная московская школа, обычный класс, только парт нет. Обычный и необычный. Потому что в нем находится музей. Музей, посвященный пятнадцатилетнему парижанину Даниэлю Фери.

...Билет члена Союза коммунистической молодежи Франции. Взносы заплачены всего за несколько месяцев.

...Желтый нарцисс на альбомном листке.

...Письмо Сюзан Фери, матери Даниэля.

Совсем немного экспонатов. Два стенда вдоль стен.

— Почему так мало? — удивились мы.

— Ему было только пятнадцать, а потом его убили, — говорит Оля.

Она совсем маленькая, Оля Коростелова, и возрастом — 6-й класс, и ростом — чуть выше подоконника. Оля — экскурсовод музея. Нам запомнился ее рассказ.

— Когда я чем-то, кроме кукол, интересоваться стала, мне захотелось записаться в КИД. Записалась... просто так, тогда все записывались. Потом меня спросили: «Что ты хочешь делать?» Я сказала: «Хочу переписываться», — тогда тоже все переписывались, модно было. А мне говорят: «Хочешь экскурсоводом по музею быть?» Я говорю: «Хочу». И стала...

Даниэль... Видите, он любил рисовать цветы. Вот этот нарцисс он нарисовал в пять лет и подписал: «ДАНИ-ЭЛЬ». У него были брат Андре и сестра Николь. Папа с мамой работали на заводе в местечке Франси. Они были французскими коммунистами и много рассказывали ему о войне, фашизме, о своих друзьях.

Даниэль работал в газете «Юманите» рассыльным: газеты разносил подписчикам. Конечно, он видел, что творится на улицах, зверства оасовцев, избиения. Во Франции действовало общество ОАС, боровшееся за возрождение фашизма.

А потом оасовцы бросили бомбу в окно обыкновенного дома и изувечили маленькую Дельфину Ренар... Ну ведь не могут люди видеть такое и молчать!

Восьмого февраля 1962 года редакция «Юманите» решила выйти на демонстрацию протеста. Они не собирались брать оружия. Просто они не могли молчать.

Утром восьмого Даниэль, как обычно, пришел на работу, поздоровался со всеми, увидел своего друга. Тот спросил: «Идем на бокс, как договорились?» Даниэль сказал: «Нет, я на демонстрацию».

Это была небольшая демонстрация протеста, и никто не предполагал, что соберется шестьдесят тысяч человек.

Десять часов. Утро. Зима. Они шли по маленьким улицам, им было весело и страшно чуть-чуть. Когда проходили мимо контор, фабрик, магазинов, люди бросали все: домашние дела, работу — и шли с ними.

Знаменитая площадь Бастилии. Даниэль впереди. Обернулся и увидел всех

этих людей, увидел Париж своих родителей — Париж коммунаров.

Сначала их было мало, а теперь такая громада. Очень много женщин...

Когда навстречу, размахивая нагайками и стреляя, побежали оасовцы, все бросились назад. Даниэль побежал, но тут из кармана выпал билет Союза коммунистической молодежи (он только недавно вступил). Даниэль нагнулся, оасовцы увидели его и стали бить, бить...

К школе № 137 со всех сторон протоптаны тропинки. Часто в школе звонит телефон: «Можно мы придем к вам на экскурсию?»

А. ЖИЛИН,
И. ЛОБКО-ЛОБАНОВСКАЯ

Значок болгарских пионеров

Плывет по Дунаю «Радецкий»

История эта произошла почти сто лет назад... Ранним весенним утром, когда солнце только-только рассеяло белесый туман, от пристани на Дунае отчалил пароход «Радецкий» австрийской компании. Перед последним гудком на пароход поднялось несколько человек в крестьянской одежде. Это были болгарские революционеры, решившие поднять восстание против турецкого ига. Среди них — высокий человек с черными глазами, черной бородкой и орлиным носом — Христо Ботев — поэт и командир отряда.

Вот и Козлодуй — место, где задумали высадиться повстанцы. Друзья Христо Ботева незаметно окружили капитанскую рубку.

Раздался свист — условный сигнал. Несколько минут, и вся команда «Радецкого» была арестована.

— Кто вы такие? — растерянно спросил капитан. — Вы нарушаете закон! — закричал он.

— Успокойтесь, капитан. Мы не грабители и не разбойники,— спокойно проговорил Христо Ботев. — Мы революционеры и действуем от имени Болгарии и ее народа. Я приказываю пришвартовать «Радецкого» у Козлодуя...

Пустынен болгарский берег. Тишина. Она настораживает. Как только отряд Христо Ботева высадился на берег, прозвучали выстрелы: турки узнали о высадке отряда Ботева. Началась перестрелка. Отряд с боем прорвался сквозь засаду. А через день — новый бой у Веслеца. Бой жестокий и неравный. В этом бою пуля сразила Христо Ботева.

...Идут годы... Так же, как и в ту далекую весну, несет свои воды Дунай. И так же, как почти сто лет назад, плывет по Дунаю легендарный пароход «Радецкий». Только пассажиры на нем необычные — ребята в красных галстуках. Три года болгарские пионеры зарабатывали левы, чтобы восстановить пароход «Радецкий». Все дружины участвовали в этом. И вот сегодня «Радецкий» — плавучий музей — курсирует от пристани к пристани. Побывал «Радецкий» и в нашей стране, привез к нам пионеров Болгарии, Венгрии, Румынии. И звучали на палубе песни пионеров из разных стран, а одну — «Пусть всегда будет солнце» — ребята пели все вместе по-русски.

О «Радецком» сложены стихи и поэмы, написаны песни. Легендарному кораблю посвящена почтовая марка и памятная пионерская медаль.

Плывет по Дунаю «Радецкий». И отдают ему салют все, кто носит на груди пионерский галстук.

С. СЛАВИН

«Кораблик»

Журнал в журнале печатает только тебя

Эти три стихотворения написала **Катя ЧЕВКИНА.** Ей 11 лет, она живет в Москве, учится в 5-м классе.

Старинный замок

Сырая тьма лежит между дубов,
Бежит тропинка, меж стволов ныряя,
То на гнилые корни наступая,
То на ковер зеленых, мягких мхов.

Вот за́мок встал сквозь голубой туман,
Он встал, как подобает чародею.
Гордится вечной тайною своею
Упрямый рыцарь, мрачный великан.

Уж стерся над воротами девиз,
Он все стоит, собой гордиться вправе,
Он, за̀мок, в размышлении о славе
Глядит в молчанье дырами бойниц.

Где прячется весна

На дворе поземка кружит,
Все на своем пути заметает,
Это февраль, это зима,
А где же весна, никто не знает.

Но все-таки знаю я, где весна—
Среди цветов на моем окошке,
Среди замерзших в лесу берез,
Среди птиц, клюющих крошки.

Солнышка теплого ждет весна,
Чтобы ей, наконец, появиться.
Ждет своих голосистых друзей,
Ее друзья — перелетные птицы.

Ира МОКРЯКОВА учится в 7-м классе московской школы № 5.

Воробей

Ночью выпал снег холодный,
А наутро средь ветвей
Прыгал жалкий и голодный
Удивленный
Воробей.

Хохолок чуть-чуть приподнят,
Сжался в серенький комок.
Кто его теперь накормит?
Кто бы воробью помог?

Сыплю крошки на газету.
Воробей глазок скосил
И, увидев пищу эту,
Мигом к хлебу подскочил!

Солнце щеткой золотой...

Солнце щеткой золотой
Трет дома, деревья, траву,
Солнце трудится весь день
И работает на славу.

Выметает ночи мрак
Из углов, как паутину,
Улыбнулось вдруг — и вот
Вмиг всю землю осветило.

Ну, а если солнца нет,
Ветер, дождик к нам приходят,
И вдвоем на всей земле
Чистоту они наводят.

В. ГОРДИНСКИЙ,
деревня Рысовка,
Ростовской области.

Сон

В окне — луна.
Гляжу на небо.
Мутна она,
Не вижу неба...

На море я.
Один с волнами.
И жизнь моя
Взята цунами...

Борюсь за жизнь.
Волна бросает!
Дельфин меня
Берет, спасает.

Котенок

Лена АНДРЕЕВА.
Ей 12 лет, живет она на Тамбовщине, в селе Бердюжье.

Хвостик
нашего котенка
Задрожал.
Он мяукнул тонко-
тонко,
Отбежал.
Что же это на траве
Шевелится?

Это, кажется,
не зверь
И не птица?
Что же ты
пугаешься,
Васенька?
Разве ты боишься
Карасика?

ЕЩЕ ОДНА НАЙДА

Аня ОХАРЬЕВА.
Живет она в Эстонии, в поселке Суурпэа.

Здравствуй, дорогая редакция. Я пишу вам в первый раз. Вот вы напечатали рассказ Ю. Коваля «Найда», я же хочу написать вам про нашу Найду.

А. О.

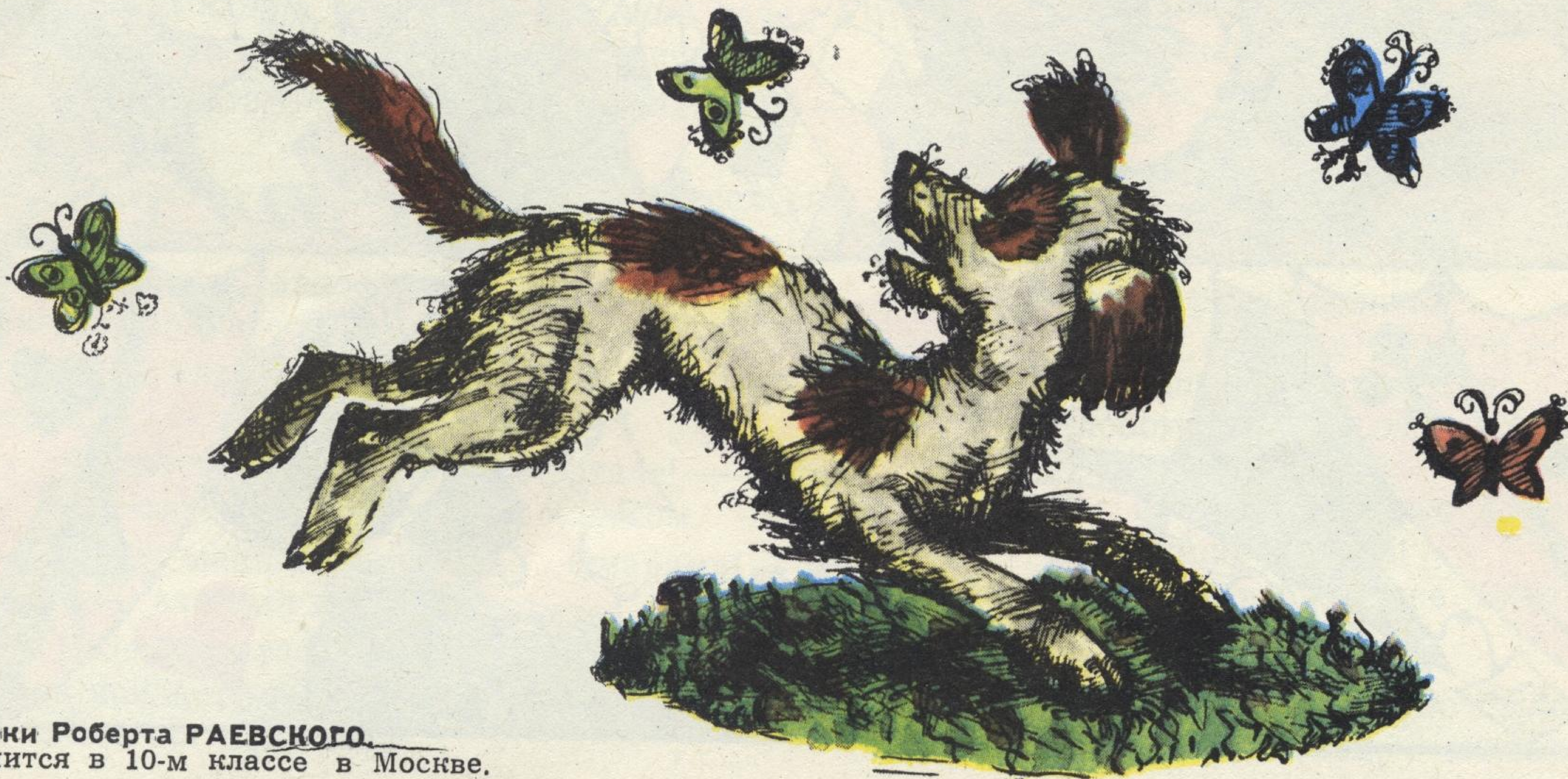
Наша Найда тоже русская пегая гончая, как и та. Но нашей всего семь лет, и нет у нее хозяина, но ее нельзя назвать бездомной или беспризорной. У нее шикарная будка, и мы с Людой — это моя подруга — заботимся о ней, кормим ее и ухаживаем за ее щенками.

Найда свободна и бегает где ей только вздумается.

Некоторые малыши в нее шишками и камнями кидают. За это Найда кусает кое-кого из них. А ее за эти укусы несколько раз хотели пристрелить, но мы отстаивали ее!

Взять Найду домой мы не можем. Люде не разрешают родители, а у меня уже есть большая собака Вайс.

Найда очень умная и выносливая собака, хотя и короткошерстная. Все.

Рисунки Роберта **РАЕВСКОГО.**
Он учится в 10-м классе в Москве.

Борис ЗАХОДЕР рассказывает сказку
Льюиса КЭРРОЛЛА
АЛИСА
В СТРАНЕ ЧУДЕС
Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ГЛАВА X,

в которой танцуют Раковую кадриль

Деликатес глубоко вздохнул и смахнул плавником слезу. Обернувшись к Алисе, он попытался заговорить, но голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две.

— Похоже, что ему кость не в то горло попала, — деловито предположил Грифон и принялся трясти своего друга и похлопывать его по спине.

Наконец Деликатес кое-как справился с собой и, хотя слезы по-прежнему струились по его щекам, заговорил:

— Быть может, вы никогда не живали подолгу на морской глубине...

(— Не жила, — вставила Алиса.)

...И, быть может, вы никогда не встречались с Морскими Раками, например, с Омарами...

(Алиса было начала: — Я один раз попробо... — но тут же осеклась: — Нет, никогда!)

...Так что вы и представить себе не можете всю прелесть Раковой Кадрили.

— Даже не слыхала! — сказала Алиса. — А что же это за танец?

— Слушай меня! — сказал Грифон. — Сначала вы выстраиваетесь в линию на пляже, у самого прибоя...

— Да что ты говоришь, любящий друг! — перебил Деликатес. — В две линии, ведь там черепахи, лососи, тюлени, мало ли кто еще! Потом, предварительно расчистив в море приличную площадку от медуз...

— Это обычно отнимает порядочно времени, — вставил Грифон.

— ...Делаете два шага вперед — авансе! — продолжал Деликатес.

— За кавалеров у всех Морские Раки, чаще всего Омары! — крикнул Грифон.

— Любящий друг! Это само собой понятно! — перехватил Деликатес. — Под руку с Омаром два шага вперед — поворот к визави...

— Смена кава... Омаров, и два шага назад в прежнюю позицию! — не уступал Грифон.

— Ну, а затем, — опять начал Деликатес, — вы бросаете...

— Омара! — завопил Грифон, изо всех сил подпрыгнув.

— В море! Главное, как можно дальше! — пискнул Деликатес.

— Сами кидаетесь за ним вплавь! — крикнул Грифон.

— Делаете в воде сальто-мортале! — крикнул Деликатес и сам прошелся колесом.

— Опять меняетесь партне... Омарами! — во всю мочь завопил Грифон.

— Возвращаетесь на берег, и на этом первая фигура кончается, — неожиданно упавшим голосом закончил Деликатес.

И оба чудака, которые только что прыгали и вопили, как безумные, уселись и затихли, печально глядя на Алису.

— Наверно, это очень хорошенький танец, — нерешительно сказала Алиса.

— Тебе хочется самой на него посмотреть, да? — с надеждой в голосе спросил Деликатес.

— Конечно, — вежливо сказала Алиса, — очень хочется.

— Ну что, любящий друг, покажем ей первую фигуру? — сказал Деликатес Грифону. — Обойдемся и без Омаров, правда? Только вот кто подпоет?

— Пой уж ты, — сказал Грифон. — Я слов не помню.

И два старых друга с важным и торжественным видом пустились в пляс вокруг Алисы, поминутно наступая ей на ноги и размахивая передними конечностями в такт мелодии, которую медленно и грустно пел Рыбный Деликатес.

Барабанит в дверь Сардинка:
— Эй, Улита, выходи!
Мы с тобой и так отстали —
Даже Раки впереди!
Долго ждать тебя не буду —
Слышишь, мой Конек заржал?
Он мне хвост еще отдавит,
Так спешит на бал!
Ты-то что же? Ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

Ты представь себе, Улитка,
Как шумит, звенит прибой!
Как тебя Морские Раки
Увлекают за собой!
Но Улитка отвечала:
— Слишком уж далекий путь!
Нет, спасибо! Я не выйду,
Я уж как-нибудь.
Вот уж, нет уж! Вот уж, нет уж!
Я уж как-нибудь!
— Что значит «слишком далеко»,
О чем тут рассуждать?
Где далеко от Лондона —
Париж рукой подать!
Уплыл от этих берегов —
Глядишь, к другим попал!
Словом, хватит ныть, Улитка,
И пошли на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

— Спасибо, очень приятно было посмотреть на ваш интересный танец, — сказала Алиса (по

— Сардинки уж больно любят танцевать с Морскими Раками.

правде говоря, ей всего приятнее было то, что танец наконец кончился). — А как мне понравилась эта забавная песенка про сардинок!

— Да, кстати, о сардинках, — сказал Деликатес, — они... Ты их видала, конечно?

— Да, на тарел... — начала было Алиса, запнулась и поправилась из кулька в рогожку: — в... в банке!

— В банке? Странно, — удивился Деликатес, — в мое время у них, помнится, не водилось лишних денег! Хотя все может быть — много воды утекло... Но если ты их, как говоришь, часто видела, то ты, конечно, знаешь, как они выглядят?

— Ну, да. — Алиса теперь взвешивала каждое свое слово. — Они все в масле... И все почему-то безголовые.

— Боюсь, дитя, насчет масла ты что-то путаешь, — сказал Деликатес. — Сардинки — народ чистоплотный, потом море, сама понимаешь, какое уж тут масло. Но вот что они безголовые — это факт, а причина в том... — И тут Деликатес неожиданно зевнул и закрыл глаза. — Расскажи ей, любезный друг, про причину и тому подобное, — сказал он Грифону.

— Причина в том, — сказал Грифон, — что они уж больно любят танцевать с Морскими Раками. Ну, Раки и увлекают их в море. Ну, они и увлекаются. Ну, раз увлекаются — значит, теряют голову. Ну, а потом не могут ее найти! Вот тебе и все.

— Спасибо, — сказала Алиса, — мне было очень интересно. Я никогда не слыхала так много про сардинок.

— Если тебя так интересуют сардинки, я могу еще много о них порассказать, — сказал Грифон. — Ты, например, знаешь, почему они называются «сардинки»?

— Нет, об этом не задумывалась, — сказала Алиса. — А почему?

— Очень музыкальны. Вот почему, — сказал Грифон весьма серьезно.

Алиса ничего не понимала.

— Музыкальны? — повторила она в изумлении.

— Ну да! — сказал Грифон. — Тебе когда-нибудь приходилось играть на скрипке в комнате, где люди спят?

— Никогда! — уверенно сказала Алиса. — Меня учат играть только на пианино, к счас... К сожалению, — добавила она.

— И все-таки запомни, чтобы не дать маху: в таких случаях играют всегда под сардинку.

— А не под сурдинку? — спросила Алиса. — Кажется, я слышала такое слово.

— Не знаю, что ты там слышала, но у нас играют под сардинку! — внушительно произнес Грифон. — А ты знаешь, чем скрипачи натирают смычки?

— Кани... телью, кажется, — сказала Алиса без особой уверенности.

— Может быть, у вас и так... А у нас без всякой канители смычки мажут просто медом, — заявил Грифон. — Поэтому сардинки и поют так сладко.

— Откуда же вы в море берете мед? — удивилась Алиса.

— А на что у нас, по-твоему, медузы? — с раздражением сказал Грифон. — Странные вопросы ты задаешь! Любой малек значительно больше тебя знает!

— Нет, вот если бы я была сардинкой, — сказала Алиса, решив вернуться к прежней, менее рискованной теме, — я бы ни за что не позволила Морскому Коньку наступить мне на хвост. Я бы его прогнала, и все!

— Да что ты говоришь, девочка! — неожиданно вмешался Деликатес. — Ни одна рыба добровольно не расстанется с Коньком.

— Почему это? — очень удивленно спросила Алиса.

— Потому! — сказал Деликатес. — Потому что она не может обойтись без своего любимого конька!

— Правда? — удивленно переспросила Алиса.

— Конечно! Ведь без него ей будет очень скучно жить на свете! — сказал Деликатес. — У тебя есть свой конек?

— Нет, но у меня есть кошка, — сказала Алиса. — Ее зовут...

— Прекрасно! — обрадовался Грифон. — Давно пора тебе рассказать нам о себе и о своих приключениях! А то мы тебе, можно сказать, выложили всю подноготную, а ты от нас все скрываешь!

— Я с удовольствием расскажу вам о себе, — начала Алиса робко, — но только про то, что было сегодня. А про то, что было раньше, и рассказывать не стоит, я тогда была еще не такая!

— Что ты хочешь этим сказать? Объясни! — потребовал Деликатес.

— Нет, нет, не надо! — прервал его Грифон испуганно. — Давай сначала приключения! А то объяснениям конца не бывает, я уж это знаю, ученый, слава богу!

И вот Алиса принялась рассказывать обо всем, что с ней приключилось с тех пор, как она впервые увидела Белого Кролика.

Сначала она чуточку робела — уж очень близко к ней подсели оба чудища, и уж очень широко они разинули глаза, а главное, рты; но постепенно она увлеклась своим рассказом и совершенно перестала бояться.

Слушали они ее, надо отдать им справедливость, затаив дыхание, и только когда она добралась до того места, где читала Синему Червяку «Милый папа» и перепутала все слова, Деликатес шумно вздохнул и сказал:

— Да, это очень странно!

— Очень близко, и дальше ехать некуда! — сказал и Грифон.

— Все слова шиворот-навыворот! — задумчиво произнес Деликатес. — Любопытно было бы послушать еще что-нибудь в этом роде. Вели ей прочесть, любезный друг! — обратился он к Грифону, словно был уверен, что тот имеет полное право приказывать Алисе.

— Вот что, встань и продекламируй: «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят!» — распорядился Грифон.

«Ой, они меня прямо затыркали! — подумала Алиса. — Каждый распоряжается, каждый вызывает отвечать уроки! Хуже, чем в школе. Честное слово!»

Тем не менее она послушно встала и начала читать. Вот только в голове у нее все еще звучала «Раковая Кадриль», и потому образовалась такая каша из Раков, Улиток и прочего, что бедняжка сама плохо понимала, что говорит, и стихи получились опять ни на что не похожие:

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —
Говорил Вареный Рак, —
Что бы там ни говорили,
Поступайте только так!
Утверждаю это смело:
Если хочешь долго жить,
Должен ты любое дело
Первым делом отложить!
Черепах (да и Улиток)
Я прошу иметь в виду:
Тот из нас, кто слишком прыток,
Первым попадет в беду!
Где дурак устроит гонку,
Там разумный наш собрат
Или отойдет в сторонку,
Или пятится назад!
Вот и я — засуетился
И попал в рыбачью сеть...
Суетился, кипятился —
И приходится краснеть.
Потому что в этой спешке
Я сварился кое-как...
Поделом терплю насмешки! —
Говорил Вареный Рак.

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —
Хорошо сказал поэт!
Лишь бы вы не забывали
Этот правильный совет!

Конек — это, конечно, Морской конек, очень забавная и милая рыбка. Умеют ли морские коньки ржать — это науке еще неизвестно. Скорее всего умеют!

Может, спорить кто посмеет?
Только где уж вам, щенки!
Кто из вас, как я, сумеет
Носом вывернуть носки?!

— Да-а, это совсем не похоже на то, что я учил, когда я был дитятею! — сказал Грифон.

— Я лично вообще впервые слышу подобную чушь, — сказал Деликатес. — Тут у меня нет никаких сомнений!

Алиса молчала; она села, закрыла лицо руками и в отчаянии думала: «Неужели никогда не вернется нормальная жизнь?..»

— Весьма желательно, чтобы она нам все это объяснила и растолковала! — сказал Рыбный Деликатес.

Суетился, кипятился — и приходится краснеть.

— Да что ты, что ты! Она не сумеет! — опять всполошился Грифон. — Пусть лучше еще что-нибудь прочитает!

— Нет, любезный друг, пусть объяснит хотя бы про нос и про носки! — не уступал Деликатес. — Откуда у Рака взялся нос? И тем более носки! И как в таких условиях он может носом вывернуть носки?

— Да это не те носки, — беспомощно пролепетала Алиса. Объяснить было ей довольно трудно, потому что она сама абсолютно ничего не понимала. — Это, наверно, когда танцуют, выворачивают носки по первой позиции!

Бедняжка была в полной растерянности. Грифон, видимо, сжалился над ней.

— Ладно, возьмем что-нибудь попроще, — великодушно предложил он. — Ну, хоть про Козлика сможешь прочесть?

Алиса хотя и не сомневалась, что опять ничего хорошего не выйдет, не посмела отказаться и дрожащим голосом начала:

Математик и Козлик
Делили пирог.
Козлик скромно сказал:
— Раздели его вдоль!
— Тривиально! — сказал Математик. —
Позволь,
Я уж лучше
Его разделю поперек!
Первым он ухватил
Первый кус пирога.
Но не плачьте —
Был тут же наказан порок:
«Пи» досталось ему
(А какой в этом прок?!),
А Козленку...
Козленку достались
Рога!

— Послушай, дитя, какой смысл произносить всю эту чепуху, — проворчал Рыбный Деликатес, — если ты даже ничего не можешь толком объяснить? В этом что-то неслыханное!

— Да, тяжелый случай, — поддержал друга Грифон. — Лучше прекратим!

И Алиса, надо сказать, очень обрадовалась.

— Не пройти ли нам вторую фигуру «Раковой Кадрили»? — предложил Грифон. — Или ты, может быть, предпочитаешь, чтобы Деликатес спел тебе еще песенку?

— Да, песенку, конечно, песенку! Дяденька Деликатес, будьте так добры! — закричала Алиса с таким энтузиазмом, что Грифон даже немного обиделся.

— Ги! Ну что ж, как угодно, — проворчал он. — О вкусах не спорят! Спой ей «Рыбацкую Уху», старик!

Рыбный Деликатес испустил тяжелый вздох и голосом, прерывающимся от рыданий, запел:

Чудо-Уха! Что сравнится с ней?
Что ароматней, вкусней, сытней?
Люди простят вам любые грехи
Ради тарелки рыбацкой ухи —
Деликатесной ухи!

А Козленку достались рога.

Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Деликате-е-есной
Дивной рыбацкой
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Мясо и дичь — все чепуха!
Радует душу только уха!
Кто не отдаст все на свете за две
Ложки ухи — тот, конечно, не ел
Дивной рыбацкой ухи!
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Деликате-е-есной
Дивной рыбацкой
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!

— Припев два раза! — крикнул Грифон, и Деликатес начал повторять припев, как вдруг издали донесся крик:

— Суд идет!

— Бежим! — завопил Грифон и, схватив Алису за руку, помчался со всех ног, не дожидаясь окончания песни.

— Какой суд? — спросила Алиса, задыхаясь от бега.

Но Грифон только повторил: «Бежим!» — и помчался еще быстрей.

Лишь легкий морской ветерок приносил к ним замиравшие в отдалении душераздирающие, отчаянные слова:

Ах!-Ох!-Ух!- И! И! И!
Ах-Ох-Ухи!

ГЛАВА XI, в которой выясняется, кто стащил пирожки

Когда Алиса с Грифоном прибежали, Король и Королева уже сидели на троне, а кругом собралась огромная толпа: пичужки, зверюшки всех видов и пород, не говоря уже о картах всех мастей. Перед судейским троном стоял в цепях, под охраной двух солдат — один справа, другой слева — Червонный Валет.

По правую руку от Короля находился Белый Кролик с трубой в одной лапке и длинным пергаментным свитком в другой.

А в самом центре судебного зала стоял стол, а на нем красовалось большое блюдо с пирожками, и вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли.

«Хорошо бы суд уже кончился и позвали к столу!» — подумала она.

Но так как, судя по всему, до этого было еще очень далеко, она, чтобы скоротать время, стала рассматривать все окружающее.

Хотя Алиса раньше никогда не бывала в суде, она читала про суд в книжках, и ей было очень приятно отметить, что она знает, как тут все — или почти все — называется.

«Вот это судья, — сказала она про себя, — кто в большом парике, тот и судья».

Судьей, кстати, был сам Король, и ,так как на парик ему пришлось надеть корону (посмотрите на картинку, если хотите узнать, как он с этим справился), он очень стеснялся: такой наряд был ему явно не к лицу.

«А вот эти двенадцать тварюшек (она не могла найти другого слова — ведь там были и птички и зверьки) — это, наверное, пристяжные... нет, присяжные, присяжные!»

Алиса не без гордости раза два-три повторила это слово. «Вряд ли много найдется девочек в моем возрасте, а то и старше, — подумала она, — которые вообще слыхали такое слово и знают, что оно значит».

Пожалуй, она была права, хотя слово «заседатели» было бы ничуть не хуже.

Присяжные сидели на большой скамье, стоявшей на возвышении. «Это скамья присяжных», — подумала Алиса. У всех у них были грифельные доски, и все они что-то деловито записывали.

— Что это они? — шепнула Алиса Грифону. — Записывать нечего, суд еще не начался!

— Они записывают свои имена, — тоже шепотом ответил Грифон, — боятся забыть, как их зовут, пока процесс кончится.

— Вот дураки-то! — начала было Алиса громко выражать свое возмущение, но тут же осеклась.

Белый Кролик закричал:

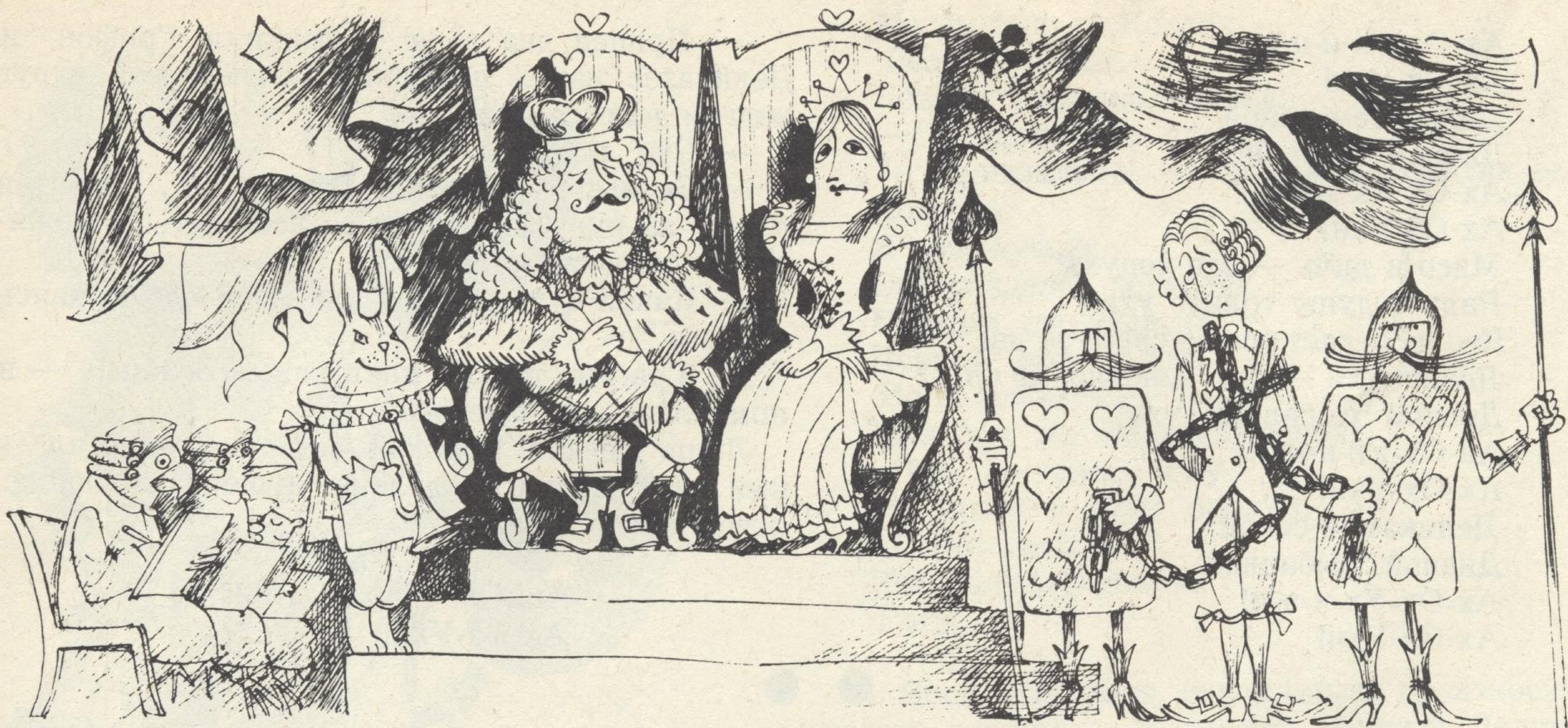
— Соблюдать тишину в зале заседания!

А Король надел очки и обвел зал настороженным взглядом, разыскивая дерзкого нарушителя тишины.

Присяжные (Алиса прекрасно это видела) принялись записывать на своих досках: «Вот дураки-то», — она даже заметила, что один из них не знал, как пишется слово «дураки», и попросил соседа подсказать.

«Да уж они там понапишут! — подумала Алиса. — Могу себе представить».

На беду у кого-то из присяжных грифель все время скрипел. Алиса, понятно, не могла этого вынести; она обогнула зал, подошла к присяжному сзади и, улучив момент, выхватила у него грифель. Проделала она это так ловко и быстро, что бедняга присяжный (это был как раз Тритон Билль) даже не понял, что произошло. Он долго искал свой грифель, но так и не нашел, и ему пришлось писать просто пальцем. Пользы

Между прочим, в Англии судьи и до сих пор носят парики, хотя Лягушки, Караси и Лакеи уже давно их не носят.

от этого было не особенно много, так как палец не оставлял на доске никаких следов.

— Глашатай! Огласи обвинительное заключение! — произнес Король.

Белый Кролик выступил вперед, трижды протрубил в свою трубу, развернул пергаментный свиток и торжественно начал читать:

— Эне, бене, рес —
Квинтер, финтер жес!
Эне, бене, раба —
Квинтер, финтер жаба!

Все пришли к Червонной Даме
Выпить чаю с пирожками,
Пирожков у Дамы нет:
Пирожки стащил Валет!

— Удаляйтесь на совещание! — приказал Король присяжным.

— Что вы, рано, рано! — поспешно вмешался Кролик. — У нас еще куча работы!

— Ну что ж, куча так куча, — уныло сказал Король. — Вызвать первого свидетеля!

Белый Кролик вновь трижды протрубил в трубу и провозгласил:

— Вызывается первый свидетель!

Первый свидетель оказался Шляпой. Он явился с чашкой чаю в одной руке и бутербродом в другой.

— Прошу прощения, Ваше Величество, что я все это прихватил с собой, — сказал он, — но когда за мной пришли, я еще не кончил пить чай-с.

— Надо было кончить! — сказал Король. — Ты когда начал?

Шляпа оглянулся на Очумелого Зайца (тот под руку с Соней тоже притащился за ним в суд).

— Кажется, четырнадцатого марта-с. Вроде так-с, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Заяц.

— Шестнадцатого, — сказала Соня.

— Запишите это, — повелел Король присяжным, и они старательно записали все три даты на своих досках, потом сложили все числа, а сумму разделили между собой.

Тут Король спохватился.

— Снимите свою Шляпу, — приказал он Шляпе.

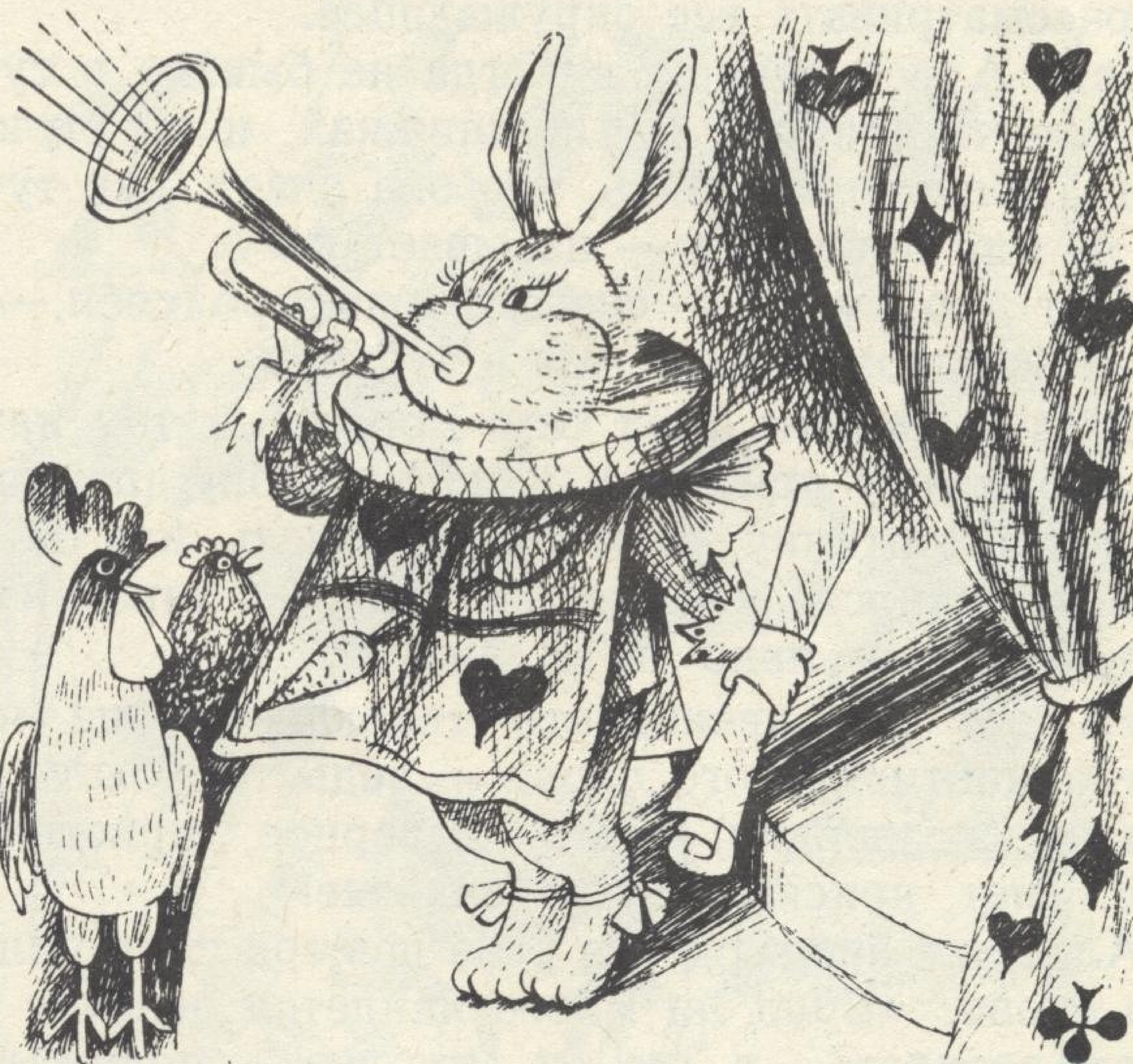
— Она не моя-с! — ответил Шляпа.

— **Краденая!** — закричал Король, повернувшись к присяжным, которые немедленно принялись записывать и это.

— Я их ношу на продажу-с, — объяснил Шляпа. — А сам я их не ношу-с! Я Шляпный мастер-с!

Тут Королева надела очки и пристально посмотрела на Шляпу, который сильно побледнел и стал корчиться, как жук на булавке.

Белый Кролик вновь трижды протрубил в трубу.

— Свидетель, давайте показания,— сказал Король,— и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте.

Но, кажется, слова Короля не очень помогли бедному Шляпе справиться с волнением: он продолжал переминаться с ноги на ногу, опасливо поглядывая на Королеву, и с перепугу откусил даже порядочный кусок чашки — вместо бутерброда.

Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что с ней происходит что-то странное. Сперва она никак не могла понять, в чем дело, но в конце концов догадалась: она опять начала расти! Она было хотела встать и уйти из зала, но потом передумала и решила остаться, пока сможет тут помещаться.

— Перестань меня давить! — сказала ей Соня (они сидели рядом).— Мне уже дышать нечем.

— Не могу перестать! — виновато сказала Алиса.— Я расту!

— Не имеешь права тут расти! — сказала Соня.

— Что за глупости,— сказала Алиса уже не так виновато.— Ты ведь тоже растешь!

— Мало ли что! Я расту, как все, прилично,— сказала Соня.— А ты безобразничаешь!

Она встала с очень обиженным видом и ушла в самый дальний конец зала.

Королева все это время не сводила сурового взгляда со Шляпы, и, как раз когда Соня пересаживалась, она сказала кому-то из судейских чинов:

— Принесите-ка мне программу последнего концерта!

При этих словах злосчастный Шляпа так затрясся, что ботинки сами собой слетели у него с ног.

— Свидетель, давайте показания! — повторил Король гневно.— Иначе я велю вас казнить, можете не волноваться!

— Я человек маленький, Ваше Величество,— начал Шляпа. Голос его дрожал и прерывался.— И не успел я сесть попить чайку — а масло, оно кусается, да и хлеб тоже,— опять же крокодильчики качая...

— Что качая? — с изумлением спросил Король.

— Опять-таки все начинается с чая,— сказал Шляпа.

— Качая — кончается на «чая», а не начинается! — возмутился Король.— Вы меня за дурака принимаете? Продолжайте!

— Я человек маленький,— продолжал Шляпа,— и потом все стало качаться, а Очумелый Заяц и говорит-с...

— Не было этого! — немедленно перебил Заяц.

— Было-с,— сказал Шляпа.

— Отказываюсь! — сказал Заяц.

— Он отказывается от своих слов, —сказал Король.— Оставь его в покое и иди дальше.

— Ну, во всяком случае, Соня и говорит-с.— Тут Шляпа тревожно оглянулся на Соню, не будет ли и она отказываться от своих слов, но Соня ни от чего не отказывалась: она спала как убитая.

— Дальше? Дальше,— продолжал Шляпа,— намазал я себе бутерброд...

— А что же Соня сказала? — спросил кто-то из присяжных.

— Того не упомню-с! — сказал Шляпа.

— Обязаны упоминать,— заметил Король,— иначе будете казнены!

Бедняга свидетель выронил чашку, бутерброд и сам упал на колени.

— Я-с человек маленький, Ваше Величество-с,— опять начал он.

— Сам вижу, что не великий... не великий мастер говорить! — сказал Король.

Тут какая-то Морская Свинка зааплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами.

(Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой

Морская Свинка весело выскочила во двор.

брезентовый мешок. Они сунули туда Свинку вниз головой, на веревке опустили мешок за окно, немного подергали веревку, и Морская Свинка весело выскочила во двор.)

«Очень хорошо, что я увидела, как это делается,— подумала Алиса,— а то в газетах часто пишут: «Выдворили из пределов»,— а я до сих пор не понимала, что это значит!»

— Свидетель,— строго сказал Король,— если вы на этом закончили показания, можете сесть!

— Спасибо, мы постоим,— сказал Шляпа.— За что же это меня сажать? Я не виноват-с.

— Не хотите сидеть, можете прилечь! — сказал Король.

Тут вторая Морская Свинка зааплодировала и тоже была выдворена.

«Ура, больше ни одной не осталось! Без морских свинок дело пойдет веселей!» — подумала Алиса.

Шляпа кинулся прочь со всех ног.

— Я бы лучше пошел попил чайку-с, — сказал Шляпа, с опаской глядя на Королеву, все еще читавшую программу концерта.

— Можете идти! — сказал Король, и Шляпа кинулся прочь со всех ног, забыв даже надеть свои ботинки.

— ... а попутно отрубить ему голову! — распорядилась Королева, но Шляпы уже и след простыл, так что выполнить ее приказание было затруднительно.

— Вызвать следующего свидетеля! — сказал Король.

Следующий свидетель оказался свидетельницей — это была Повариха Герцогини. Она не выпускала из рук огромной перечницы, и об ее приближении Алиса догадалась задолго до того, как Повариха вошла в зал, — так дружно принялись чихать все, кто сидел у входа.

— Давайте показания, — сказал Король.

— Не-а! — сказала Повариха.

Король растерянно поглядел на Белого Кролика, и тот, понизив голос, сказал:

— Надо подвергнуть ее допросу с пристрастием, Ваше Величество.

— Ну что ж, надо так надо, — сказал Король без особого энтузиазма. Он скрестил руки на груди, так страшно нахмурился, что глаза его превратились в черточки, и сказал СТРАШНЫМ ЗАГРОБНЫМ ГОЛОСОМ:

— Из чего делают пирожки?

— Все больше из перца, — сказала Повариха.

— Из мар-ме-ла-да, — произнес чей-то сонный голос.

— На цепь эту Соню! Придушить эту Соню! Отрубить Соне голову! Выдворить Соню! Ущипнуть ее! Оторвать ей хвост! — завизжала Королева.

Несколько минут в судебном зале царила ужасная суматоха — все пытались поймать и выдворить Соню, а когда кутерьма кончилась, Повариха уже исчезла.

— И слава богу, — сказал Король, вздохнув с большим облегчением. Он вполголоса добавил, обернувшись к Королеве: — Я тебя очень прошу, дорогая, следующего свидетеля допрашивай с пристрастием ты! У меня вся кожа на лице заболела.

Алиса с любопытством следила, как Белый Кролик копается в своих бумажках, ей было очень интересно, кого же еще могут вызвать свидетелем.

«Пока что у них никаких улик нет», — думала она.

Представьте же себе, как она удивилась, когда Белый Кролик во весь свой писклявый голосишко возгласил:

— Алиса!

ГЛАВА XII, в которой Алиса свидетельствует

— Я! — крикнула Алиса и вскочила с места. Второпях она совершенно забыла, как сильно за последнее время выросла, и, вскакивая, зацепила краем юбки скамью присяжных. Скамейка опрокинулась, и все присяжные полетели вверх тормашками на головы публики. Они беспомощно бились на полу, и Алиса вдруг живо вспомнила, как бились на полу золотые рыбки из аквариума, который она нечаянно опрокинула несколько дней назад.

— Ох, простите, пожалуйста! — с искренним огорчением крикнула она, поспешно усаживая присяжных на места. Алиса безумно торопилась, так как случай с золотыми рыбками не шел у нее из головы и ей почему-то казалось, что если присяжных не посадить на место как можно скорее, то они, как и рыбки, тоже могут погибнуть.

— Судоговорение не может продолжаться, — сказал Король строго, — пока все присяжные не будут как подобает водворены на место. Все! — повторил он и сурово поглядел на Алису.

Алиса оглянулась на скамью присяжных и обнаружила, что впопыхах она так и сунула Тритона Билля на скамью вверх тормашками, и бедняга, не в силах перевернуться, только меланхолически помахивал хвостиком. Она поскорее схватила его и посадила как следует, хотя и подумала про себя:

«Какое это имеет значение? По-моему, что так, что так — пользы тут от него столько же!»

И действительно, когда все присяжные пришли в себя и, получив обратно свои письменные принадлежности, принялись деловито писать отчет о недавнем происшествии, бедняга Билль продолжал сидеть без движения, разинув рот и глядя в потолок.

— Что вам известно, свидетельница, по данному делу? — обратился Король к Алисе.

— Ничего, — сказала Алиса.

— И ничего больше? — спросил Король.

— И ничего больше, — ответила Алиса.

— Это чрезвычайно важно! — сказал Король, глядя на присяжных. Они было уже принялись записывать эти слова на своих досках, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше Величество желали, несомненно, сказать НЕважно, — произнес он весьма почтительно, хотя грозно нахмурился и сделал Королю страшную гримасу.

— Да, да, я хотел сказать НЕважно, — торопливо поправился Король. — НЕважно. Важно, неважно, важно, неважно, — забормотал он вполголоса, словно проверяя, какое слово лучше звучит.

В результате одни присяжные записали «Важно», другие «НЕважно» — Алиса прекрасно это видела. «А в общем, тут все неважно!» — подумала она.

В эту минуту Король, который что-то поспешно писал в своей памятной книге, крикнул:

— Тишина! «Закон номер Сорок Два, — громко прочел он. — Всем лицам ростом больше версты надлежит покинуть зал суда».

И все присутствующие уставились на Алису.

— Я меньше версты! — сказала Алиса.

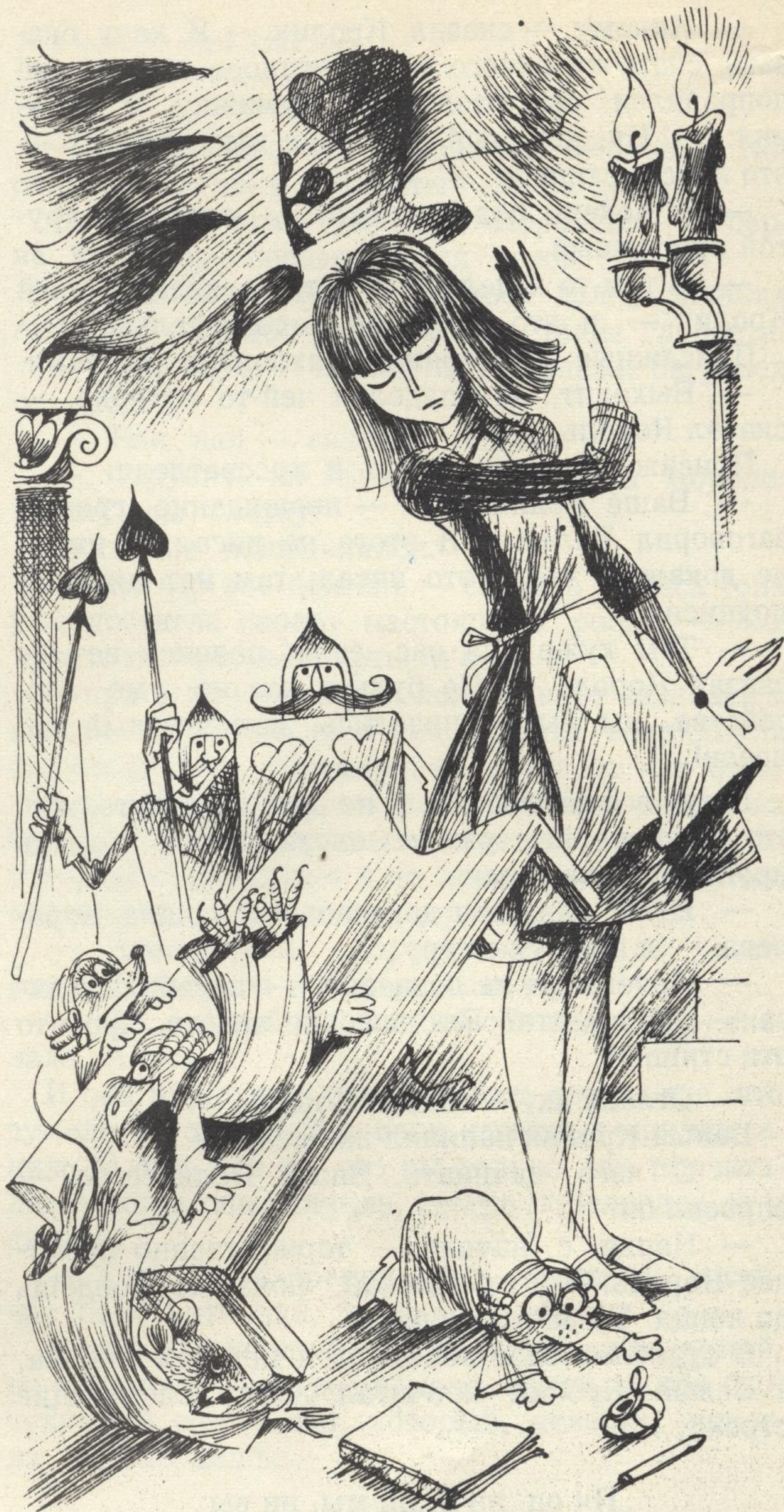
— Нет, больше! — сказал Король.

— Не меньше двух верст! — вставила Королева.

— Все равно не уйду! — сказала Алиса. — И вообще это не настоящий закон! Вы его сейчас выдумали!

— Это самый старый закон в книге! — сказал Король.

Скамейка опрокинулась, и все присяжные полетели вверх тормашками.

— Тогда он должен быть Номер Первый! — сказала Алиса.

Король побледнел и торопливо захлопнул книгу.

— Удаляйтесь на совещание! — еле-еле смог он выговорить, с испугом глядя на присяжных.

— Ваше Величество! — крикнул Белый Кролик, поспешно вскочив с места. — Обнаружены новые доказательства! Только что найдена вот эта бумага.

— И что в ней есть? — спросила Королева.

— Я ее еще не разворачивал, — сказал Белый Кролик, — но есть... есть предположение, что это... что это... письмо от обвиняемого к... к... к кому-то!

— Раз письмо, значит, к кому-то, — сказал Король, — писать никому пока не в обычае!

— А кому оно адресовано? — заинтересовался кто-то из присяжных.

— Никому,— сказал Кролик.— Я хочу сказать, снаружи ничего не написано,— торопливо поправился он, развернул бумажку и добавил: — Ну, конечно! Это даже и не письмо — это просто стишки!

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— В том-то и дело, что нет,— сказал Белый Кролик,— и это особенно подозрительно!

Присяжные растерянно захлопали глазами.

— Выходит, он подделал чей-то почерк? — сказал Король.

Присяжные успокоились и просветлели.

— Ваше Величество! — неожиданно громко заговорил Валет.— Я этого не писал, и никто не докажет, что я это писал: там нет никакой подписи.

— Тем хуже для вас, если подписи нет,— сказал Король.— Не будь у вас на уме злодейства, вы бы подписались, как честный человек!

И тут все захлопали, и не зря: действительно, это были первые умные слова, какие Король произнес за весь день.

— Итак, вина его доказана,— начала Королева,— и пора уже отру...

— Ничего тут не доказано! — перебила Алиса.— Да вы что? Вы даже не знаете, про что эти стишки!

— Огласи их,— сказал Король.

Белый Кролик напялил на нос очки.

— С чего начинать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала,— торжественно произнес Король,— и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись!

В судебном зале воцарилась мертвая тишина, и Белый Кролик прочитал вслух следующие строки:

Ни он, ни я, ни мы, ни вы
Не ведали беды,
Но он поверил ей, увы,
Что я боюсь воды!
Меня пытались не мытьем,
Так катаньем донять:
Он заявил:— Он при своем!
(Он — это я опять.)
Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!
Она ему — оно!
Хотя они — он знает сам! —
Вернулись к ней давно!
«Ты измываться им не дашь!» —
Он сам так утверждал!
И что ж? Она же входит в раж,
Подняв такой скандал!
И лучшие умы страны
Гадают до сих пор:
Они ли, мы ли, вы ль должны
Смыть кровью свой позор?
Во имя нашей чистоты
Пускай не знает свет:
НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫ—МЫ—ТЫ,
ОНИ С НЕЙ
Или нет?

— Это самое важное доказательство вины подсудимого,— сказал Король, удовлетворенно потирая руки.— Оно перевешивает все остальные улики, так что пусть присяжные удалят...

— Да это же просто чепуха! — крикнула Алиса (она к этому времени настолько выросла, что не побоялась перебить самого Короля).— Я отдам наперсток тому, кто объяснит, про что тут говорится! Тут нет ни на вот столечко смысла!

Присяжные в полном составе записали на своих досках: «Тут нет ни на вот столечко смысла»,— но никто из них не рискнул попробовать объяснить стихи.

— Ну что ж, если тут нет смысла,— сказал Король,— тогда у нас гора с плеч — нам незачем пытаться его найти! Сэкономим кучу работы!

И все же,— продолжал он, расправив бумажку у себя на коленях и мельком взглянув на нее,— мне кажется... мне кажется, что я усматриваю тут некоторый смысл, что ни говорите.

«Поверил ей, увы, что я боюсь воды!» — прочитал он и обернулся к Червонному Валету. — Обвиняемый, вы боитесь воды?

Валет печально кивнул.

— Разве по мне не видно? — сказал он.

(И действительно, это было сразу видно, — ведь он был из тонкого картона, как и все карты.)

— Тэк-с, отлично, — сказал Король. Он продолжал бормотать вполголоса строки стихотворения: — Мммм... «Пусть лучшие умы страны...» — это, конечно, присяжные. Мммм... «Она ему — оно...» — ну, это, несомненно, о Королеве... Мммм... «Меня пытались не мытьем, так катаньем донять» — это ясно без слов... Мммм... «Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!» Тут нет никаких сомнений — вот что случилось с пирожками!

— А дальше, дальше,— закричала Алиса,— там же сказано: «Они вернулись к ней давно!»

— А как же — вот они! — ликуя, крикнул Король, царственным жестом указав на блюдо с пирожками. — Это поистине **очевидно**! Мммм... Дальше: «И что ж? Она же входит в раж». Мммм... Вот это странно! Ты разве когда-нибудь входила в раж, душечка? — обратился он к Королеве!

— Никогда! — бешено крикнула Королева и запустила чернильницей в скамью присяжных.

Чернильница угодила в Билля-Тритона, и несчастный маленький Билль (он давно оставил свои бесплодные попытки писать пальцем по грифельной доске) тут снова судорожно принялся писать, макая палец в чернила, которые потекли по его лицу.

— Ты могла бы сказать еще лучше — НИ РАЖУ! — с улыбкой произнес Король и самодовольно оглядел публику.

Ответом была гробовая тишина.

— Это каламбур! — крикнул Король сердито. — Остроумная шутка!

Тут все захохотали.

Вся колода карт взвилась и полетела Алисе в лицо.

— Удаляйтесь на совещание! — сказал Король, вероятно, в двадцатый раз за день.

— Нечего там! — сказала Королева. — Сперва приговор, посовещаются потом!

— Как не стыдно! — во весь голос заявила Алиса. — Стыдно даже болтать такие глупости!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея от ярости.

— Как же! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — завопила Королева во всю глотку.

Никто не пошевелился.

— Да кто вас боится! — сказала Алиса (она уже достигла своего настоящего роста). — Вы просто несчастные карты, и все!

И при этих словах вся колода карт взвилась в воздух и полетела ей в лицо. Алиса вскрикнула полуиспуганно, полусердито, стала от них отбиваться... И вдруг оказалось, что она лежит на берегу, положив голову сестре на колени, а та осторожно смахивает с ее личика сухие листья, слетевшие с соседнего дерева.

— Просыпайся, дорогая, — сказала сестра. — Что-то ты очень разоспалась!

— Ой, а какой я забавный сон видела! — сказала Алиса.

И она принялась рассказывать сестре все, что сумела запомнить про свои странные приключения, то есть все то, что вы только что прочитали. А когда она кончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Сон был и правда очень занятный, а сейчас беги пить чай, а то опоздаешь.

Алиса послушно вскочила и побежала домой, но и по дороге она все думала, какой же это был чудесный сон — сон, который, наверно, никогда не забудешь...

КОНЕЦ

Проверили Эйнштейна

Недавно физики поставили такой необычный опыт. Сели в реактивный самолет и взяли с собой сверхточные атомные часы. Другие атомные часы остались на Земле. Показания часов сверили. Самолет поднялся в воздух и на максимальной скорости полетел вокруг планеты.

Опыт еще не закончен: показания обоих часов еще тщательно сравнивают. Но главное уже ясно: летающие часы отстали от тех, что были на Земле, на одну тридцатимиллионную долю секунды.

Почему это важно? А вот почему.

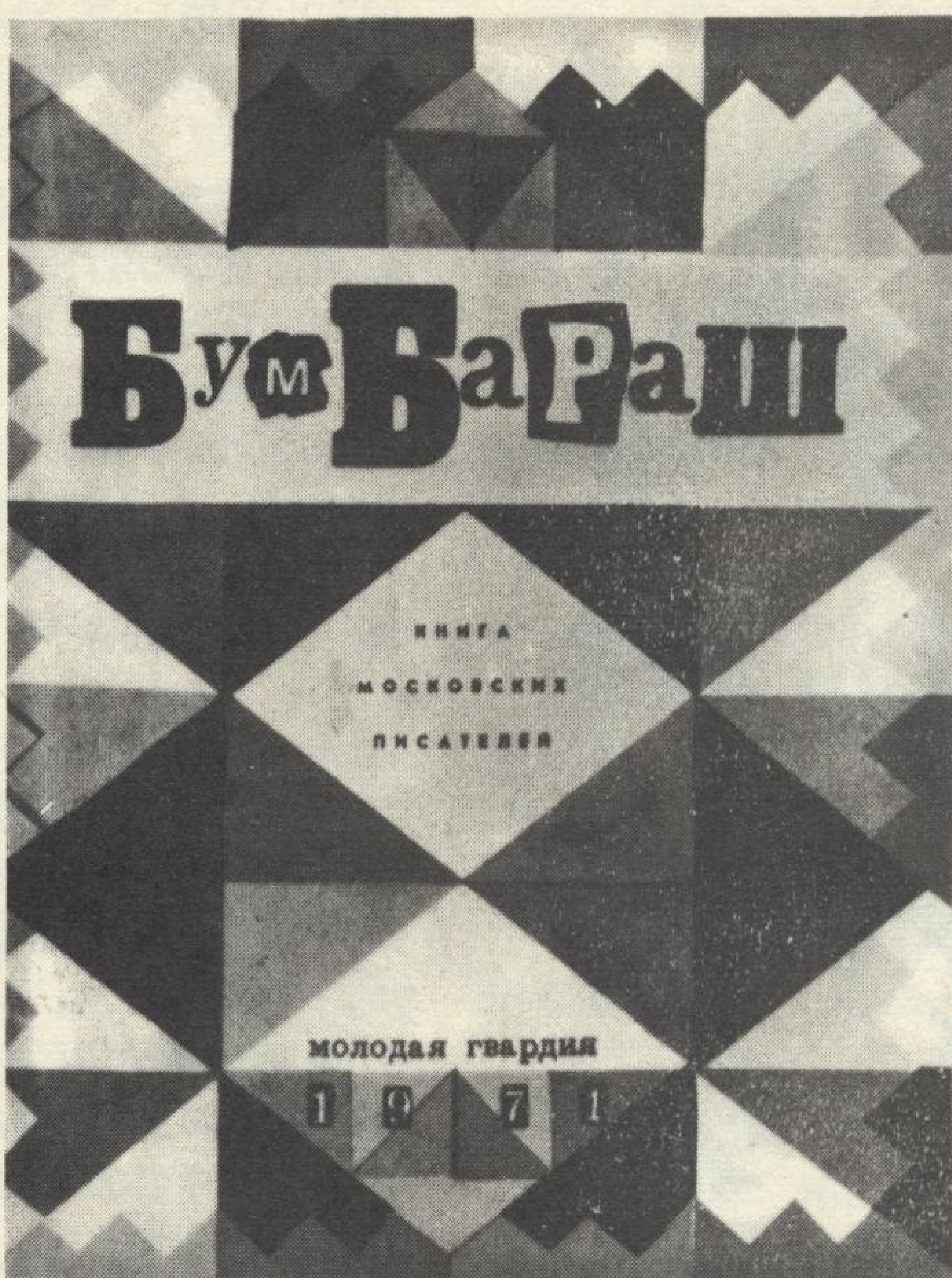
Великий физик Альберт Эйнштейн в своей теории относительности доказал, что часы, которые движутся с огромной скоростью в пространстве, идут медленнее тех, что остались в покое. Это удивительное явление назвали «парадоксом с часами», и фантасты не раз использовали его в своих произведениях. И ты, наверно, читал, как космонавты, вернувшись через десятилетия из межзвездных полетов на Землю, узнавали, что на планете прошли века...

До сих пор предположение Эйнштейна было проверено лишь математическими расчетами. Теперь, как видишь, удалось это сделать на практике. Правда, разница, полученная в этом опыте, ничтожно мала... Но и скорость самолета куда меньше, чем у звездного корабля!

«Парадокс с часами» подтвердился!

На праздник пришел «БУМБАРАШ»

Неделю детской книги впервые праздновали в послевоенном марте, и в этом есть свой смысл. Те молодые люди, которые стали в войну солдатами, отстояли Родину, разгромили фашизм, освободили не только свою землю, но и землю народов-братьев,— перед войной они еще были детьми. И книжки Гайдара и других детских писателей учили их быть честными, смелыми, самоотверженными, и, значит, детская литература тоже хорошо поработала на победу.

С тех пор «Книжкина неделя» празднуется из года в год. И когда наступила двадцать пятая, один из старейших детских писателей, Лев Абрамович Кассиль, предложил отметить юбилей по-особому.

Обычно в «Книжкину неделю» каждый день в школах, в клубах, в домах культуры с утра до вечера писатели встречаются с читателями. Рассказывают о своей жизни, о работе, о замыслах. Отвечают на вопросы, которые иногда бывают довольно каверзными, и читают ребятам

Мы любим веселые книжки

Как-то побывал я в городе Куйбышеве, там с ребятами у нас зашел разговор о веселых книжках. Но прежде я отправился в детские библиотеки города. Зашел в одну, вторую, третью...

— У вас есть что-нибудь смешное?..

И в каждой библиотеке на меня смотрели так, словно я просил с неба луну вместе с луноходом.

— К сожалению, все смешные книжки на руках,— разводили руками библиотекари.

Но почему «к сожалению», это же скорее к счастью, что веселые книжки всегда на руках, что с ними ни на один день не расстается читатель! Разговор о смешных книжках получился шумным и, конечно, веселым. Старшеклассники, которые записывали нашу беседу, то и дело отмечали в скобках: «зал смеется... улыбается... хохочет... стонет... умирает со смеху».

Я спросил ребят:

— Любите вы веселые книжки?

— Очень любим,— закричали все сразу. Потом ребята говорили много о веселых книжках. Вот некоторые из их высказываний.

Дима Кудрявцев. Юмор обязательно нужен человеку. Без него стало бы скучно на земле. Мне нравятся люди, никогда не унывающие. Я хочу быть таким же...

Таня Григорова. По-моему, смешные книги не пишутся для какой-то цели: они просто веселят людей, и людям это приятно.

Лена Кулагина. Не согласна! Юмор полезен для души. Если бы я была врачом, я бы прописывала его для здоровья: час смеха над хорошей книгой заменяет стакан сметаны!..

Нонна Ельская. Я убедилась, что смех может исправить человека, сделать его лучше, добрее...

Оля Гулина. Я глотала смешинки, читая книгу **Г. САДОВНИКОВА «Продавец приключений»,** но я не только смеялась — в этой книге есть над чем и призадуматься...

Витя Демидкин. В смешных выражениях часто заключаются дельные советы...

Лена Лебедева. Я очень смеялась над тем, как Волька из книги **Л. ЛАГИНА «Старик Хоттабыч»** сдавал экзамен по географии. Вот уж действительно подсказка до добра не доведет. Лучше своя «двойка», чем чужая «пятерка». С тех пор я не надеюсь на подсказки. Мне эта книга очень помогла...

Однако из двухсот собравшихся ребят нашлось несколько таких, которым, как они говорили, смешная книга не нужна, но при каждой шутке, звучавшей во время беседы, эти ребята хохотали чуть ли не громче всех!

только что написанные и еще не опубликованные стихи, рассказы, отрывки из пьес или повестей. Но так как школ и клубов в нашей стране очень много, а ребят-читателей — десятки миллионов, то писателям удается встретиться не со всеми. Те, с кем удается встретиться, видят и слышат, ну, двух писателей, ну, трех. А детских-то писателей много, и ребятам хочется побольше узнать о людях, которые пишут для них.

И вот Лев Кассиль предложил выпустить книгу, которая была бы встречей сразу с шестьюдесятью писателями. Чтобы в ней писатели рассказали, почему они пишут именно для детей, поделились своими планами и познакомили ребят с самыми новыми стихами, рассказами, повестями, быть может, даже с такими, которые они еще не успели закончить.

Лев Кассиль составил такую книгу. Отредактировал ее и дал ей веселое, звонкое имя — *«БУМБАРАШ»*. Так звали веселого и храброго солдата — героя самой последней повести Аркадия Гайдара, которую он не успел закончить, потому что началась война. А Гайдар считал, что, если началась война, значит, его место на фронте. Он пошел на войну и погиб.

Но раз имя героя его последней повести стало названием сборника, Гайдар тоже как бы участник этой встречи.

И Лев Кассиль председательствует на встрече в *«БУМБАРАШЕ»*, как он не раз председательствовал на встречах писателей с ребятами, хотя эта книга увидела свет, когда Льва Абрамовича уже не стало...

Выпустило этот сборник-встречу издательство «Молодая гвардия». Перечислять всех шестьдесят авторов книги сейчас не нужно: пришлось бы перепечатать здесь две большие страницы, которые занимает ее оглавление. Многих участников *«БУМБАРАША»* вы знаете хорошо — самого Льва Кассиля, Сергея Михалкова, Сергея Алексеева и Агнию Барто, Анатолия Алексина и Виктора Драгунского, Анатолия Маркушу и Николая Носова. Некоторые имена вы увидите, быть может, впервые, но рассказы и стихи еще незнакомых писателей, по-моему, вам понравятся, и вы захотите завести дружбу с их книжками.

Борис ВОЛОДИН

Сережа К. Я лично мог бы обойтись без смешных книг: мне они не нравятся, потому что герои этих книг смеются все время над кем-нибудь, да еще сами попадают в беду.

Аркадий К. У меня нет любимой смешной книжки. Потому что эти книги не «захватывающие»... Я люблю про шпионов...

Лена Г. Я не люблю смешные книжки, потому что в них всякие фантазии и смешки, я люблю только правдивые и серьезные книги...

Сережа Хвалев. Фантазия фантазии рознь. Выдумки Мюнхгаузена, к примеру, всегда были смешными, и, как говорится, он умел врать! В народе всегда любят веселую выдумку...

Володя Абанин. Мне нравится дед Щукарь из **«Поднятой целины» М. ШОЛОХОВА.** Здорово умел врать и никому не во вред. И Василий Теркин любил приврать, это про него у Твардовского говорится:

«Хорошо, когда кто врет
Весело и складно».

А вот у нас в классе мальчик был один, как ни опоздает — все один ответ: «Зуб болел...» Никакой фантазии у человека, никакого чувства юмора!..

Саша Елуфеев. Я не за вранье, а за смешную фантазию, за веселую шутку. От такой выдумки всем хорошо. Когда я вижу что-нибудь веселое, я всегда смеюсь...

Таня Соколова. В повести **С. МАЛЬЦЕВА «Тайна Голубой пещеры»** много смешного, но иногда бывает и несмешно, а даже наоборот: над учеником, который не понял на уроке объяснений, почему-то все смеются, а ведь нужно помочь...

Люба Демчук. Моя любимая книжка **«Чудак из шестого «Б» В. ЖЕЛЕЗНИКОВА.** В ней есть смешные и грустные места. Я смеялась над тем, как Боря не знал, что делать, когда шел к октябрятам. Я смеялась над этим потому, что сама ходила и хожу к октябрятам и знаю, как себя с ними вести. А когда Боре за провинность запретили ходить к октябрятам, я представила себя на его месте, мне стало так печально, что я чуть не заплакала... Мне, как и Боре, не хотелось бы расставаться с малышами. Но, когда я узнала, что он продолжал ходить к октябрятам, мне стало весело, и в меня как бы влилась храбрость. Я бы на его месте поступила так же... Нет, я не представляю себе жизни без хорошей, веселой книги.

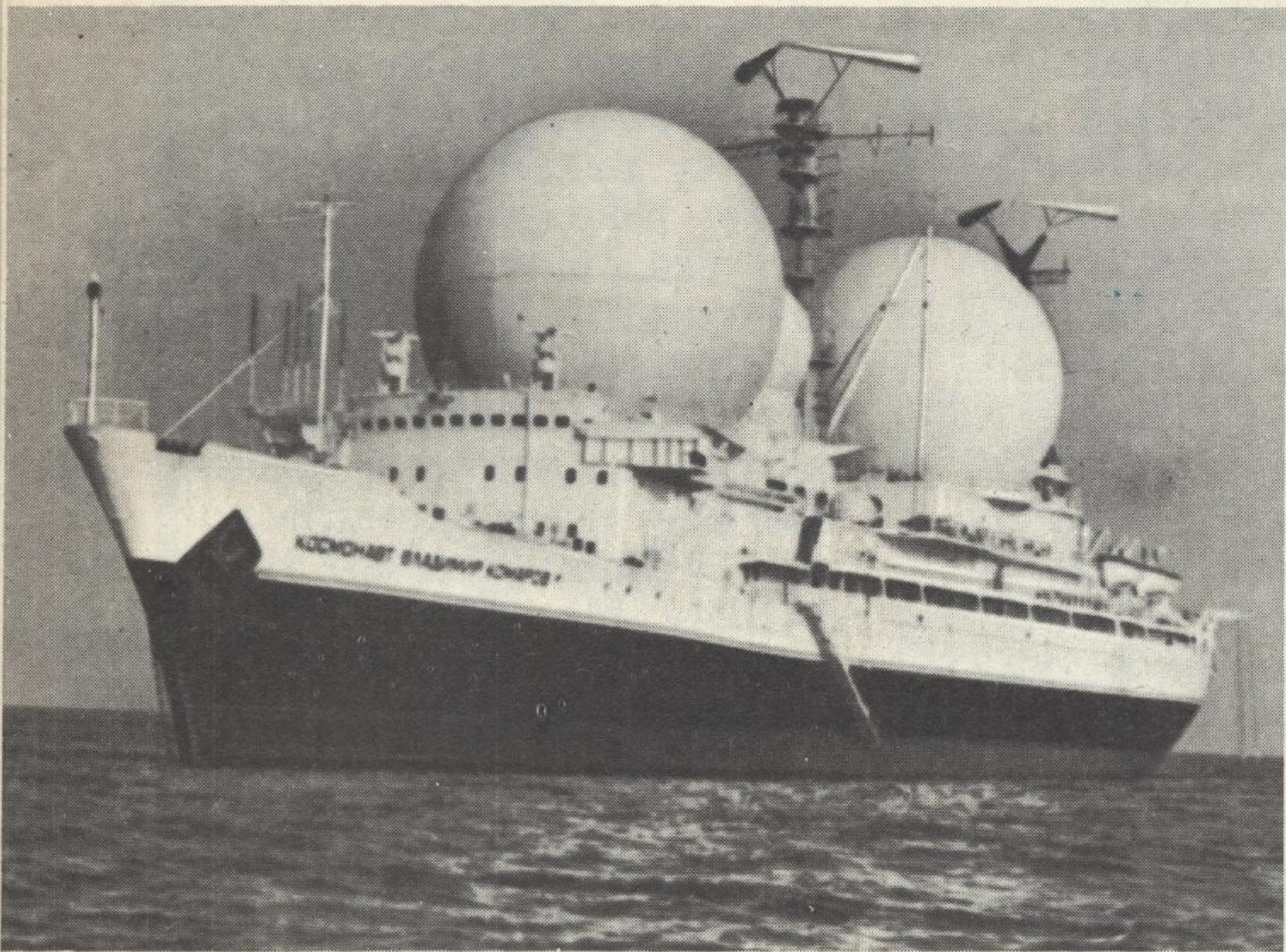
Больше других куйбышевским ребятам нравятся книги писателей **Н. НОСОВА,** с героями которого они давно дружат, и **В. ДРАГУНСКОГО** с его неизменным и веселым Дениской...

Ребята назвали еще много книг, причем каждый убеждал, что именно его любимая книга самая смешная.

Веселая книга! Хорошо сказала о ней Лена Шумихина:

— Когда я читаю и смеюсь, мне становится весело и радостно, и хочется сделать что-нибудь хорошее!

Н. СЕМЕНОВ

«РАДИОУШИ» в океане

«Космонавт Владимир Комаров» — так называется корабль, подобного которому не видели еще моря и океаны нашей планеты. Да и не могло быть до сих пор морского судна, которое работало бы... в космосе.

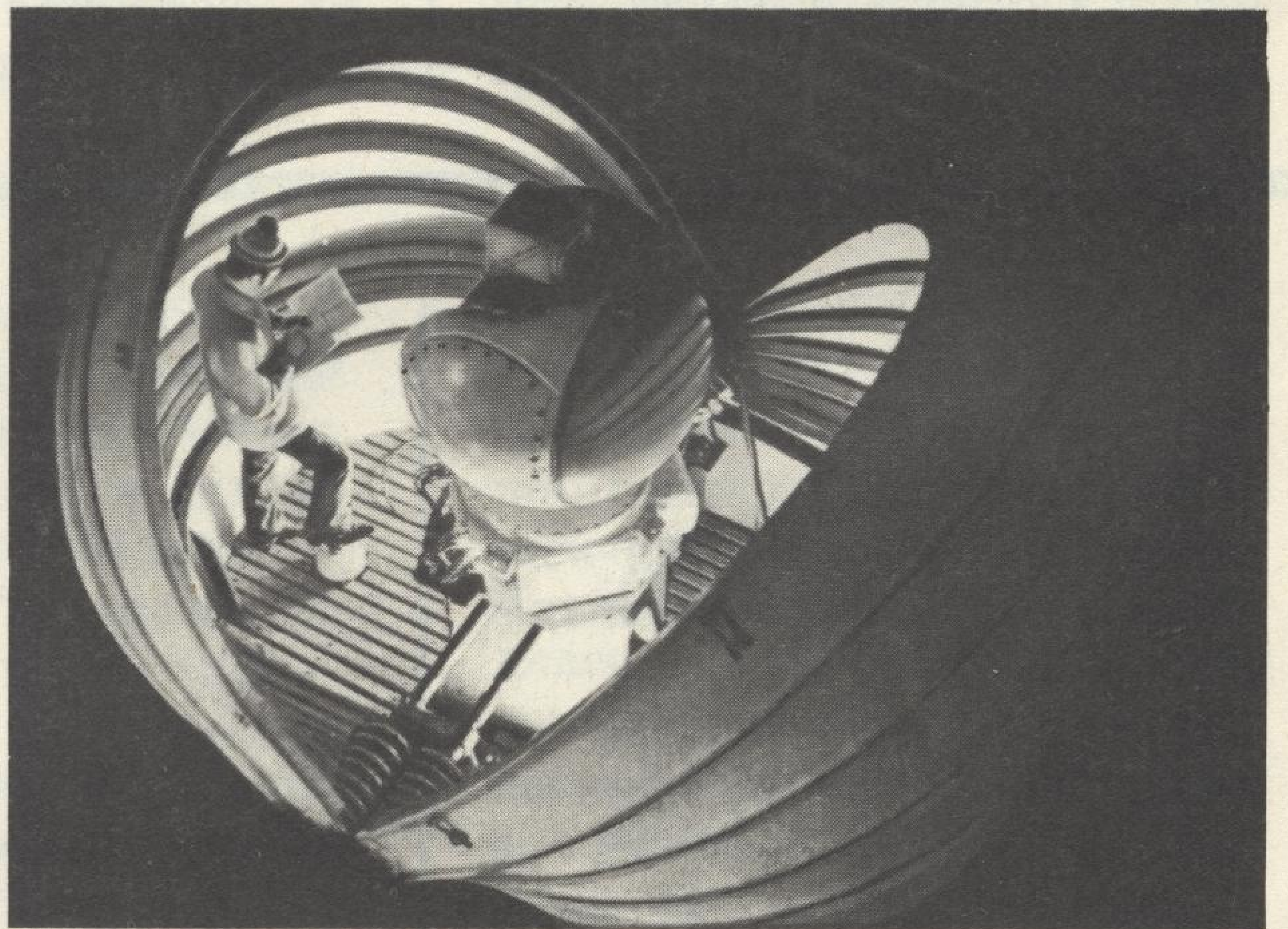
Пять лет назад корабль сошел со стапелей Балтийского судостроительного завода. И сразу же отправился на радиовахту. Он разговаривал с экипажем космических кораблей «Союз», отдавал приказания нашим лунникам, вел переговоры с «Зондом-5»...

Мне довелось побывать на борту этого корабля и разговаривать с его капитаном Борисом Николаевичем Борисовым.

— Наше судно, — рассказывал Борис Николаевич, — настоящая плавучая радиостанция. Мы принимаем сигналы космических кораблей, когда они не слышны на территории СССР, и передаем их в Центр управления полетами.

Слушая капитана, я подумал, что вообще-то радиостанциями в море никого не удивишь. Сейчас ни один корабль, даже самый маленький, не выйдет в плавание без рации. Но на «Комарове» не одна, не две, а десятки и сотни сложнейших радиоустановок.

Не просто было разместить их на корабле так, чтобы они не мешали друг другу и не ощущали качки. Помогла электронно-вычислительная машина: она мгновенно решает, как при наклоне судна изменить положение платформы, чтобы сама антенна оставалась неподвижной.

Корабль качает, а «радиоуши» этого не чувствуют. И чтобы защитить гигантскую антенну от ветра и соленых брызг, укрыли ее огромным пластмассовым шаром, прозрачным для радиоволн.

«Владимир Комаров» не одинок. Таких кораблей — исследователей космоса, атмосферы и океана — сейчас много. Все они входят в состав морского научного флота СССР и продолжают работу наземных станций. Отправился в плавание и флагман научного флота — корабль «Юрий Гагарин».

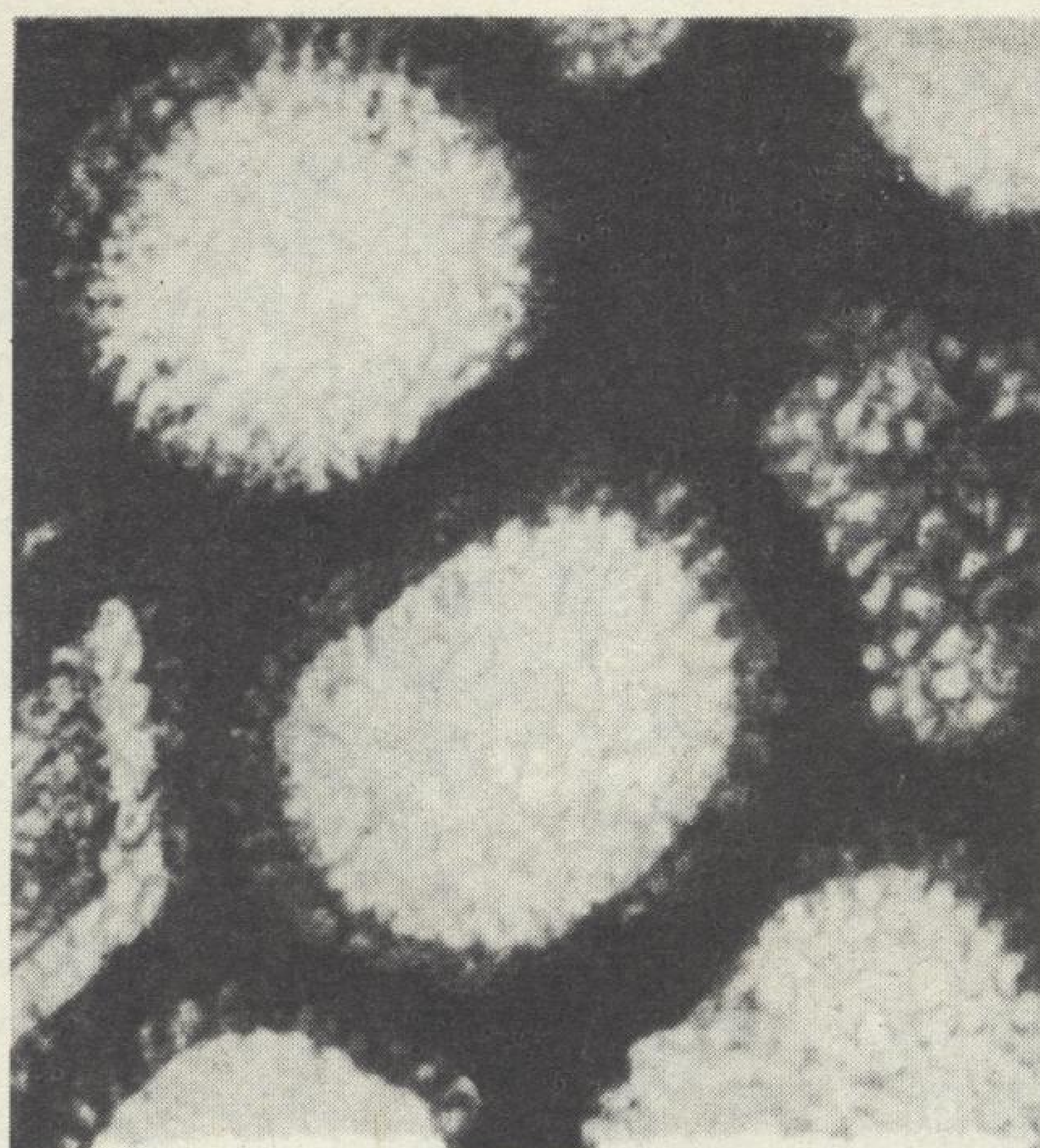
А. ХАРЬКОВСКИЙ

ОПАСНО — ВИРУСЫ!

Художник изобразил вирусы в виде чудищ. А вот как они выглядят под микроскопом... И все-таки это чудовища.

СТО МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК ЧИХАЮТ

Враг наступал с востока. Каждый день приходили вести о его приближении. Враг мчался в поездах, плыл на пароходах, несся на самолетах. Словно в семимильных сапогах, громадными прыжками он перелетал из города в город. Ничто не могло его остановить, потому что враг был невидим.

Двух недель не прошло, как и в нашем городе таинственный летучий недуг поразил всех или почти всех жителей. Казалось, люди передают его друг другу, как ведра на пожаре, — из рук в руки. Сегодня болел сосед на лестничной клетке — завтра болела вся квартира. Послезавтра болел весь дом. Одно было утешительно: болезнь длилась недолго. Примерно в конце ноября невидимый враг покинул город. Он оставил его, чтобы двинуться дальше.

Погода способствовала эпидемии. Густой снег валил над всей европейской частью страны, было сыро и не очень холодно. Десятого декабря враг подошел к Смоленску. Назавтра он оказался в Минске. Ему понадобилось всего несколько часов, чтобы перемахнуть через государственную границу, а в январе уже сморкались, кашляли, мерили себе температуру десятки тысяч немцев, французов и англичан.

Враг победоносно прошествовал по Европе и в феврале переправился через океан. Диктор американского телевидения назвал число заболевших в Нью-Йорке — оно было огромно! — и от огорчения на глазах у всех сам оглушительно чихнул.

Но уже приближалась весна. Эпидемия еще кружилась некоторое время в Южной Америке. К концу апреля она оставила материк и, обойдя кругом земной шар, угасла где-то на островах Океании.

ОПАСНОСТЬ В ВОЗДУХЕ

То, о чем я сейчас рассказал, произошло недавно. В этой истории ничего не выдумано. Вы, конечно, догадались, о какой болезни шла речь. Это был грипп.

С гриппом наверняка знаком каждый. Между прочим, это слово происходит от французского глагола «агриппэ», что значит цепляться, и действительно грипп невероятно прилипчив. На земле найдется немного людей, которые не хворали бы им хоть раз в жизни.

Почему? И как это так получается, что болезнь, начавшись в одном месте, завтра оказывается в другом, катится дальше, и никто не может ее остановить?

А вот как. Человек, болеющий гриппом, сморкается, кашляет, чихает. И, сам того не замечая, сеет болезнь вокруг себя. В брызгах слюны содержится заразное начало гриппа. Оно вокруг нас — в воздухе, которым мы дышим.

Ведь человек в городе не живет в одиночестве. Он идет в толпе, едет в переполненном автобусе. Ежечасно, ежеминутно он встречается с другими людьми. Вот почему один больной легко может заразить вокруг себя десятки и даже сотни здоровых. От сотен заражаются тысячи. Эпидемия растет, как снежный ком.

Вот почему врачи рекомендуют надевать во время эпидемии марлевые маски. Вот почему они твердят больным: не ходите в поликлинику, сидите дома. Вызывайте врача на дом.

Счастье еще, что недуг кончается благополучно: рано или поздно больные выздоравливают. А ведь есть или, вернее, были на земле другие эпидемические болезни, которые возникали так же легко, распространялись так же быстро, как грипп, а заканчивались... заканчивались тем, что в целом городе оставалось в живых каких-нибудь пять или десять человек. Все остальные умирали. Целые области превращались в пустыни.

«ТОЛЬКО ВЫЙДОША ИЗ ГОРОДА ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК...»

Шестьсот двадцать пять лет назад татарское войско осаждало генуэзскую крепость на побе-

Эта странная птица — средневековый врач в противочумном костюме.

режье Крыма. Татарам не удалось взять крепость штурмом, и тогда они применили неслыханное оружие: ночью тайком подкатили к стенам крепости метательные машины и забросили в город несколько человеческих трупов. Это были трупы больных, умерших от чумы.

Генуэзцы знали, что такое чума. В городе началась паника. Все бросились к кораблям. Крепость пала. Но дальше произошло то, чего никто в то время не мог предвидеть. Вместе с людьми на кораблях ехали крысы. И когда генуэзский флот пристал к берегам Италии, крысы занесли заразу в портовые города.

Весной 1347 года эпидемия моровой болезни вспыхнула в Южной Италии. Через год она распространилась по всей Европе. Через три года обрушилась на Русь.

«Бысть мор зол, — записал монах-летописец. — Хракаху людие кровью... Мроша старые и младые и дети».

В этой коротенькой записи отмечены главные черты болезни: кашель с кровохарканьем и почти повальная смертность.

Чума охватила Псков, Новгород.

Оттуда она двинулась на юг. В Москве погибла половина населения, остальные разбежались кто куда, и по мертвым, безлюдным улицам, в блеске пожаров рыскали полчища крыс. В Глухове не осталось в живых ни одного жителя. В Смоленске уцелело несколько человек. Они ушли, заперев за собой городские ворота. Об этом в летописи говорится так:

«Только выйдоша из города пять человек, и город затвориша».

Такова была знаменитая эпидемия чумы XIV века. Сейчас, через шесть с лишним столетий, мы не знаем всех подробностей этого грандиозного бедствия. О нем дошли до нас лишь скудные, отрывочные известия.

ЗАГАДКА НАСМОРКА

Тут мне, наверное, зададут вопрос: как же так? Давно уже не бывает опустошительных эпидемий, медицина сумела преодолеть смертоносные моровые болезни. А какой-то жалкий грипп гуляет как ему вздумается.

Победили чуму, а не могут справиться с насморком!

Ну, во-первых, грипп не так уж безобиден, каким он кажется. Совсем недавно, в 1918 году, эпидемия «испанки» — гриппозного воспаления легких — погубила двадцать миллионов человек. А во-вторых, чтобы разобраться во всем этом деле, надо знать, откуда вообще берутся заразные заболевания.

В самом деле, откуда?

В средние века на этот вопрос существовал готовый ответ: чума — бич божий. Она послана людям в наказание за грехи. И ничего тут не поделаешь.

Лишь много лет спустя ученые доказали, что и чума, и холера, и многие другие эпидемические болезни имеют вполне определенную причину. Эту причину можно увидеть. С ней можно бороться.

Микробы — вот что это за причина.

В истории медицины есть великая эпоха — вторая половина прошлого века. Именно тогда Пастéр изобрел вакцину против сибирской язвы, Кох открыл возбудителей холеры и туберкулеза, были обнаружены бациллы брюшного тифа, менингита, дифтерии.

Отыскали и виновника чумы: им оказалась чумная палочка, невзрачный микроб, едва различимый под микроскопом.

Дошла очередь до гриппа. И тут неожиданно обнаружилась странная и непонятная вещь.

На первый взгляд кажется, что грипп ничем не отличается от других инфекционных болезней. (Слово «инфекция» по-русски значит зараза.) Как все они, грипп легко передается от человека к человеку. Даже еще легче, чем другие болезни: ведь грипп распространяется, как говорят ученые, воздушно-капельным путем. Это мы уже знаем.

Ясно, что он должен иметь и своего возбудителя. Какую-нибудь там гриппозную палочку или что-то в этом роде. Где же ее искать? Ясно, где. В мазках из зева, в комочках слизи, в тех самых брызгах и капельках слюны, которые вылетают изо рта у больного гриппом и заражают соседей.

Но в том-то и дело, что такого возбудителя не нашлось. Сколько ни старались микробиологи, с какой дотошностью они ни разглядывали заразный материал под линзами самых мощных микроскопов, отыскивая микробы гриппа, — ничего не нашли. Возбудителя не было. И неизвестно было, с кем бороться. Грипп оказался «инфекцией без инфекции». Вопрос, где причина, буквально повис в воздухе.

БОЛЕЗНЬ ТАБАЧНОГО ЛИСТА

Ответ пришел неожиданно.

Лет восемьдесят назад в России жил ученый по имени Дмитрий Ивановский. Он был ботаник, изучал жизнь растений. К медицине не имел никакого отношения.

Но и у растений бывают свои недуги. Ивановский заинтересовался мозаичной болезнью. Есть такая болезнь табака: ни с того ни с сего на его листьях появляются желто-бурые пятна. Листья сохнут, растение вянет. А болезнь движется дальше, с больных кустов она переки-

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

«Чума послана нам в наказание за грехи наши. Это бич божий»,— так думали люди в средние века.

дывается на здоровые, и мало-помалу погибает вся плантация.

Ивановский поставил такой опыт: опрыскал свежий куст табака соком больного растения. Вскоре на здоровых листьях выступили зловещие пятна. Значит, болезнь скрывалась в соке.

И ученый решил, что причина мозаичной болезни — микробы.

Он поставил другой опыт. Сок больных листьев был процежен через фарфоровый фильтр. В этом фильтре дырочки такие мелкие, что все микробы в них застревают. Исследователь ожидал, что сок, очищенный от микробов, станет безвредным. Но оказалось, что отфильтрованный сок все равно заражает листья.

Он тщательно исследовал сок под микроскопом. Сок был абсолютно прозрачен.

Значит, так: болезнь табака вызывается каким-то возбудителем. Возбудитель живет в соке и, размножаясь, заражает другие растения. Он должен быть, но его почему-то нет.

Вот задача, которую задал ученому пятнистый табачный лист. И ответ на нее мог быть только один: да, возбудитель мозаичной болезни существует, но он необычайно мал. Настолько мал, что проходит через самое мелкое сито и не виден под микроскопом.

Когда ученые всего мира узнали об этих опытах, они поняли, что здесь перед ними та же загадка, с которой они столкнулись, когда искали возбудителей гриппа. Еще не видя таинственного виновника болезни, они дали ему название фильтрующийся вирус.

НЕ ТОЛЬКО МИКРОБЫ

О том, что на свете существуют микробы, было известно давно: еще в 1673 году изобретатель микроскопа Антоний ван Левенгук увидал их в капле дождевой воды. О существовании вирусов человечество узнало в XX веке.

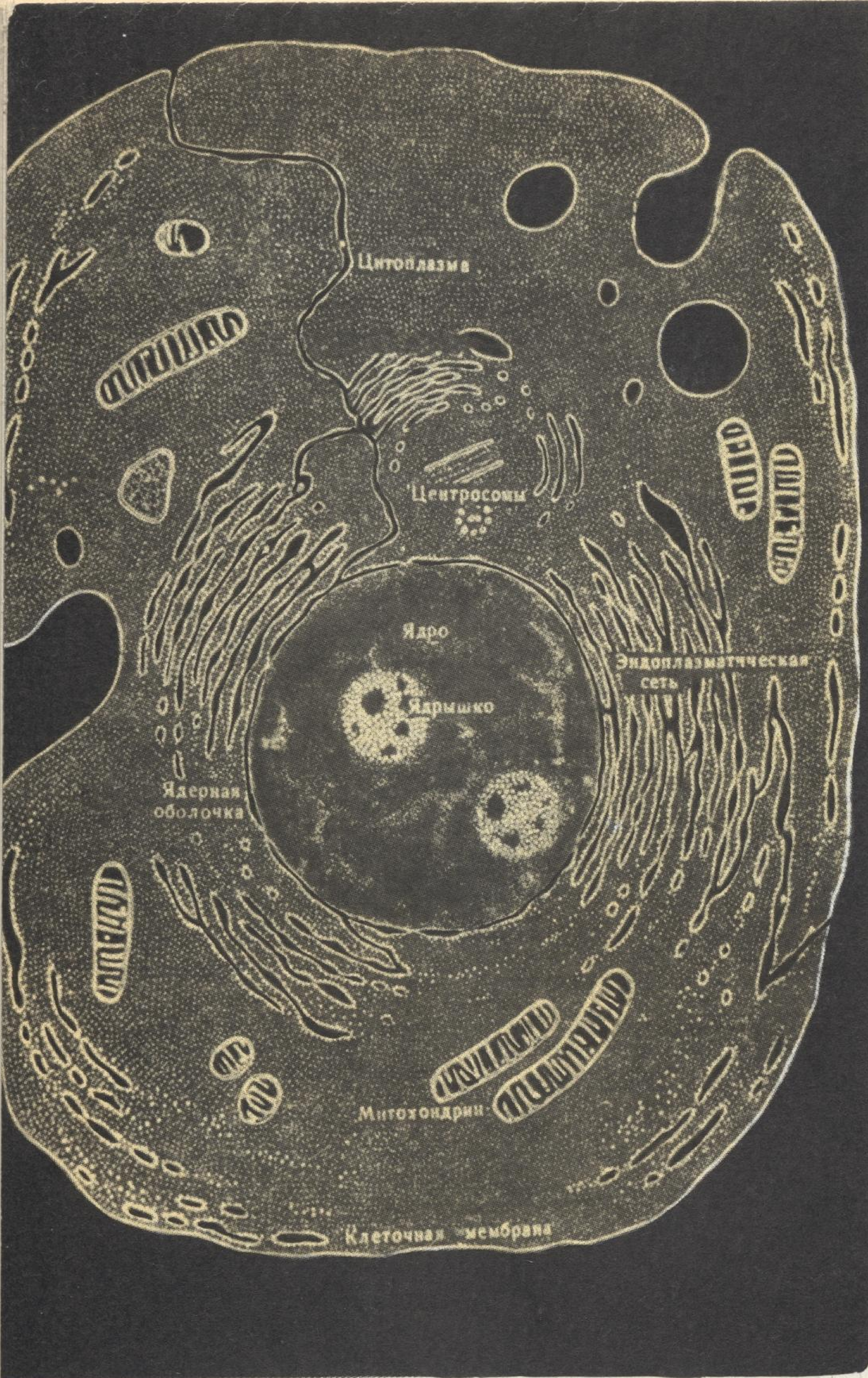
Оказалось, что мир невидимых микроскопических существ, окружающий нас, не един: в сущности, это два разных мира. Один — это мир бактерий, простейших одноклеточных организмов и микроскопических грибков. Это мир микробов. Другой мир совсем особенный, мир наимельчайших паразитов, таких ничтожных, что их можно было бы назвать микробами микробов.

Однако вирусы — это не просто очень маленькие микробы. Это такая загадка природы, которую современная наука еще только разгадывает. Об обычных микробах можно сказать, что это в полном смысле слова живые существа: ведь они питаются, дышат, размножаются, как все живое. Вирусы же — это что-то другое. Что-то среднее между живым и неживым.

Свое странное существование вирусы ведут в клетках других организмов. Они могут жить внутри микробов. Могут существовать и в клетках самого высокоразвитого существа на земле — человека. Тогда они вызывают болезнь.

Как и микробы, вирусы способны размножаться. Это говорит о том, что они все-таки живые тельца, а не комки мертвого вещества. Но размножение у них какое-то странное. Попав в клетку, вирус исчезает. Он растворяется в ней. Но проходит немного времени, и клетка сама начинает вырабатывать новые вирусы. Их становится так много, что клетка лопается. Вирусы выходят наружу, нападают на новую клетку и вновь исчезают и возрождаются в ней.

Мир вирусов огромен, вирусы вызывают оспу, свинку, ветрянку, корь, детский паралич и множество других болезней. К вирусным заболеваниям относится и наш старый знакомец — грипп.

Живая клетка. Чтобы увеличить ее до таких размеров — в несколько сот тысяч раз! — понадобились мощные микроскопы. Но даже на этой схеме вирус гриппа окажется не больше булавочного укола.

О ТОМ, КАК ГРИПП ПОСАДИЛИ В ПРОБИРКУ

Чтобы написать эту статью, я отправился в вирусологическую лабораторию. Хотелось все-таки поглядеть своими глазами, что это за штука — вирусы.

Я сидел и листал толстые книги, как вдруг стеклянная дверь отворилась, и вошел человек. Самый обыкновенный, без халата. В руках он комкал носовой платок, его шея была обмотана шарфом. Человек этот был болен.

Усевшись рядом с лампой, он разинул рот. Девушка в марлевой полумаске, в снежно-белом медицинском халате, с серебряным зеркалом на лбу осторожно сняла ватным тампоном капельку слизи у него из горла. Я догадался, зачем она это делает. Ей нужен был заразный материал. Из него будет выделен возбудитель болезни.

Тотчас, не мешкая, тампон окунули в пробирку с прозрачной жидкостью. Заткнули ее ватой. Теперь возбудитель был пойман, он жил там, в пробирке.

И вот он отправился в путешествие по колбам и чашкам с питательными растворами. Его растили и холили. Согревали его в особом шкафу. Потом заразили им куриный зародыш. Зародыш разрезали на кусочки и приготовили тончайшие — в тысячу раз тоньше папиросной бумаги — срезы.

Больной гриппом давно уже выздоровел, а болезнь его продолжала жить. Она сидела в этих прозрачных срезах. Врач объяснил мне, что клетки куриного эмбриона особенно чувствительны к вирусу гриппа. Вирус размножается в них, так сказать, с особенным удовольствием. Там его и можно увидеть.

Но как?

Самые сильные световые микроскопы дают увеличение в 2 000 раз. При таком увеличении можно разглядеть пылинку размером в половину микрона (микрон — одна тысячная доля миллиметра). А меньше ничего не увидишь. И напрасно мы стали бы искать возбудителей гриппа при помощи обычного микроскопа. Их не видели ученые девятнадцатого века, не увидим их и мы. Потому что величина вируса — тысячные доли микрона. Такой «предмет» уже недоступен для светового луча. Свет проходит мимо него, не отклоняясь.

Чтобы рассмотреть вирус гриппа, нужен совсем другой прибор.

ЭЛЕКТРОННЫЙ МИКРОСКОП

Такая вывеска висела на дверях следующей лаборатории. Я вошел и увидел... как бы это выразиться? — прибор не прибор, а что-то вроде большой машины. Обыкновенные микроскопы бывают не больше настольной лампы. А этот занимал полкомнаты.

Свет погасили, и мы очутились в полной темноте.

Я сидел за пультом, и громадный гладкий тубус электронного микроскопа возвышался надо мной, точно ствол дерева. На его вершине, в металлическом кожухе, была спрятана электронная пушка. Движение рычажка — и волшебный невидимый луч заструился вниз по тубусу. Это не был луч света. Из отверстия пушки вырвались частицы электрической энергии. Электронный луч пронзил срез ткани куриного зародыша и упал на экран.

Как и в обычном микроскопе, здесь есть система увеличительных стекол. Только свет заменен струей электронов. Я склонился над пультом. В призрачном мерцании серебристо-зеленоватого экрана передо мной, точно за стеклом аквариума, открылся тайный мир живых клеток. Одна такая клетка занимала пол-экрана. Я видел ее протоплазму, большое яйцеобразное ядро, оболочку, будто прочерченную толстым карандашом. Но, кроме этого, я увидел, что она битком набита какими-то шариками, нитями и комочками.

Клетка была больна. Она была поражена той самой болезнью, от которой чихали, кашляли, держались за голову миллионы людей во всех

уголках земли. Теперь я видел эту болезнь воочию. Шарики и комочки, которыми буквально кишели клетки зародыша, были не что иное, как возбудители гриппа.

МНОГОЛИКИЙ ВИРУС

Ну хорошо. Теперь, кажется, все в порядке. Вирус разыскан, и тайна самой распространенной болезни людей разгадана.

Почему же медицина до сих пор не справилась с гриппом?

Ведь вот, например, существует вакцина против оспы. Почти у каждого человека на руке, повыше локтя, есть два пятнышка. Это след прививки. В 1918 году в нашей стране был издан декрет об обязательном оспопрививании. И оспа исчезла. А ведь когда-то натуральная оспа была распространена почти так же, как теперь грипп, и уносила в могилу миллионы людей.

Мысль создать вакцину против гриппа давно занимает ученых. Между прочим, такая вакцина была придумана в конце 50-х годов, во время очередной волны гриппа. И даже как будто помогала. Но когда спустя несколько лет началась следующая эпидемия, вакцина оказалась бесполезной. Была создана новая вакцина. Однако и она перестала действовать, когда явилась новая эпидемия.

В чем тут дело?

А в том, что, как выяснилось, возбудитель гриппа не один — их много. Существует целое семейство гриппозных вирусов, и чуть ли не каждый год обнаруживаются новые разновидности. Смысл вакцины — создать невосприимчивость к возбудителю болезни. Но едва мы успеваем защитить организм против одного сорта вирусов, как появляется новый.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Итак, предупредить болезнь мы пока не умеем. Значит, надо лечить. А чем? Какими лекарствами?

Когда-то знаменитый химик Пауль Эрлих мечтал найти «волшебную пулю» против микробов — лекарство, которое уничтожало бы возбудителей болезни. В наше время медицина вооружена целой обоймой таких средств. Благодаря им некоторые болезни вообще исчезли, другие превратились из серьезных в пустяковые. Удалось даже «подстрелить» чумную палочку: совсем недавно из Бразилии пришло сообщение о том, что там вылечили нескольких больных, заразившихся легочной чумой, — вещь, неслыханная за всю историю медицины.

Но... И тут опять это «но». Но все это относится только к микробам. Вирусы же, надежно скрытые внутри клеток, как солдаты в крепости, остаются неуязвимы для пуль. Ни пенициллин, ни стрептомицин, ни другие вещества, уничтожающие микробов, на вирусы не действуют. Лечить грипп пенициллином бесполезно.

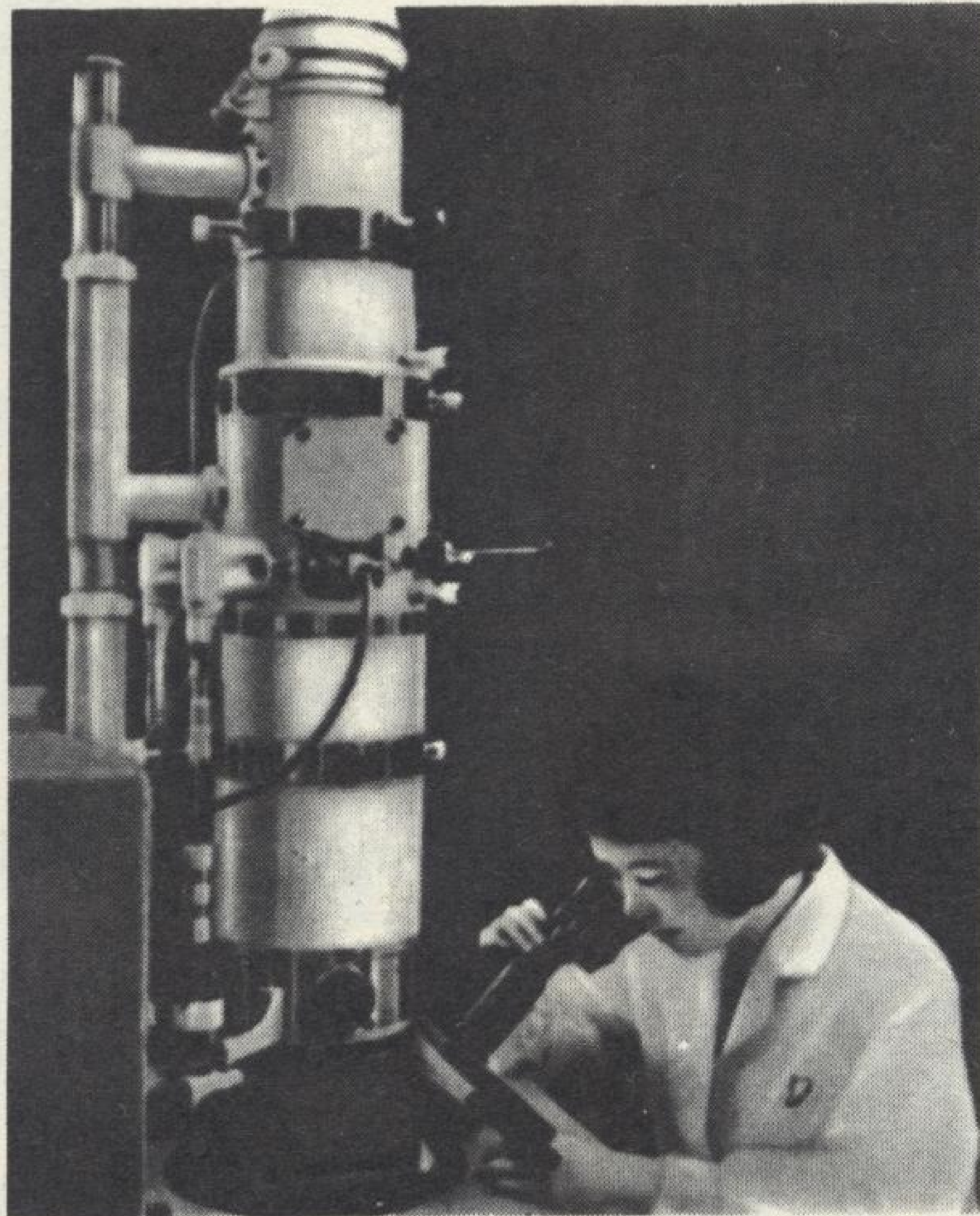
Тут требуется какое-то другое лекарство, а его пока нет.

Что ж, поставить на этом точку? Поднять руки, сдаться перед невидимым врагом? О, нет. Не так уж мы бессильны. Давайте-ка задумаемся над таким фактом: даже во время повальных эпидемий немало людей остается здоровыми. Грипп их не берет.

Кто же эти счастливцы? Это те, кто ведет здоровый образ жизни, вовремя ложится спать, вовремя встает. Те, кто занимается гимнастикой, бегает на лыжах, умывается холодной водой до пояса и не боится простуды. А кроме того, история поисков не закончена. Она продолжается. Мы не знаем, какое средство найдут ученые: будет ли это интерферон — вещество, угнетающее вирусы, или какая-нибудь новая прививка. Но оно будет найдено. Человечество расправится с гриппом так, как оно расправилось с чумой, холерой и добрым десятком других инфекций. Как пишут в романах — продолжение следует.

Г. М. ФАЙБУСОВИЧ,
кандидат медицинских наук

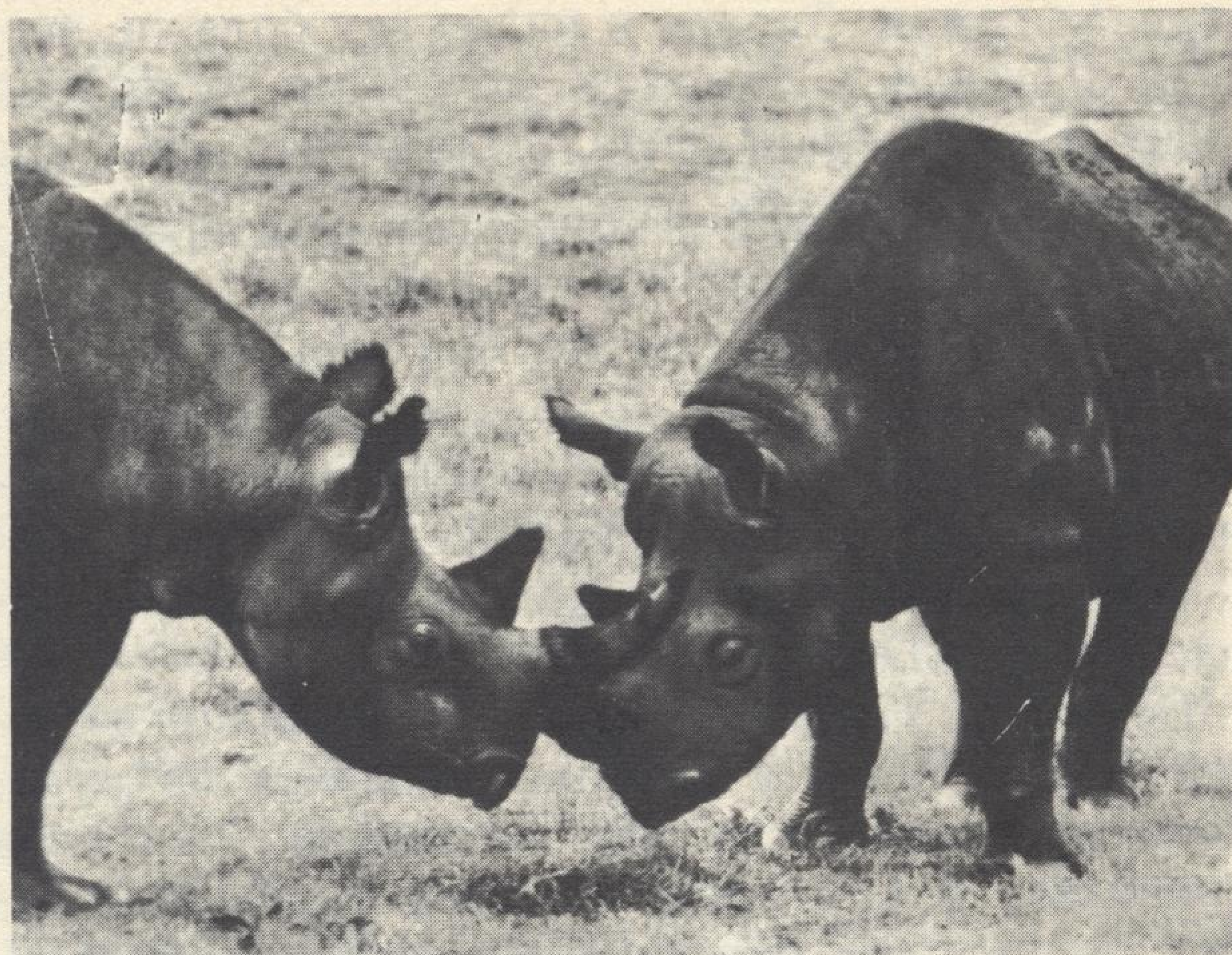

Электронный микроскоп помогает увидеть виновника болезни.

«ЗОРКИЙ—ДРУЖБА-50»

Каждое утро к зданию «Пионерской правды» подъезжает голубая машина, на которой написано «Связь». Из машины выгружают бумажные мешки. А в них — конверты. Тысячи писем со всех концов нашей страны, от зарубежных ребят.

Давайте на минутку заглянем в несколько конвертов, на которых на разных языках написано: «Зоркий — Дружба — 50». Вы уже знаете, что это девиз 11-го Международного конкурса юных фотографов, посвященного 50-летию советской пионерии.

В какой конверт заглянем? Давайте вот в этот, голубой, на котором наклеена финская марка. Интересно, чем увлекается финский мальчик Тиина Лухайнен? Рыбалкой! Посмотрите на фотографию «Рыбаки», и вы сразу это поймете. Теперь раскроем желтый конверт из Англии. Туи Тевермора любит море. Он прислал снимок самого быстроходного клипера английского торгового флота конца XIX века «Катти Сарк». Сейчас этот клипер — музей, куда приходят сотни английских мальчишек и любопытные туристы.

В конверте из Кении — снимок носорогов. Виндикумар много путешествует с отцом по стране и делает снимки редких животных. Не правда ли, снимок носорогов получился на славу? Польский мальчик Пайташ Кынга прислал целую серию фотографий о собаках. Мы выбрали одну — с выставки собак.

Конверты, конверты, конверты... И в каждом— снимки твоих зарубежных друзей. В мае в Москве откроется выставка «Зоркий — Дружба — 50», на которой будут показаны лучшие снимки ребят разных стран.

Л. РЕПИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОЛИМПИЮ

БЕСЦЕННЫЙ ПОДАРОК АРХЕОЛОГИИ

Все, кто пришел на олимпийский стадион, напряженно слушали слова элленодика:

— Если вы достаточно потрудились, как и подобает тем, кто намерен выступить на Олимпийском поприще, если никто из вас не запятнан никаким преступлением, выходите смело. Но если кто-нибудь из вас недостаточно подготовлен, чувствует за собой какую-нибудь вину, пусть тот удалится...

Потом пауза. Потом — негромкие команды, и вот уже первый старт Бегуны выстраиваются за линией, выложенной на земле из гладких камней, и ждут сигнала, плотно составив вместе ступни. И вот бег!

Это было почти две тысячи восемьсот лет назад...

На фресках, покрытых причудливой сетью трещин, на вазах, сосудах, светильниках, добытых из земли и очищенных бережной кистью археолога, сохранились изображения античных спортсменов, бегущих широким, размашистым шагом.

Все, что мы знаем сегодня о тех далеких временах и о том, как родился замечательный праздник человеческой красоты и силы, — всем этим мы обязаны археологии.

КАК ОРУЖИЕ СТАЛО СПОРТИВНЫМ СНАРЯДОМ

Спорт породила война. В те далекие от нас времена разобщенные государства и даже отдельные города постоянно вели войны, сражаясь за свою независимость или добывая новых рабов, новые земли. Это были войны, в которых успех решала рукопашная схватка, когда когорты противников сходились лицом к лицу, обнажив короткие мечи, держа наготове копья. В схватке побеждал тот, кто сильнее, выносливей.

В память об Олимпийских играх чеканились монеты. Эта монета рассказывает нам о соревновании на колесницах, запряженных парой лошадей.

Копье, наверное, самое древнее боевое оружие. Воин был вооружен двумя копьями: одно он метал в противника, другим действовал, как пикой, уже в рукопашном бою. Стоит ли удивляться, что **копье стало и первым спортивным снарядом?** Умение в совершенстве владеть копьем для античного грека и римлянина было делом чести. Копья античных спортсменов были чуть короче современных. Для удобства к древку крепили кожаный ремешок с петлей. Лучшие результаты определяли элленодики наибольшим количеством ступеней судьи. Вот уж, наверное, было тогда споров!..

Впрочем, не только копье являет собой пример того, как оружие превращается в спортив-

ный снаряд. **Диск и молот — тоже метательное оружие** — из той же эпохи, что и копье.

САМЫЙ РАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИК

Спортивных игр тогда было много — Немейские, Пифийские, Истмийские... Самыми популярными были да и остались Олимпийские игры. Впервые они собрали спортсменов и зрителей в восьмом веке до нашей эры и просуществовали до 394 года — почти тысячу двести лет... Каждый раз, когда игры кончались, первые олимпийские чемпионы, увенчанные лавровыми венками, разъезжались по своим родным городам, увозя призы, добытые в тяжелых единоборствах на стадионе, и всюду их встречали как народных героев, слагая гимны в их честь, высекая их скульптуры из мрамора...

Благодаря находкам археологов мы можем приподнять завесу времени, скрывающую жизнь людей, которым мы обязаны рождением олимпиады. Мы можем даже восстановить подробности первых олимпийских баталий, потому что так уж устроен человек: он обязательно оставляет память о тех днях, о тех событиях, которые ему самому казались значительными. В память о каждых играх он чеканил монеты, воздвигал массивные плиты с надписями, посвященными победителям, и эти плиты превращались в беломраморную летопись, дожившую до наших дней. А лучших из лучших он высекал в мраморе, отливал в бронзе, чтобы те, кто будет жить позже, могли увидеть его современников — победителей первых олимпиад.

В ГИМНАСИИ, НА ТРЕНИРОВКУ!

Спортсменов в Древней Греции готовили с детства. В школах обучали не только грамоте, поэзии, музыке и рисованию — главным предметом была гимнастика. В каждом античном городе был гимнасий, и руководил им один из самых почетных граждан города.

Греческий гимнасий — целый комплекс спортивных сооружений. Вокруг прямоугольного двора располагались здания с крытыми галереями, украшенными стройными рядами колонн. В одних зданиях были классы, в других — раздевалки, а двор был стадионом. Юноши натирались оливковым маслом, чтобы разогреться и смягчить кожу. Потом они выходили во двор, и начинались тренировки. Обнаженные атлеты совершенствовались **в беге, прыжках, метаниях.** Другие, избравшие **борьбу** и **кулачный бой,** тренировались рядом, на специальных площадках, обильно политых водой, — чтобы было труднее. Античные греки отлично понимали, что чем труднее условия тренировок, тем выносливее и сильнее станет спортсмен. Бегунам, кстати, тоже было не легче: они тренировались на дорожках, покрытых толстым слоем песка. Сейчас бегуны не тренируются на песке и, наверное, что-то теряют от этого. Только немногие современные атлеты регулярно вводили в свои тренировки бег по песку и добились блестящих успехов — это были четырехкратный олимпийский чемпион, экс-рекордсмен мира в беге на сто

В 1958 году при раскопках этрусского города Тарквинии археологи нашли гробницу V века до новой эры. Гробницу назвали Олимпийской, потому что стены ее были расписаны фресками, на которых изображены соревнования атлетов. Перед вами одна из этих фресок.

метров и в прыжках в длину Джесси Оуэнс, это знаменитый австралиец Рон Кларк и наш Владимир Куц.

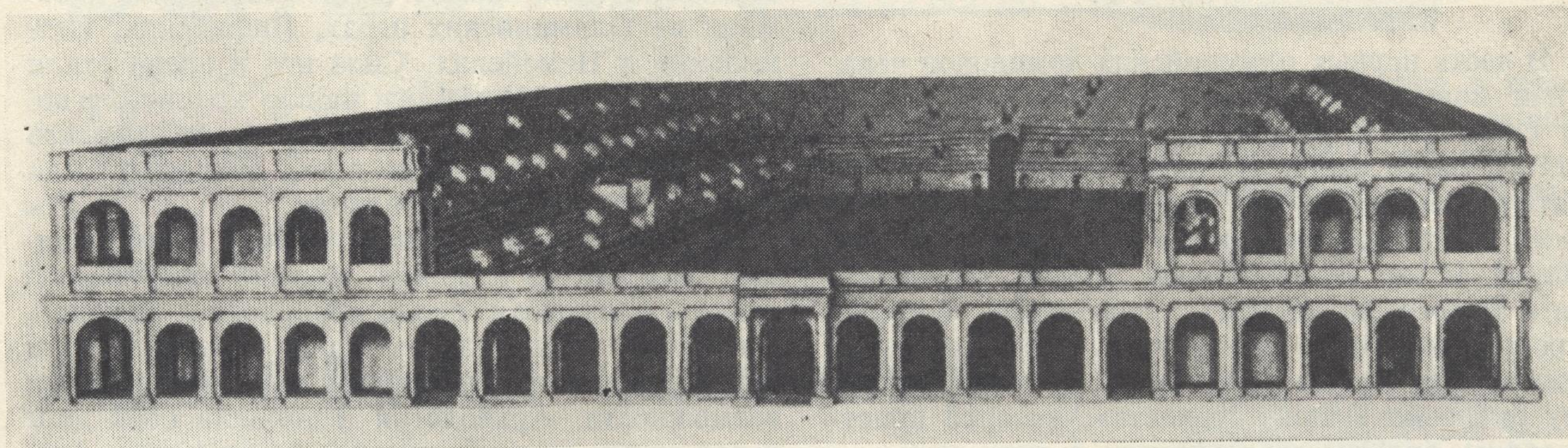
НАСЛЕДСТВО ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Давайте посмотрим, что мы унаследовали от тех, античных олимпиад, какие виды спорта дожили до наших дней.

Главным и любимым видом спорта в Древней Греции была **легкая атлетика.** В Олимпии, у слияния рек Алфей и Кладей, атлеты соревновались в **беге на разные дистанции,** соперничали в **прыжках в длину, метали копье** и **диск.** Легкая атлетика очень мало изменилась за истекшие тысячелетия. Даже дистанции бега, по существу, не изменились — разве что теперь их стало побольше.

Сначала соревновались лишь в **беге на одну стадию.** Спортсмены выстраивались за линией, выложенной из белых камней, и ждали сигнала, а элленодики бдительно следили, чтобы не случилось фальстарта. Атлеты бежали по прямой до каменного столба, врытого в землю. **Эта дистанция называлась стадией.** Длина ее — 192 метра 27 сантиметров. Она немногим отличается от нынешней двухсотметровой дистанции, на которой соревнуются спринтеры возрожденных олимпиад.

На тринадцатой античной олимпиаде — в 742 году до нашей эры — появляется еще одна дистанция — **диаул, равная двум дистанциям.** Это был бег туда и обратно: **384 метра 54 сантиметра — не что иное, как нынешняя четырехсотметровка.** А четыре года спустя атлеты впервые соревновались в **доликодроме — беге на 24 стадии.** Родилась **первая стайерская дистанция — 4614 метров 48 сантиметров. Это наша «пятерка».** Конечно, в те времена никто не измерял дистанцию с точностью до двух сантиметров, просто спортсмены бежали двенадцать раз до поворота и обратно. Да и сейчас стайеры всегда пробегают немного больше своей дистанции. Не всегда удается пристроиться у самой бровки,

Так выглядел стадион Доминициана в Риме. Здесь происходили спортивные игры.

а чем дальше от нее, тем длиннее становится дистанция.

Потом в программу олимпиады греки ввели **пентатлон — прообраз современного десятиборья.** Античные многоборцы **бежали на одну стадию, прыгали в длину, метали диск и копье и... боролись.**

Прибавьте ко всем перечисленным видам соревнований **прыжки** и **метания, марафонский бег — и составится почти полная олимпийская программа современной легкой атлетики,** кроме прыжков с шестом, барьерного бега и ходьбы.

Это то, что мы унаследовали. А какие виды спорта канули в Лету и вряд ли уже возродятся? Археология и на это дает нам подробный, исчерпывающий ответ. В 520 году до нашей эры греки ввели бег с оружием. До нас этот вид спорта не дожил. Греки соревновались в метании копья в цель — тоже не прижилось. Античные греки прыгали в длину с гантелями — им казалось, что дополнительный вес, обладающий такой же скоростью, тянет за собой атлета и помогает показать лучший результат, но, увы, они не знали законов силы тяжести и ускорения. С гантелями спортсмены не прыгали даже на семь метров.

Не пережил испытания временем и панкратион — нечто среднее между борьбой и боксом. Другими стали и конные виды спорта: теперь не проводят соревнования колесниц, запряженных четверкой лошадей. Греки соревновались и на колесницах с впряженными мулами и на колесницах, запряженных парой молодых коней. Наверное, эти состязания были очень красивым зрелищем. Но главное, основа основ олимпиады — ее ведущие виды спорта, ее дух, — все это осталось. Все так же поднимаются на пьедесталы усталые победители, все так же они склоняют голову, чтобы на нее надели победный венок. Теперь венок из лавра, а раньше был оливковый венок. Но что от этого меняется?

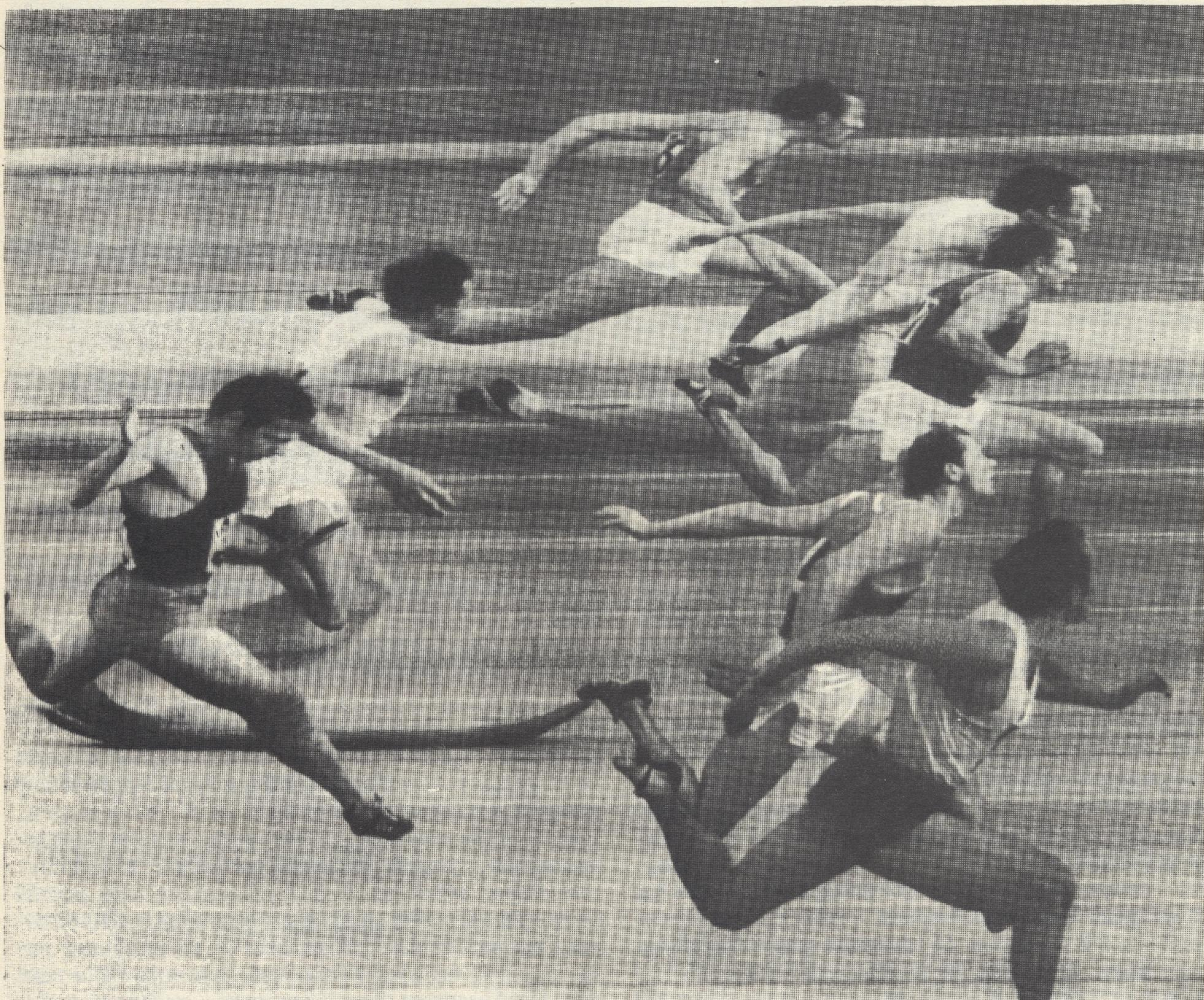
МЫ ПОМНИМ ВАС, ОЛИМПИОНИКИ!

В честь первых олимпийских чемпионов чеканили монеты, высекали их имена на вазах. В Олимпии, у подножия Кроноса, воздвигали статуи спортсменов. Их слава пережила тысячелетия. Мы знаем, что самым первым олимпийским чемпионом был повар из Элиды по имени Корэб. И что великолепный Леонид, родившийся в Родосе, на четырех олимпиадах, которые проводились раз в четыре года, сумел завоевать двенадцать венков победителя. Ко всему прочему он носил звание «триаста», которое присуждалось атлету, победившему в трех видах — беге на одну стадию, в двойном беге и беге с оружием. Леонид, бесспорно, был выдающимся спринтером. Нелегко было добиться такой победы, тем более, что эти три вида соревнований проводились в один день.

А через триста с лишним лет Астилос из Кротона завоевал восемь оливковых венков в тех же видах, что и Леонид. Потом был фейерверк побед другого кротонца, Милона, лучшего борца античных времен. Милон шесть раз побеждал на Олимпийских играх, Пифийских, Истмийских и Немейских. Сила его и слава стали легендарными. Археологи нашли хроники, в которых говорилось, что однажды, чтобы показать силу, Милон положил на плечи молодого быка и пробежал с ним по стадиону.

Их было много — замечательных олимпиоников, каждый из которых множил спортивную славу и показывал, сколь прекрасен и совершенен может быть человек, какие возможности в нем скрыты и как спорт помогает раскрыть эти возможности. Археология исполнила свой долг перед этими людьми: она нашла их имена, очистила их от пыли веков, и они вновь засверкали на страницах истории.

Мы обязаны археологии и тем, что сейчас каждые четыре года вновь загорается олимпийский факел. В ЭТОМ ГОДУ ОН ЗАЖЖЕТСЯ В МЮНХЕНЕ, ЗАЖЖЕТСЯ В ДВАДЦАТЫЙ РАЗ. ★

Вот они, современные олимпийцы. Мгновение — и кажется, вырвутся за пределы снимка спортсмены-бегуны, настолько стремителен их бег — фотокамере трудно уследить за ним! Бег — испытание силы и тренированности, бег — проверка воли и выносливости, бег через борьбу к победе!

„МАТЕМАТИК СДЕЛАЕТ ЭТО ЛУЧШЕ!"

«Мы живем в филейной части белокаменной Москвы», — поется в гимне интерната № 18. Недалеко от станции метро «Фили» стоят здания физико-математической школы-интерната № 18 при МГУ, коротко — ФМШ. Сегодня мы расскажем вам, кто учится в этой школе, чем она замечательна и как туда попадают.

Академик А. Колмогоров — читателям «Пионера»

ПРОБУЙТЕ СВОИ СИЛЫ

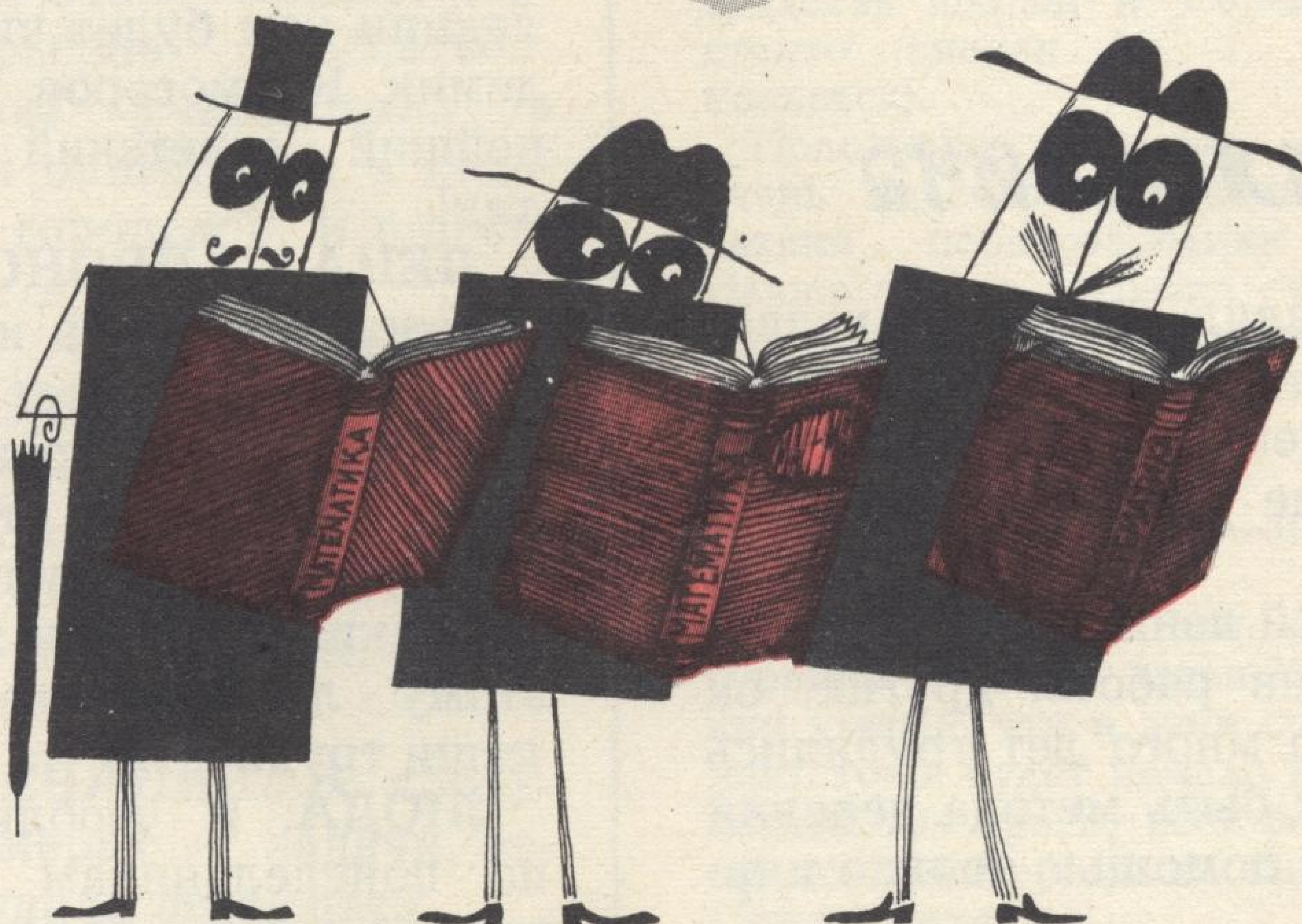
Часто преувеличивают необходимость специальных способностей для изучения и понимания математики.

Обычно средние человеческие способности вполне достаточны, чтобы при хорошем руководстве или по хорошим книгам не только усвоить математику, преподающуюся в средней школе, но и разобраться, например, в началах дифференциального и интегрального исчислений.

Как в спорте не сразу ставят рекорды, так и подготовка к настоящему научному творчеству требует тренировки. Напомню мнение математика Бориса Николаевича Делоне, согласно которому научное открытие отличается от решения олимпиадной задачи только тем, что на решение олимпиадной задачи употребляют час или два сосредоточенного размышления, а на большое открытие — несколько тысяч часов.

Попробовать свои силы в решении более трудных, чем в школе, задач можно в математическом кружке или на факультативе. Принимают туда обычно семиклассников. На мой взгляд, серьезная склонность к математике появляется не раньше седьмого класса. Вот почему в наш интернат принимают только учащихся восьмого и девятого классов — тех, у кого интерес к математике определился.

Очень хорошо, если вы уже в пятом-шестом классах занимаетесь математикой, пусть даже непродолжительное время. Математика учит думать, а это нужно всем.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

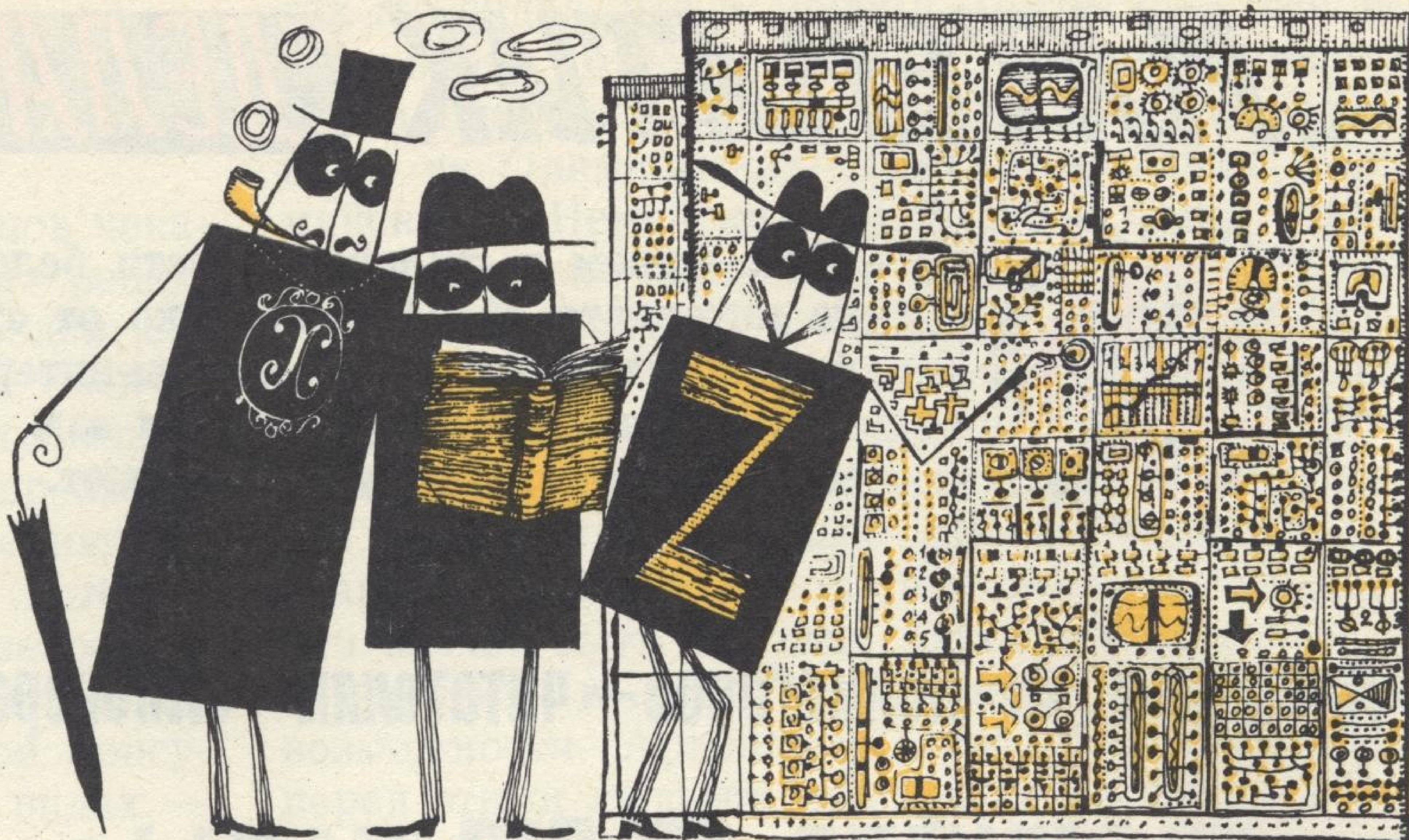
Недавно ФМШ исполнилось 8 лет. К юбилею, как водится, каждый класс выпустил стенгазету. Одна называлась «Восемь витков». Огромный лист ватмана пересекала гордая надпись:

СПЕШИМ СООБЩИТЬ, ЧТО СО ВРЕМЕНИ ОТКРЫТИЯ ФМШ ЗЕМЛЯ СОВЕРШИЛА ВОКРУГ СОЛНЦА ВОСЕМЬ ВИТКОВ!

8

Гордость своим интернатом, своей наукой звучала в каждой заметке. Иногда она прикрывалась шуткой. Вот какая история была рассказана в отделе юмора: известный польский математик Гуго Штейнгауз утверждал, что если поручить двум людям, один из которых математик, любую незнакомую работу, то результат всегда будет следующим: математик сделает ее лучше.

СЕРЬЁЗНО О ШУТКЕ

В этой шутке много серьезного. И когда крупнейшие ученые МГУ создавали интернат, они, наверное, думали и об этом. В стране очень много дел и работ, где нужен хороший математик, где без хорошего математика работа будет сделана плохо или вовсе не сделана.

Вот хотя бы один пример: где сейчас только нет электронных вычислительных машин — в министерствах и на заводах, на фабриках и на плотинах ГЭС, на кораблях и космодромах. И это только начало. А кто же, как не математик, решит, какую задачу поставить машине, как научить ее работать?

Как родилась идея

Чтобы стать специалистом-математиком, стоит учиться этой науке с ранних лет. Ребятам из больших городов, где есть математические кружки и школы, легче познакомиться с наукой математикой, чем тем, кто живет в отдаленных районах.

Так и родилась идея интерната: дать способным ребятам из сел и отдаленных городов те же возможности продвижения в науку, что и ученикам школ Москвы и других университетских городов.

И в ФМШ вот уже восемь лет учатся ребята из белорусских деревень и с Рязанщины, с Северного Кавказа и донских станиц. А москвичей в ФМШ вообще не принимают...

Справка для будущих фэмешат

Основное в правилах приема: от поступающих не требуется гениальности. Главное — увлеченность наукой и готовность работать много больше, чем в обычной школе.

Первый экзамен — письменный — проводится во время весенних каникул, после областной олимпиады, допускаются все участники олимпиады и все желающие с рекомендацией учителя физики или математики.

Открытие Юрия Матиясевича

В 1900 году немецкий математик Давид Гильберт назвал проблемы, решение которых очень важно для математики. Среди них была так называемая 10-я проблема Гильберта. К ней обращались многие ученые, но никому не удавалось получить окончательный результат.

Это сделал Юрий Матиясевич — молодой ленинградский математик, бывший ученик ФМШ. Продолжив работы других, он доказал, что решения, в поисках которого много лет трудились математики, не может быть, как не может быть метода деления произвольного угла на три равные части с помощью **только** циркуля и линейки.

Фэмешата о себе

Все они десятиклассники. Вася Андрусевич из Белоруссии, Люда Киселева из Саранска, Миша Колупаев из Краснодара, Лена Сапронова из Брянска, Елена Тимохина из села Калужское, Московской области.

В нашем разговоре участвовала и преподавательница математики Татьяна Николаевна Трушанина. Она сама не так давно окончила ФМШ.

ВОПРОС: ЧЕМ ВАС УДИВИЛ ИНТЕРНАТ?

ВАСЯ. Думал, он отличается от обычной школы только тем, что решают больше задач, а оказалось — здесь глубоко изучают математический анализ, высшую алгебру, знакомят с теорией вероятностей, с ЭВМ. И, конечно, я не предполагал, что лекции нам будет читать академик Колмогоров — крупнейший советский математик!

ЛЕНА САПРОНОВА. А я не ожидала, что в классе будет всего четыре девочки!

МИША. Мне нравится, что преподают нам и студенты и аспиранты. Они недавно были такими же, как мы, и поэтому легко понимают все наши трудности.

ЛЮДА. Я люблю ходить по понедельникам на наши музыкальные вечера. Мож-

но прослушать любую запись.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. А где еще, кроме ФМШ, вы услышите лекцию академика Колмогорова о скульптуре Микеланджело?

ВОПРОС: УЧИТЬСЯ ТРУДНЕЕ, ЧЕМ В ОБЫЧНОЙ ШКОЛЕ?

ВАСЯ. Не скажу, что легко. Сначала было не очень трудно, потом все труднее.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Особенно тяжело тому, кто попал случайно. Здешний троечник в обычной школе быстро становится отличником. И медалей у нас мало.

ЕЛЕНА. Уроков почти столько же, что и в обычной школе,— 36 в неделю, но на математику и физику идет много больше, чем обычно,— 17—18 часов.

ВОПРОС: А КОГДА ВЫ НАЧАЛИ ЗАНИМАТЬСЯ МАТЕМАТИКОЙ?

ВАСЯ. В шестом классе я впервые попал на районную олимпиаду и не занял там никакого места. С седьмого занимался на факультативе. На областной олимпиаде в восьмом классе узнал про интернат и интереса ради пошел на письменный экзамен.

ЕЛЕНА. В пятом и шестом классах занималась в кружке, потом — на факультативе.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. Математикой я начала интересоваться с четвертого класса. Все было хорошо, но потом пришла новая учительница, и у меня появились четверки. Стало обидно. Начала серьезно заниматься. В шестом участвовала в школьной олимпиаде, в седьмом — в городской, и в восьмом — в областной.

ВОПРОС: ВАШ СОВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ «ПИОНЕРА»?

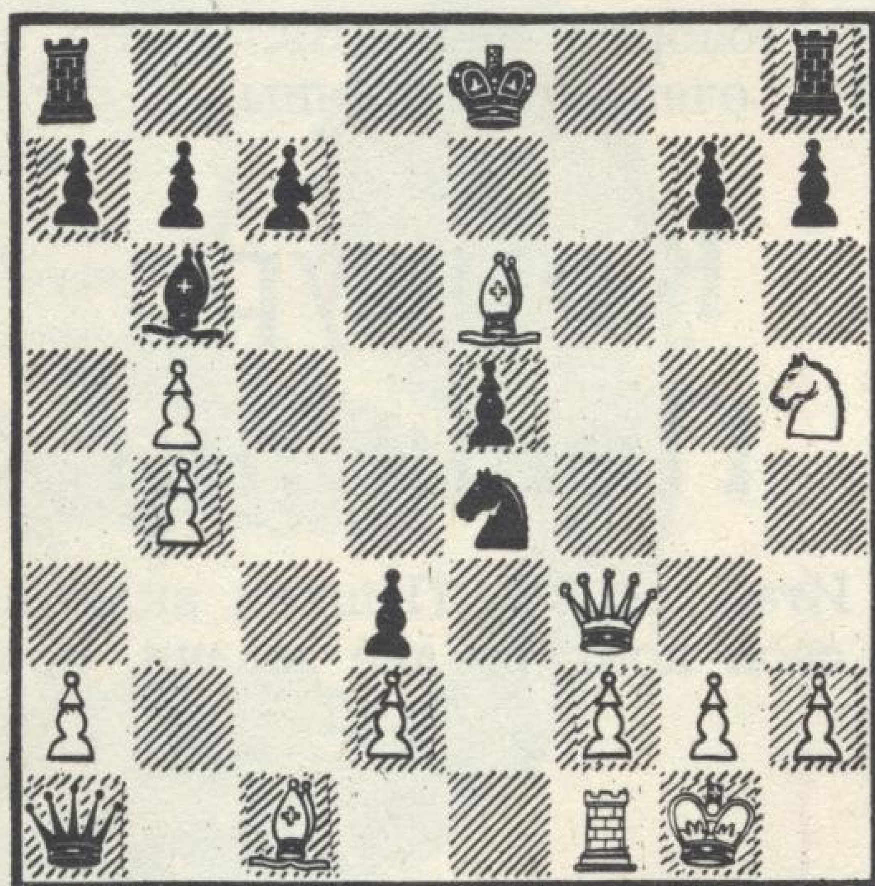
ВСЕ. Заниматься в кружках или факультативах. Думать. Решать задачи. Работать.

ПРИМЕЧАНИЕ. В следующих номерах — задачи, которые решали фэмешата...

Так играли в Артеке

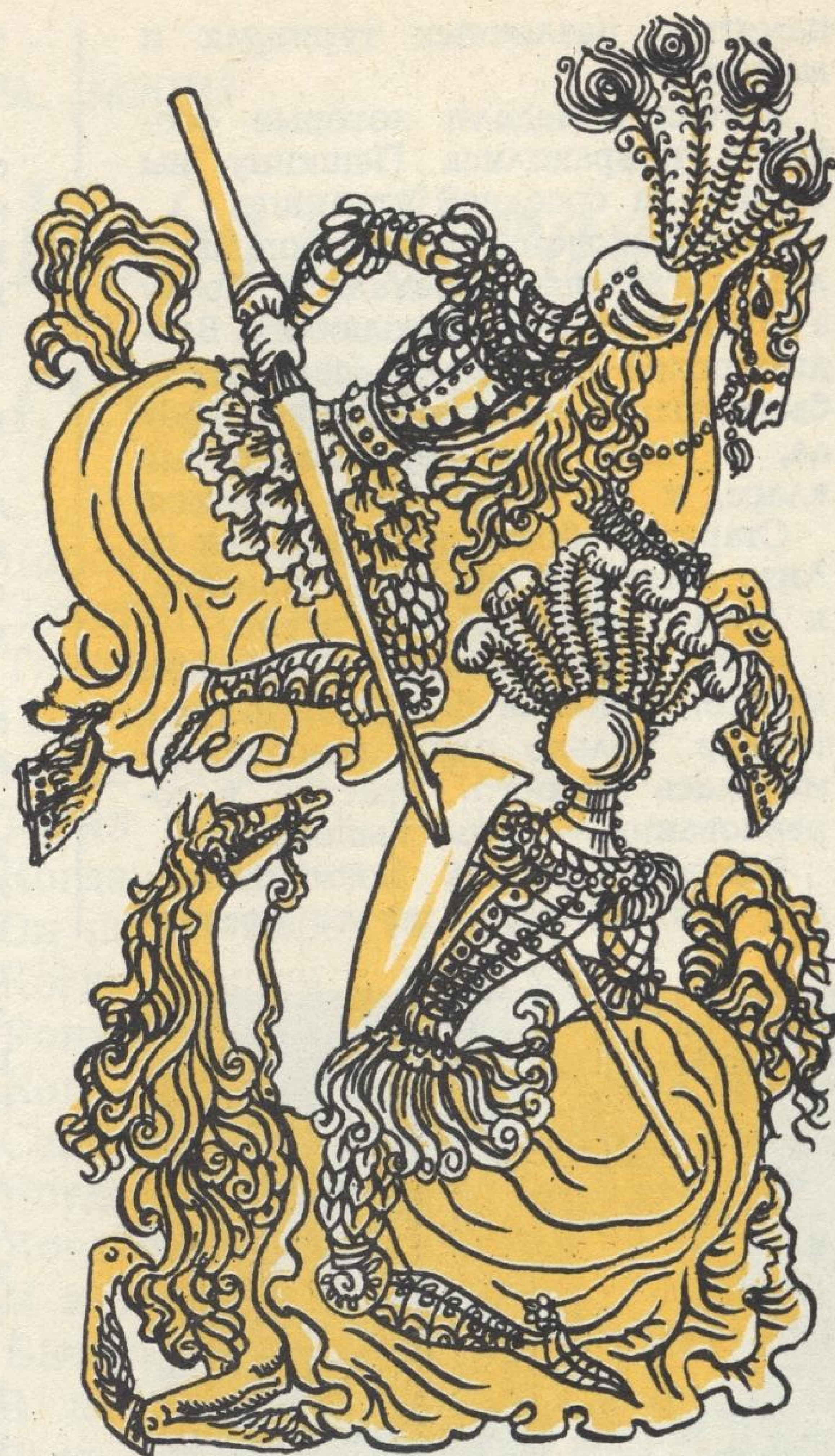
Давно отгремели шахматные бои в Артеке. Но в партиях финальных поединков клуба «Белая ладья» было так много интересных комбинаций и смелых атак, что Пешкин решил предложить вам одну из этих позиций.

Наверное, всем вам, ребята, понравится окончание партии между Алешей Ильиным (82-я ленинградская школа) и Сережей Костенко (школа № 1, г. Прокопьевск).

Положение черных кажется очень опасным, но одиннадцатилетний перворазрядник Алеша Ильин умело отразил угрозу и сам перешел в решительное наступление. События развивались так: 16... Лh8—f8. 17. Фf3 : e4 Лf8 : f2 18. Кh5 : g7+ Крe8—e7 19. Фe4 — h4+ Крe7—d6. **Белые сдались.**

Сейчас во всех школах идут турниры «Белая ладья-72». Пешкин уверен, что в этих соревнованиях тоже будет немало красивых партий. Он просит всех ребят присылать интересные партии в Страну шаха.

37 грамот

Клуб «Белая ладья» работает хорошо там, где в школьных турнирах играет много ребят, где все участвуют в конкурсах. И Пешкин особенно любит тех, кто обучает новичков, проводит соревнования у себя в отряде и в школе.

Недавно Пешкин встретился в Московском Дворце пионеров с общественными инструкторами столицы и вручил тридцать семь почетных «Грамот ферзя и ладьи» лучшим из них.

Среди получивших награды — **Лена Капралова,** из 529-й школы, **Наташа Долина** (школа № 64), **Маша Богданова** (875-я школа), **Саша Жуков** (444-я школа), **Сережа Ползиков** (31-я школа) и другие друзья Пешкина.

В гостях у чемпионки

Как-то Пешкин пришел к заслуженному мастеру спорта Елизавете Ивановне Быковой и... застыл в изумлении. Никогда еще не приходилось ему видеть такую богатую коллекцию спортивных медалей и значков. Три медали чемпионки мира, шесть—чемпионки СССР и множество других.

— Чему ты удивляешься, Пешкин? — спросила Елизавета Ивановна.— Я ведь давно выступаю в соревнованиях. Эти награды —

память о различных турнирах и матчах.

Значки и медали, которые особенно понравились Пешкину, вы видите на соседней странице.

Лизе Быковой было одиннадцать лет, когда она приехала к брату в Москву из села Боголюбова, Владимирской области. В селе тогда была только четырехклассная школа, а Лиза уже перешла в пятый класс, и ей негде было учиться.

Старший брат показал как-то Лизе шахматы, объяснил правила, и Лиза увлеклась этой игрой.

Когда она училась в седьмом классе, в школе был организован турнир. Только одна девочка осмелилась принять участие в соревновании — Лиза Быкова.

Вначале ребята посмеивались над ней, но скоро шутки прекратились: Лиза упорно сражалась и заняла первое место.

Елизавета Ивановна Быкова.

— Никто не ожидал этого, и я сама даже не мечтала о первом месте,— говорит Елизавета Ивановна.— Ведь я до этого никогда не участвовала в шахматных турнирах.

— А какая из медалей вам наиболее памятна?

— Это трудный вопрос,— сказала Елизавета Ивановна.— Пожалуй, вот эта, хоть она и неказиста на вид, я получила ее, став чемпионкой Москвы в 1939 году.

— Что бы вы хотели посоветовать ребятам — любителям шахмат? — спросил Пешкин.

— Прежде всего активно участвовать в соревнованиях клуба «Белая ладья»,— сказала Елизавета Ивановна.— Мне очень нравится этот клуб. У меня есть медаль этого клуба, и я ею горжусь. В школах проходят такие интересные турниры!

Я уверена, в клубе «Белая ладья» растут будущие чемпионы, отличные мастера. Любите, ребята, шахматы, серьезно занимайтесь ими.

И еще один совет: дружите с Пешкиным, участвуйте в его заочных конкурсах.

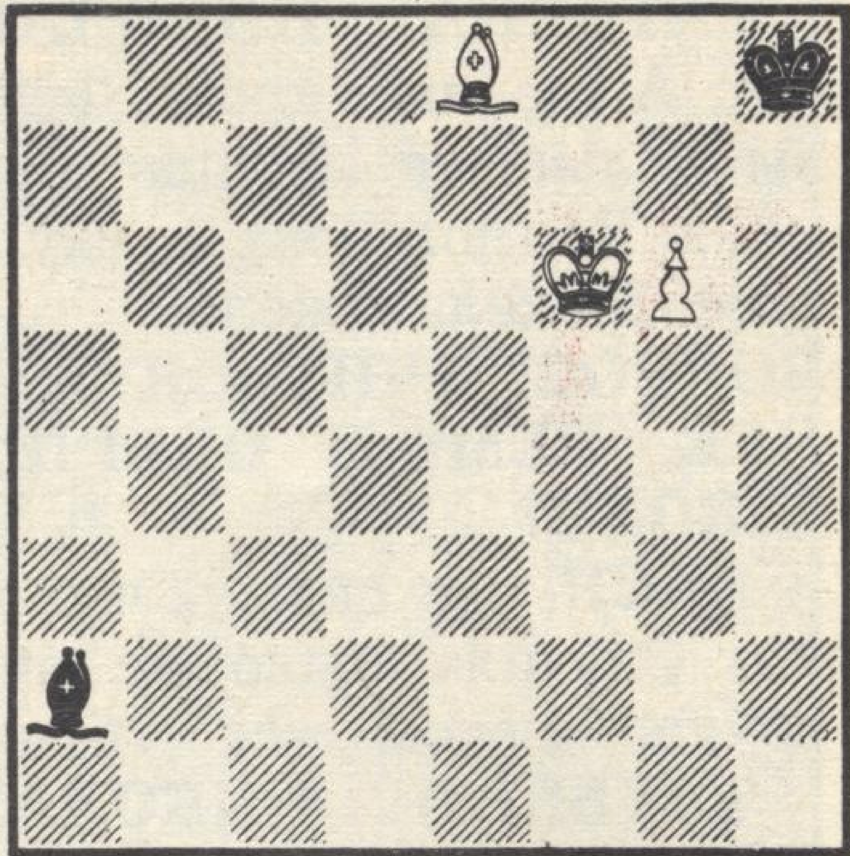
Хочу предложить для твоего, Пешкин, конкурса две старые задачи, которые мне очень нравятся...

— Почему они нравятся вам? — спросил Пешкин.

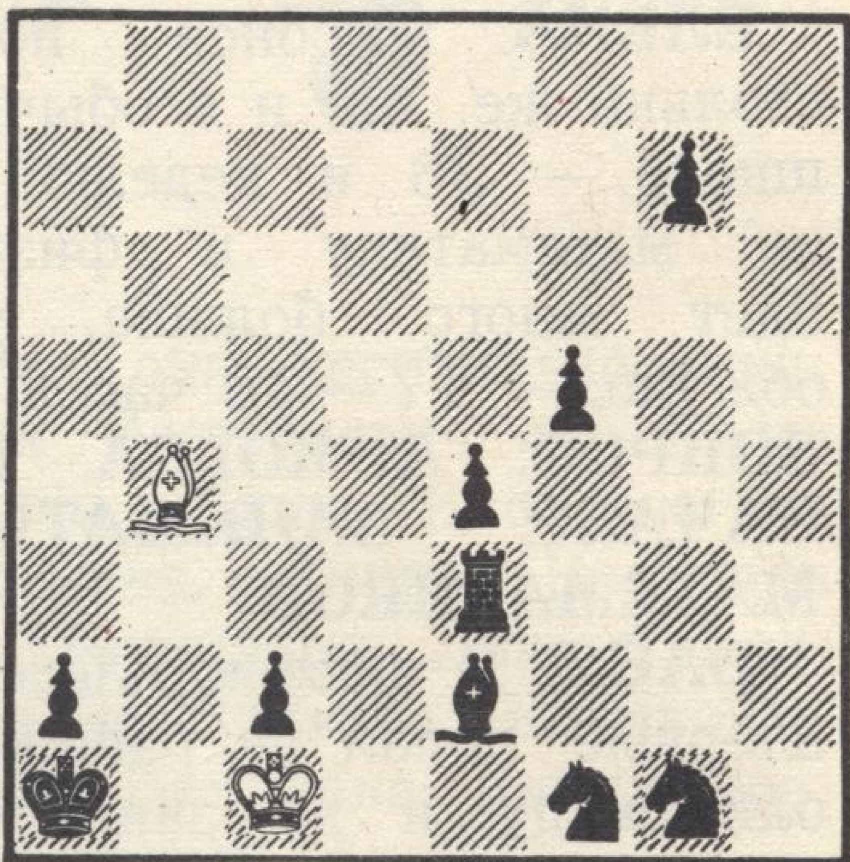
— Потому что в них с минимальными атакующими силами достигаются большие результаты, как говорят шахматисты, эти задачи очень экономичны.

Конкурс Пешкина

Итак, ребята, Пешкин включает в свой конкурс две задачи, предложенные Елизаветой Ивановной Быковой.

Первая задача составлена известным русским мастером А. Галицким. Белые, начиная игру, дают мат в четыре хода.

А в этой задаче с армадой черных фигур сражается один белый слон. И как сражается!

Черный король заперт в углу. Пользуясь бедственным положением его, белые, начиная игру, дают мат в четыре хода.

Пешкин ждет ваших решений, ребята!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Вот медали и значки, которые особенно понравились Пешкину. Вверху слева — медаль чемпионки Москвы, первая завоеванная Елизаветой Ивановной Быковой.
И даже среди других знатных гостей этой страницы — медалей чемпиона мира, чемпиона СССР, международного мастера — выделяется красивая медаль победителя соревнования клуба «Белая ладья».

А. МИЛН

Королевская считалка

Король державы Перу,
Чувствительный не в меру,
Твердил одну считалку,
Полезную для всех...
Когда очки, к примеру,
Терял владыка Перу,
Когда, съезжая с горки,
Он падал носом в снег,
Когда горшок с цветами
Ронял на платье даме,
Когда на шляпу новую
Садился невзначай...
Когда он был не в духе,
Когда кусались мухи
И никому не жалко
Бывало короля,
В любом подобном случае,
Пока не станет лучше,
Король шептал считалку,
Губами шевеля:
«Шестью восемь — сорок восемь,
На два делим, пять выносим;
Пятью девять — сорок пять,
Три прибавить, семь отнять,
Прочитать наоборот —
Выйдет время пить компот!»
Когда его супруга,
Забрав стирать кольчугу,
Конечно, забывала
Отдать ее в крахмал,
А в день его рождения
Шел дождь, как наводнение,
И буря бушевала
И ветер крыши рвал;
Когда владыка Перу
Чихал в палате пэров
Так, что ронял корону,
Основу всех основ...
Когда он против правил
На подпись кляксы ставил,
Когда он падал с трона
В присутствии послов...
Когда король пугался,
Когда он спотыкался
И никому не жалко
Бывало короля,
В любом подобном случае,
Пока не станет лучше,
Король шептал считалку,
Губами шевеля:
«Шестью восемь — сорок восемь,
На два делим, пять выносим,
Пятью девять — сорок пять,
Три прибавить, семь отнять,
Прочитать наоборот —
Выйдет время пить компот!»

Перевела с английского Н. ВОРОНЕЛЬ.

Академия Домашних

«Динь-дон-динь» — ясный перезвон Калинкиного колокольчика влетел в распахнувшуюся форточку вместе с весенним ветром. Кораблик—калиновый листок—спикировал на Алешин письменный стол, и Калинка, на ходу снимая шапочку-невидимочку, спрыгнула на розовую промокашку.

— Здравствуй, Алеша!

— О, Калинка, добрый день! Какая ты сегодня нарядная! Такое красивое платье! И туфли! И косичка!

— Даже косичка тебе кажется наряднее, чем всегда? Ты не забыл? Сегодня день рождения Лёки, и мы с тобой приглашены в гости.

— Как я мог забыть! Столько разговоров про этот день! Там такая суматоха! Вчера, в субботу, всю квартиру вверх дном перевернули, мыли, убирали.

— Прекрасно! Люблю, когда в день рождения дом блестит чистотой. Ты тоже помогал?

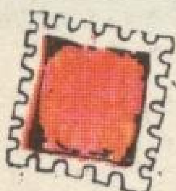
— Еще как! Полы натирал. Ты ведь говорила, что это мужская работа. А сегодня пироги пекут, крем сбивают, и Лёка выпроводила меня, сами, сказала, справятся. Я даже обиделся.

— Не обижайся, Алеша! Хозяин всегда стремится чем-то удивить или обрадовать гостей, иначе и в гости ходить было бы неинтересно. Поэтому тебя и выпроводили.

— Тогда не обижаюсь.— А ты, Калинка, была на необыкновенном дне рождения?

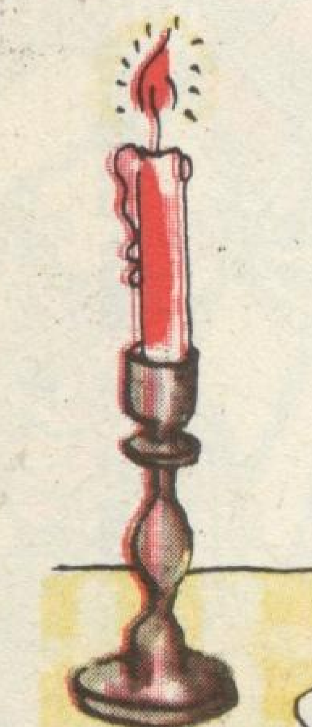
КАК ИНТЕРЕСНЕЕ ПРАЗДНОВАТЬ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ?

— Ровно две недели назад, 6 февраля, в Новосибирске. Моему хорошему другу Саше исполнилось двенадцать лет. Гости были приглашены к шести часам. И, представь, все пришли точно — первейшее доказательство того, что гости уважают хозяина и всех приглашенных...

— Опоздание значит неуважение? Запомню.

— К назначенному часу на столе, накрытом праздничной скатертью, пыхтел огромнейший самовар, и двенадцатилетний хозяин сам заварил отличный, крепкий чай. А пироги и всякие вкусные вещи гости принесли сами. Ничего покупного, все собственного приготовления, даже конфеты. Коллективное творчество. И еще, каждый гость обязательно рассказал придуманную им самим или прочитанную, но не широко известную сказку или таинственную историю. Представь... На улице морозище, окна в ледяных узорах, а в комнате тепло, уютно. На столе, уставленном разными лакомствами, горят свечи. И рассказывают сказки. Всем это очень понравилось!

— Здорово! Мне тоже нравится! Настоящий зимний день рождения!

— Да, я забыла одну важную деталь. На столе стоял стакан с цветущими ландышами.

— В феврале? Ландыши? — удивился Алеша.— Без волшебства, наверное, не обошлось. Это ты принесла?

— Не я, а девочка Машенька, одноклассница Саши. Она осенью в лесу выкапывает корневища ландышей и зимой выращивает цветы на окошке. Чудо!!! Я тебе расскажу потом, как она это делает, если тебе интересно.

— Конечно, интересно.

— А летом я была на дне рождения у моей подружки Юли, в

Таллине. Ее мама и бабушка напекли гору всяких печений: песочное с орехами, бисквитное с кремом, слоеное с вишнями и еще с сыром, и еще с корицей, и еще одно — по моему рецепту, с лимонной корочкой. Приготовили несколько кувшинов лимонада и фруктовые и молочные коктейли. Каждый гость обязательно принес с собой пластинку с танцем, который ему больше по душе. Все танцевали и играли в разные игры, а захочется полакомиться — пожалуйста, подходи к столу, бери сам, что хочешь. Знаешь, как вкусен молочный коктейль с сырным печеньем или мое печенье с лимонадом!

— Представляю! И это мне нравится. Сейчас позвоню Лёке, пусть у нее тоже так будет.

— Не звони, Алеша! Лёка придумала все сама. У нее будет немного по-другому, по-московски. Но пластинку по-таллински можешь принести. У нас с тобой есть время, мы и печенье успеем испечь и отнесем его по-новосибирски.

— Я возьму «Казачок». «Раз, два, три, казачок!» Замечательный танец! Печенье будем печь твое, с лимонной корочкой. Давай скорее крутиться на пятке, чтобы все успеть сделать.

Калинка засмеялась, покрутилась на пятке три раза и хлопнула в ладоши:

— Фартук мне!

Через секунду в распахнувшуюся форточку влетел белоснежный Калинкин фартук и такая же косыночка. Алеша быстренько снял с крючка за дверью в кухне свой белоснежный фартук и надел свой поварской колпак, подаренный Калинкой почти два года назад.

КАЛИНКИНО ПЕЧЕНЬЕ

— Это очень простое печенье,— сказала Калинка.— Продукты у нас есть: **100 граммов масла, 4 столовых ложки сахарного песку, 3 столовых ложки сметаны, 2 яйца, муки надо не более двух стаканов, сода, соль, 5 грецких орехов, порошок ванилина и один лимон.**

В первую очередь ты, Алеша, просеешь муку через дуршлаг или сито, а я приготовлю две присыпки для печенья. Просеивай осторожно, не то кухня опять станет похожа на мельницу. Да одним глазком посматривай, как присыпку готовить и тесто замешивать.

Первая присыпка для теста. Очень тонко срезать кожицу с лимона и очень тонкой стружечкой нарезать ее. Стружку смешать с одной столовой ложкой сахарного песку.

Вторая присыпка для готового печенья. Очистить пять грецких орехов, истолочь в ступке мелко, но не в порошок, 3—4 куска сахара истолочь до тонкости пудры. Смешать орехи, сахарную пудру и ванилин — вот и готова вторая присыпка.

А теперь взялись за тесто. До того, как готовое печенье будет лежать на блюде, должно пройти не больше сорока пяти минут.

Сметанное тесто любит прохладу — прежде чем замешивать его, надо проветрить кухню до прохладности. В теплой кухне тесто поплывет, потому что растает масло и сметана. Да еще есть опасность: по неопытности можно вбить слишком много муки, и тогда тесто будет крошиться. **Те-**

Волшебников

сто надо месить внимательно, неторопливо, но быстро. Минут за пять тесто должно быть готово.

В эмалированной миске растираем добела два яичных желтка с четырьмя ложками сахарного песку, добавляем масло, сметану, половину чайной ложки соды, соль — на кончике ножа. Растираем еще раз все вместе. Постепенно всыпаем муку. Постепенно! И быстро все смешиваем ложкой. Потом выскребаем тесто на присыпанную мукой доску и месим рукой 1—2 минуты, подсыпая чуть муки — пока не получится плотный, тяжелый ком. Разрезаем тесто на четыре части, три части положим в холодильник, а одну часть раскатываем на присыпанной мукой доске в тонкий пласт и рюмкой диаметром **не больше 3,5 сантиметра** вырезаем печеньица. Сейчас же раскладываем их на противень. Смазываем их белком (широкой кисточкой или пучком куриных перьев), прокалываем разок вилкой, чтобы ровнее подходили, и присыпаем понемногу **первой лимонной присыпкой.** Быстро ставим в среднегорячую духовку, на самый верх, **минут на 5—6.** Пока печется первая порция, готовим второй противень.

Любое печенье лучше всего готовить вдвоем, вот как мы с тобой. Я занимаюсь с тестом, а ты, Алеша, будешь следить за духовкой. Как только печенья порозовели, вытаскиваем противень, даем две минуты остыть и снимаем с противня, по очереди опуская их **во вторую присыпку** и укладывая на блюдо... Печеньица получились красивые, ровные, припудренные, душистые.

— Прошло ровно сорок пять минут, и у нас на блюде 102 печенья,— сказал Алеша.— Как ты угадала?

— Я не угадала, а рассчитала время: на приготовление теста надо двенадцать минут, шесть минут на каждую порцию, это двадцать четыре минуты, да на присыпку девять минут. Ровно сорок пять.

— Калинка, можно я попробую печеньице?

— Обязательно! Надо знать, что мы с тобой понесем Лёке.

Алеша взял одно:

— Тает! Вот это да, мы с тобой настоящие волшебники.

ШЕСТЬ СЕКРЕТОВ ПОДАРКА

— Теперь, волшебник, постараемся не опоздать в гости.

— Я буду одеваться и с тобой разговаривать. Можно?

— Можно. Уши мыл?

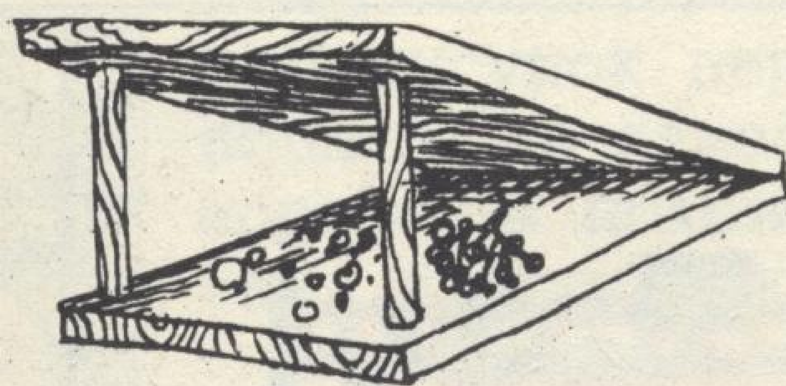
— Уши мыл, шею мыл, брюки утюжил вчера, ботинки блестят. Рубашку сам гладил, ни одной морщинки. Брюки я почистил одежной щеткой, сначала сухой, а потом влажной. Положил их на гладильную доску, совместил все четыре шва и гладил только вдоль через влажную ткань очень горячим утюгом. Потом повесил их на вешалку, чтобы отвиселись.

— Молодец!

— Калинка, а какие подарки приносят там, в Новосибирске и в Таллине? Моя бабушка говорит, что **подарок должен быть не дорогим, но придуманным.**

— Твоя бабушка совершенно права. И еще очень приятно, **когда подарок сделан своими руками, но не тяп-ляп, а по-настоящему...** Юле подарили марки для ее коллекции, и лисенка, вырезанного из корешка, и носовые кружевные вышитые платочки, и альбом, и цветные карандаши. И много цветов. А Саше принесли интересные книги, в том числе и по математике, которой он очень увлекается, записную книжку с шариковым карандашом, вязаный шнурок-галстук и варежки собственной вязки. И еще ландыши. А какой подарок приготовил ты?

— Я долго думал и вспомнил, как Лёка просила своего папу сделать кормушку для птиц, а ему все некогда. Я взял да и сделал. Смотри!

— Отличная кормушка.

— Мне тоже нравится. С удовольствием оставил бы ее себе.

— Вот и еще один секрет хорошего подарка открыли. **Надо дарить то, что сам бы себе подарил с удовольствием.** Есть еще секрет. Ты ведь знаешь, Лёка собирает открытки с видами городов. Марина в ту субботу вместо катка отправилась на Арбат, в такую даль, и купила всего за восемнадцать копеек открытки, которых у Лёки в коллекции нет. Сколько радости они принесут Лёке! Вот тебе и пятый секрет — **подарок должен принести радость.** Моей таллинской подружке Юле одна девочка подарила написанные ею стихи, а Юлин приятель-музыкант — сочиненную им песню. Прекрасные подарки, память на всю жизнь.

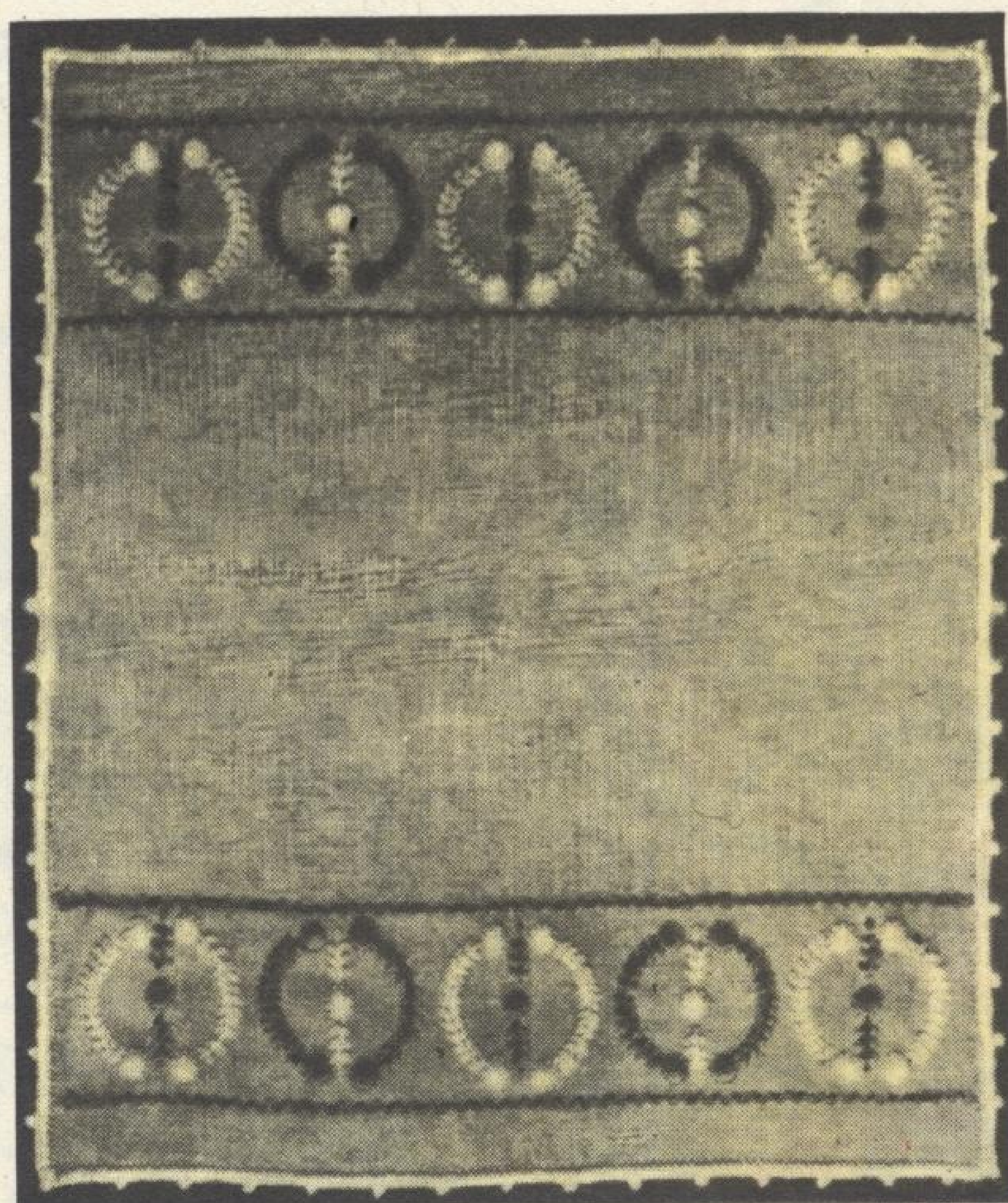
— Калинка, а какой подарок Лёке приготовила ты?

Калинка хлопнула в ладоши, и из середины люстры выплыл нарядный сверток, медленно кружась, опустился на стул, ленты сами собой развязались, и бумага развернулась.

— Я сплела корзинку для грибов. В ней три баночки варенья: яблочное, малиновое, смородиновое. Я сама его варила, и сама нарисовала этикетки на крышках.

Холстинковая салфетка тоже моей работы. Вышивала тамбурным швом, серыми и белыми нитками.

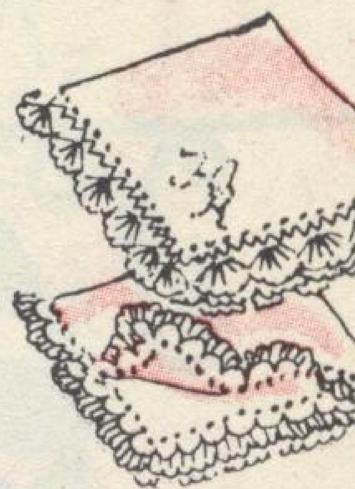
— Вот это подарок! — Алеша накрыл корзинку салфеткой, и вдруг на ней появилась кукла. Точь-в-точь Калинка. Черная толстая косичка, веселые глаза-бусинки, румяные щеки, красный свитер, клетчатая юбка и красные сапожки, в правой руке зеленая шапочка-невидимочка с колокольчиком. А рядом маленький Чубчик с черным пятном на спине и толстыми лапами.
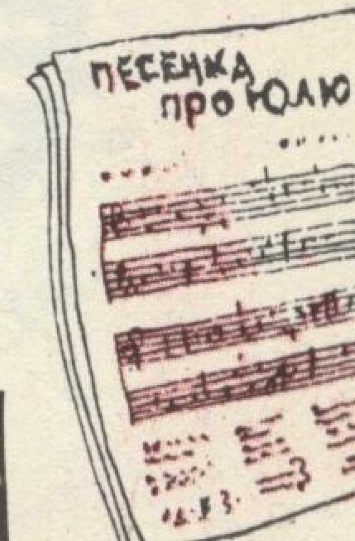
Алеша невольно обернулся на Калинку, не она ли превратилась в куклу? Нет, вот она, живая, улыбается, чуть больше своего двойника, и сегодня такая нарядная, а Чубчик — лентяй, валяется на своем коврике и грызет мячик.

— Вот и последний секрет. Все люди очень любят игрушки и особенно маленьких кукол и пушистых зверей, — сказала Калинка.

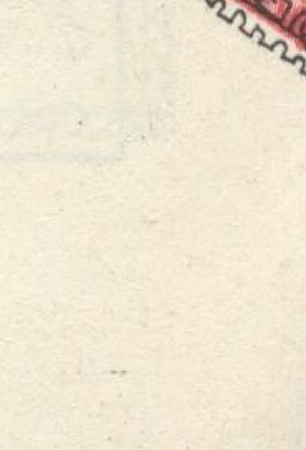

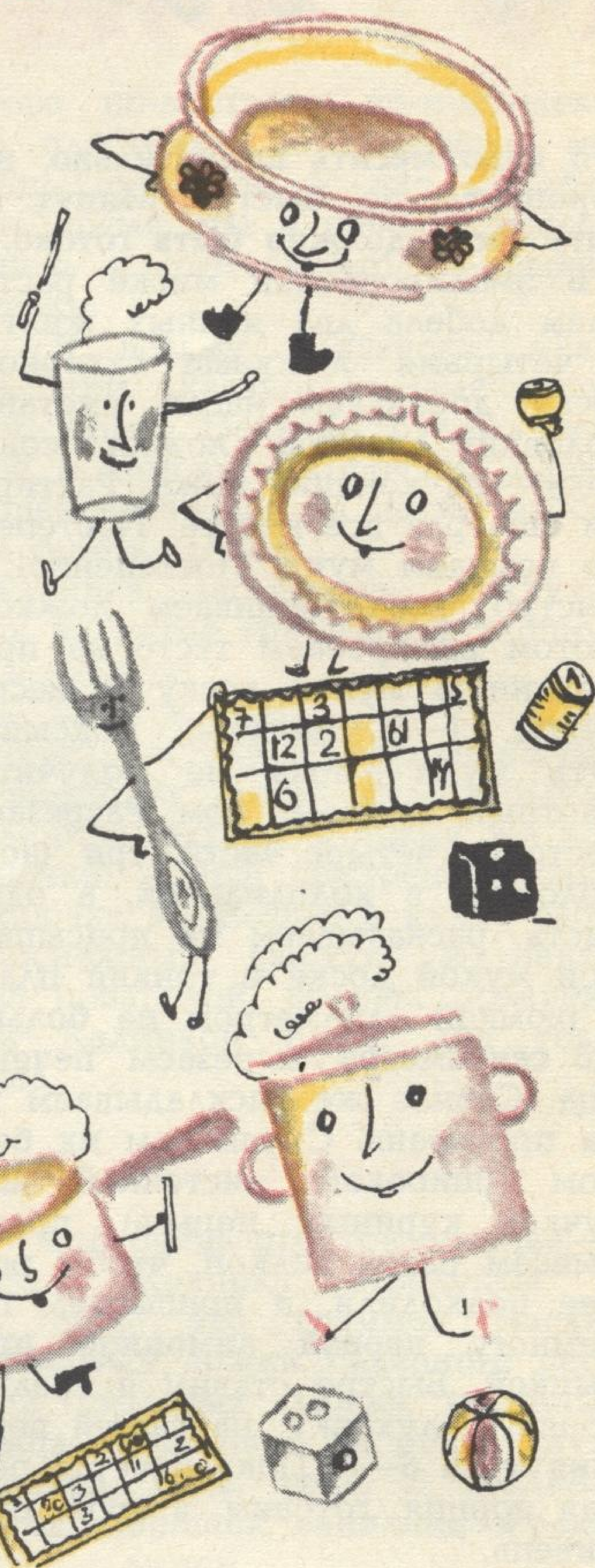
Тазы и кастрюльки

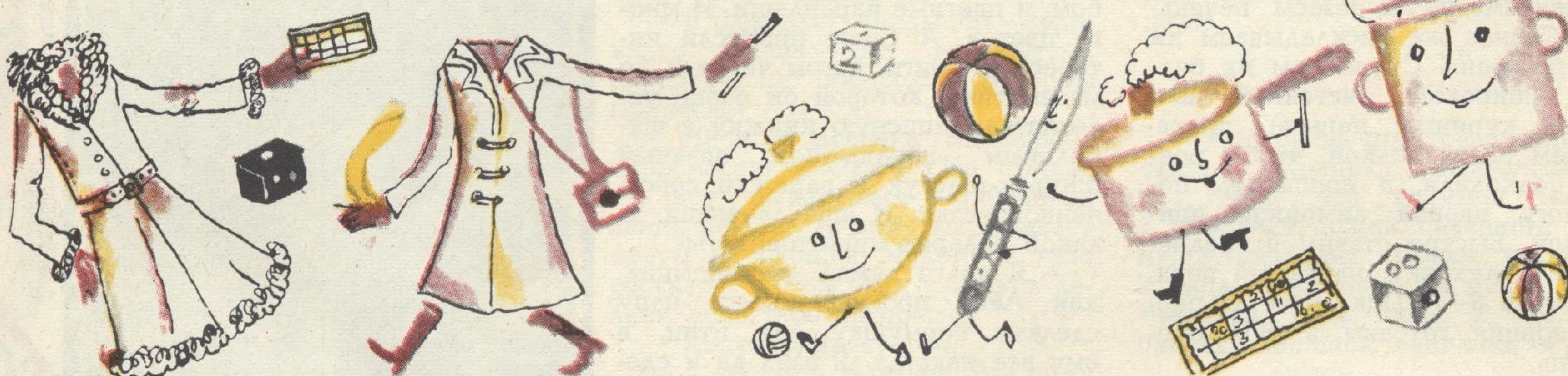
ЕРАЛАШ

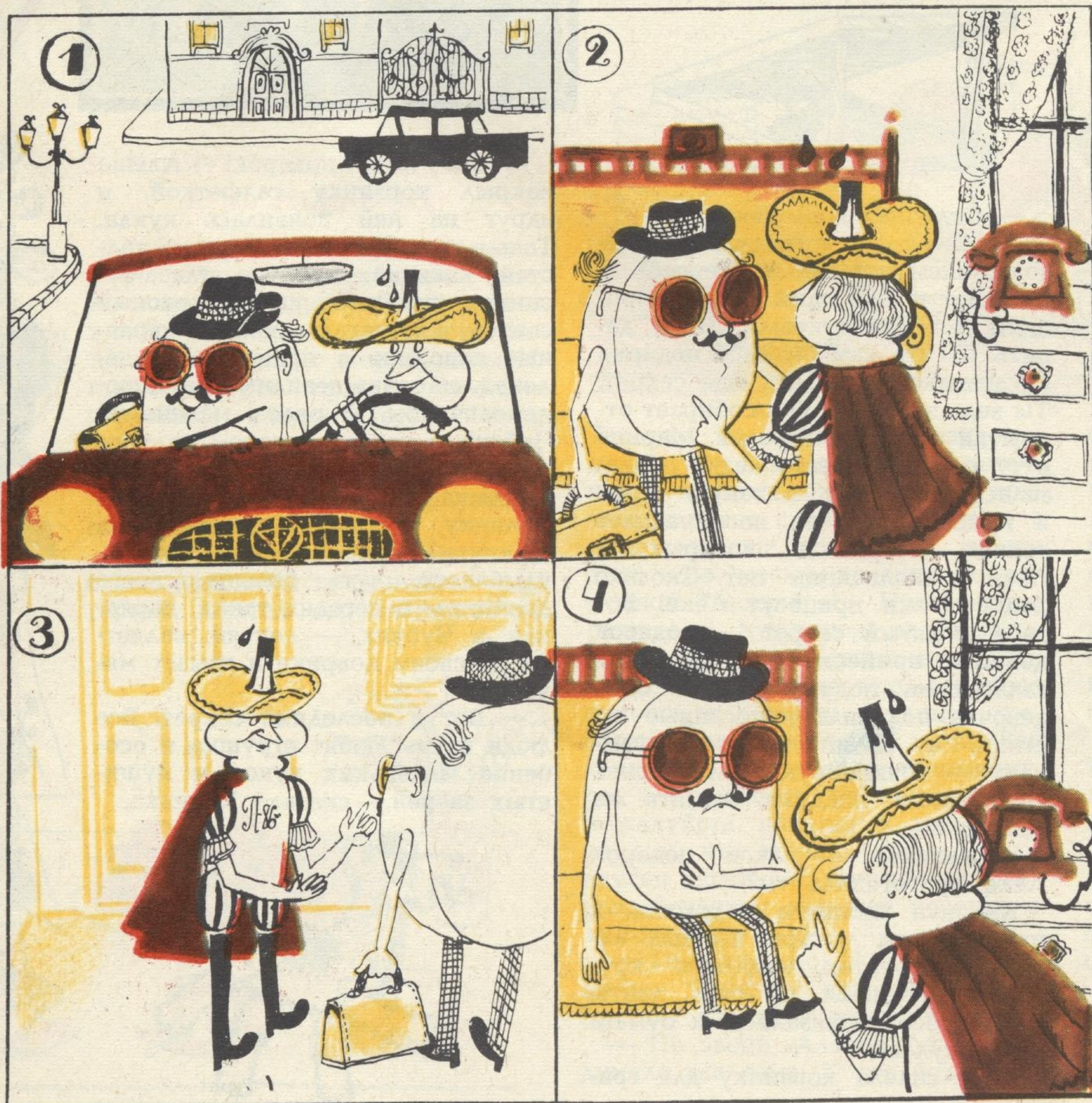
*Тазы и кастрюльки,
Ножи и тарелки,
Стаканы и вилки,
Плащи и пальто
Играли в бирюльки,
Играли в горелки,
Играли в ловилки,
Играли в лото.
Играли в ловилки,
Играли в горелки,
Играли в бирюльки,
Играли в лото.*

*Тазы и кастрюльки,
Ножи и тарелки,
Стаканы и вилки
Плащи и пальто.
Как все это сложно!
Понять невозможно!
Прошу вас, ребята,
Подумав всерьез,
Ответить мне срочно,
Ответить мне точно,
Ответить отдельно
На каждый вопрос.*

*Во что же играли стаканы и вилки?
Во что же играли плащи и пальто?
Во что же играли тазы и кастрюльки?
Ножи и тарелки играли во что?*

ЗАПИСКИ капитана ПЕРО—86

В четырех стенах

1. Круглая резинка прибыла в столицу карандашей для того, чтобы вести секретные переговоры. Мне было поручено доставить ее на тайную квартиру.

2. — Пожалуйста, не подходите к окну. Вас никто не должен видеть,— сказал я, когда привел ее в комнату.

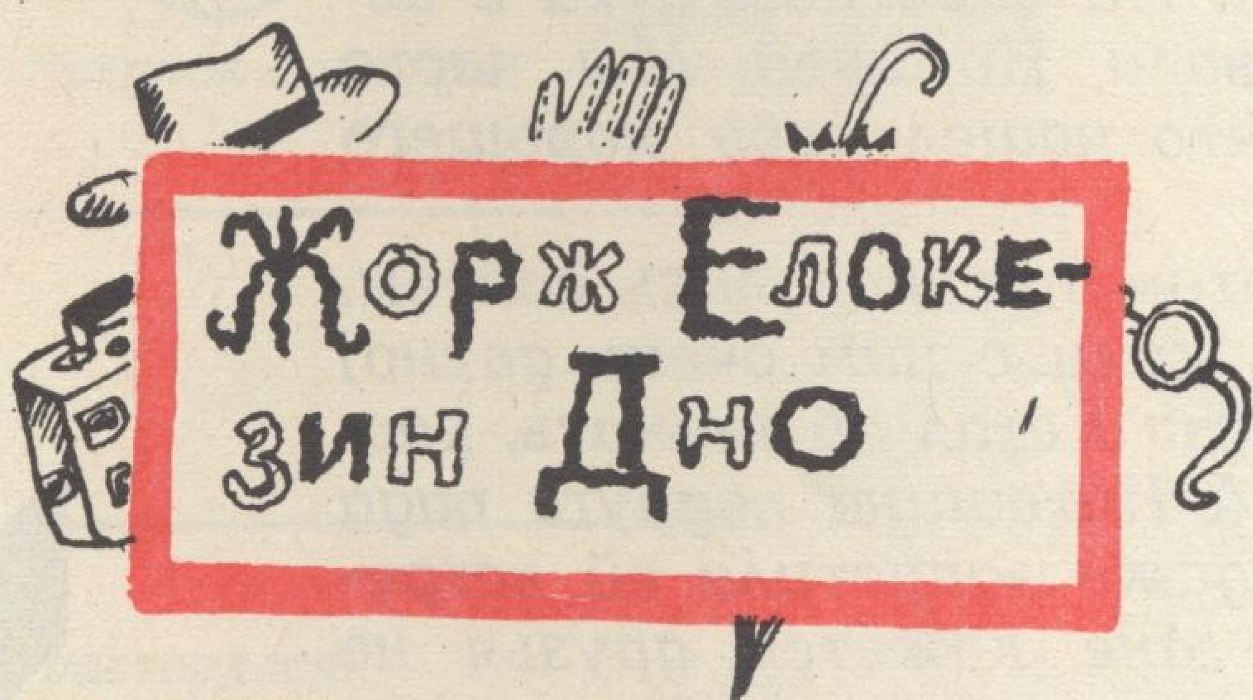
3. — Чтобы не привлекать внимания соседей, старайтесь не шуметь,— добавил я, когда уходил.

4. На следующий день о приезде круглой резинки знали почти все. Я бросился на тайную квартиру, переступил порог и сразу понял, что резинка меня не послушалась. Почему?

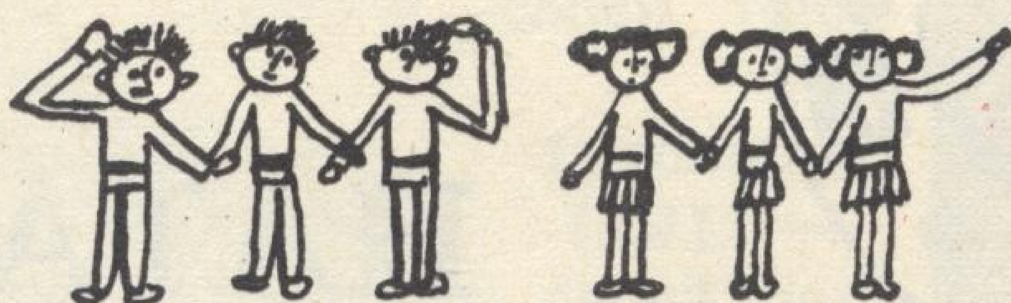
КТО Я?

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

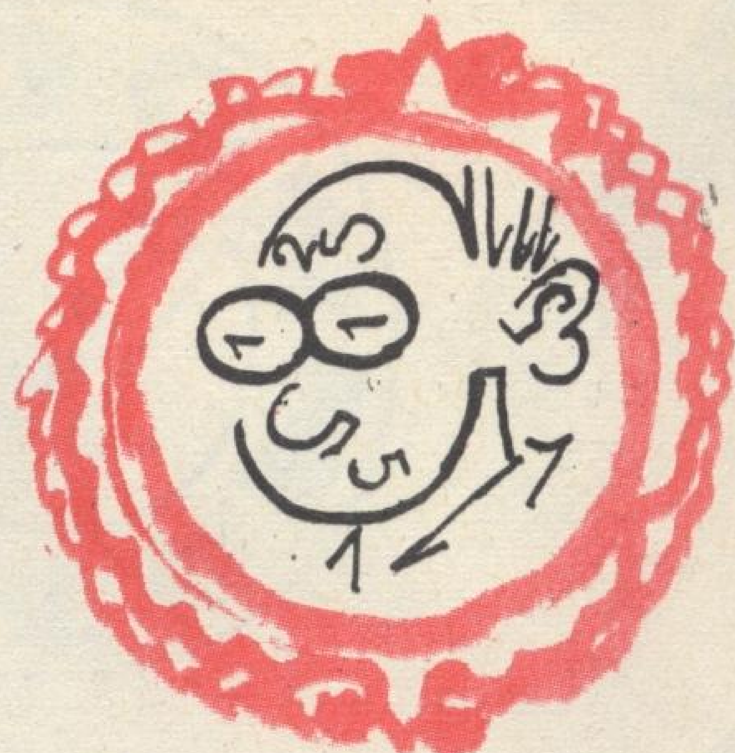
Здесь я написал свое имя, фамилию и название города, в котором живу. Составьте из всех букв, которые я употребил, одно слово, и вы узнаете, какая у меня профессия.

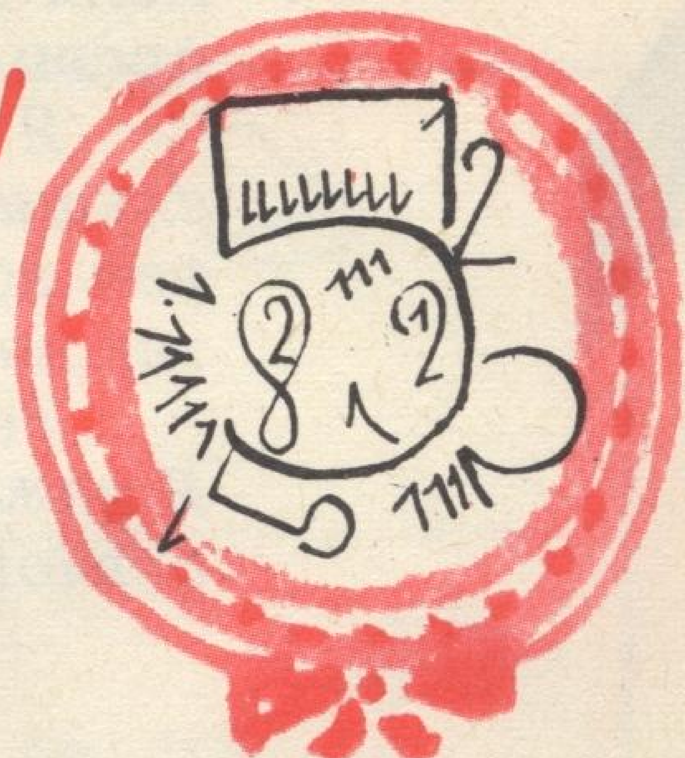
Где близнецы?

Эти три портрета, как вы заметили, состоят из цифр. А ну-ка отыщите портреты близнецов! Это не так трудно сделать, хотя братья и не похожи, но у них много общих черт.

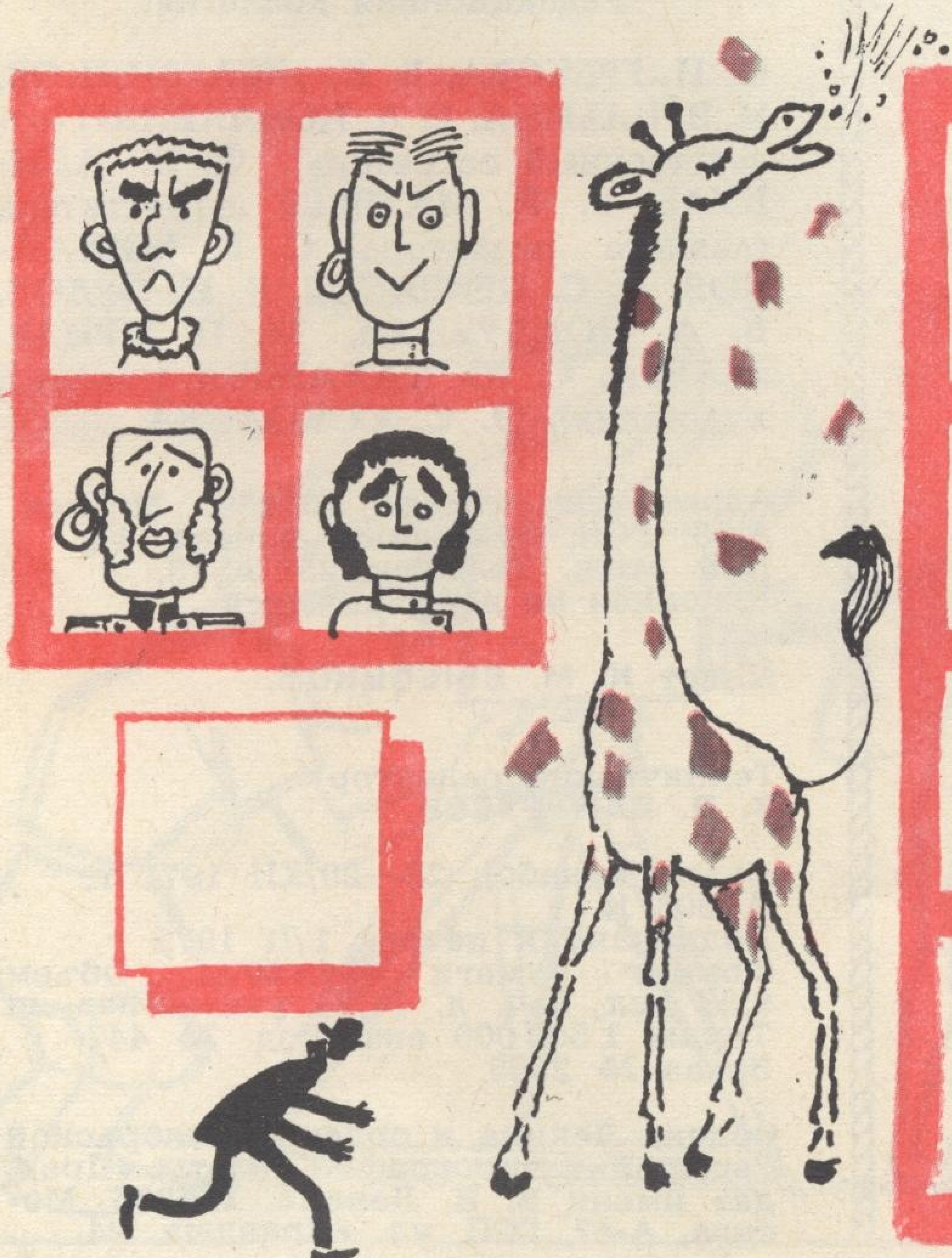

СООБЩИТЕ НЕМЕДЛЕННО!

Из выставочного зала «Палаты ума» похитили знаменитую картину «Чихающий жираф». Помогите найти преступника. Вот его приметы: маленький рост, толстые губы, лицо треугольное, бритая голова, черные вьющиеся бакенбарды, тонкие нахмуренные брови, маленькие светлые глаза, толстая шея, большие, оттопыренные уши, в правом ухе — сережка.

Вам будет легче искать преступника, если вы нарисуете в белом квадрате его портрет, учитывая все эти приметы. Можете посмотреть на четыре портрета слева. Они помогут вам. Готовый рисунок переверните и напишите, на какой из двенадцати портретов похож нарисованный вами преступник.

Торопитесь! «Чихающий жираф» должен быть срочно возвращен в «Палату».

Ответы на задачи из № 2

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ

Книгу похитил карандаш, который увлекается гастрономией. На первой картинке и на фотографии, которую сделал капитан Перо, видно, что карандаш — левша.

ОТЫЩИТЕ ХВАСТУНИШКУ!

Песенку пел белый утенок.

В НАШЕМ БУФЕТЕ

Булкин ест конфеты, Конфеткин — шоколадки, Шоколадкин — пирожки, Пирожков — булку.

НАТАША

Летом мы с ребятами поехали на пляж. На обратном пути в автобусе я познакомился с девочкой. Ее звали Наташей. Мы часто встречались с ней после школы. Я думал, что нашел себе хорошего друга.

Но вот наши встречи стали реже, а потом прекратились совсем.

Я узнал, что мой лучший друг (мы дружили с ним очень давно) достал откуда-то телефон Наташиной подруги и стал ей звонить, рассказывать все, что знал обо мне плохого. А Наташина подруга рада стараться: все это передавала Наташе. И даже запретила ей встречаться со мной. Мы перестали видеться. Мне кажется, друзья не должны были вмешиваться в наши дела. Разве они так хорошо знают меня и Наташу, так умны, справедливы, так уверены, что все решат правильно?

Я не понимаю, неужели Наташа не имеет своей головы и во всем слушается свою подругу? Друзья друзьями, а подумать своей головой все-таки не мешает. Если бы мне раньше сказали, что мой друг так поступит, я бы не поверил.

Теперь я все время думаю о том, как мне встретиться с Наташей. Я даже не знаю, чем она мне так понравилась... Но я еще ни об одной девчонке не думал целыми днями напролет.

АЛИК,
г. Кировоград

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру.— Рисунки А. Вовиковой 1
Звездный сын Земли.— Повесть Л. Обуховой. Рисунки С. Трофимова и Б. Гуревича 2
Поле его детства.— Ю. Крутогоров. Рисунки Н. Доброхотовой . 15
Школа умелых хозяев
Без твоих рук не обойтись.— В. А. Кудрявцев 19
Сад на пустыре.— К. Ткаченко. Рисунки Б. Гуревича . . . 20
Я, Арина, Байрамчик и верблюжье молоко. Главы из повести З. Журавлевой. Окончание. Рисунки М. Яшковой 22
Научный телеграф. Д. Эйдельман 33
Как проехать к воздушному замку.— Стихи Б. Слуцкого. Рисунок А. Борисова 34
Я хочу видеть укротителя.— Рассказ Э. Бабаева. Рисунки Е. Медведева 35
На берегу Тонкинского залива.— Н. Пастухов. Фото Г. Макарова, Д. Ухтомского 40
Международный пионерский клуб «Товарищ» 42
«Кораблик» 44
Алиса в Стране Чудес. Окончание.— Л. Кэрролл. Пересказал Б. Заходер. Рисунки В. Чижикова 46
Научный телеграф. М. Гуревич, О. Либкин 57
Что нам читать? 58
«Радиоуши» в океане.— А. Харьковский 60
Опасно — вирусы! — Г. Файбусович. Рисунки И. Урманче . . 65
Международный конкурс «Зоркий—Дружба—50» 66
Путешествие в Олимпию.— Л. Репин 67
Встречи с Тремя Неизвестными.— В. Близненкова, А. Орлов. Рисунки Б. Кыштымова 71
В стране шаха—владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 73
Королевская считалка.— Стихи А. Милна. Перевела с английского Н. Воронель 75
Академия домашних волшебников.— Рисунки Н. Доброхотовой 76
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Сами о себе 80
На обложке:
Полет на лыжах. Рисунок П. Вагина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (заместитель главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Э. С. СОКОЛОВА.**

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Макет **К. М. ВЫСОЦКОЙ.**

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 28—29/XII 1971 г. А 00871.
Подписано к печати 1/II 1972 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 447. Заказ № 2365.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

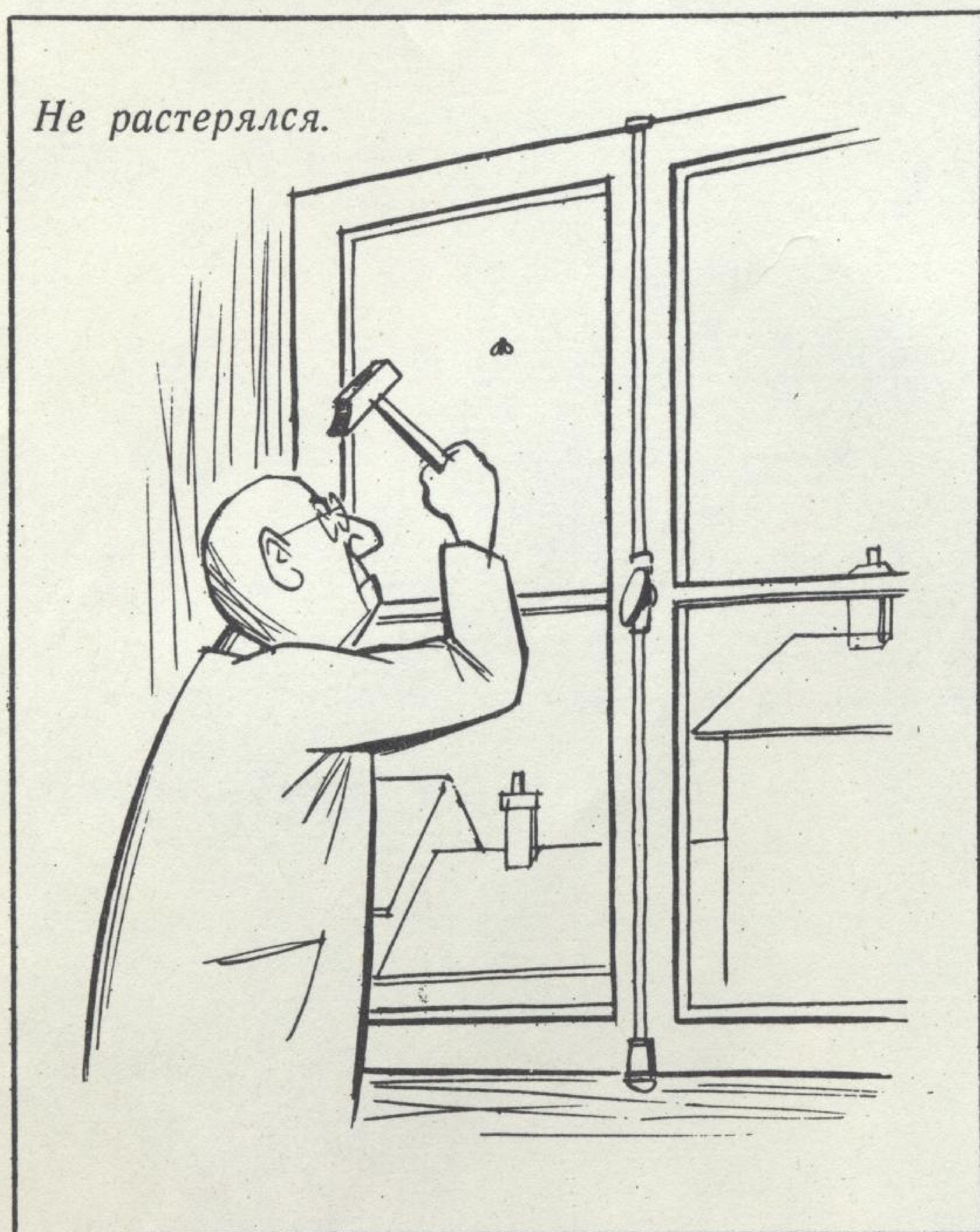

Рисунок с натуры.

Еще никому не удавалось дать точное определение, что такое юмор.

Но у каждого народа юмор обладает своими неповторимыми чертами. Французский юмор славится своей тонкостью.

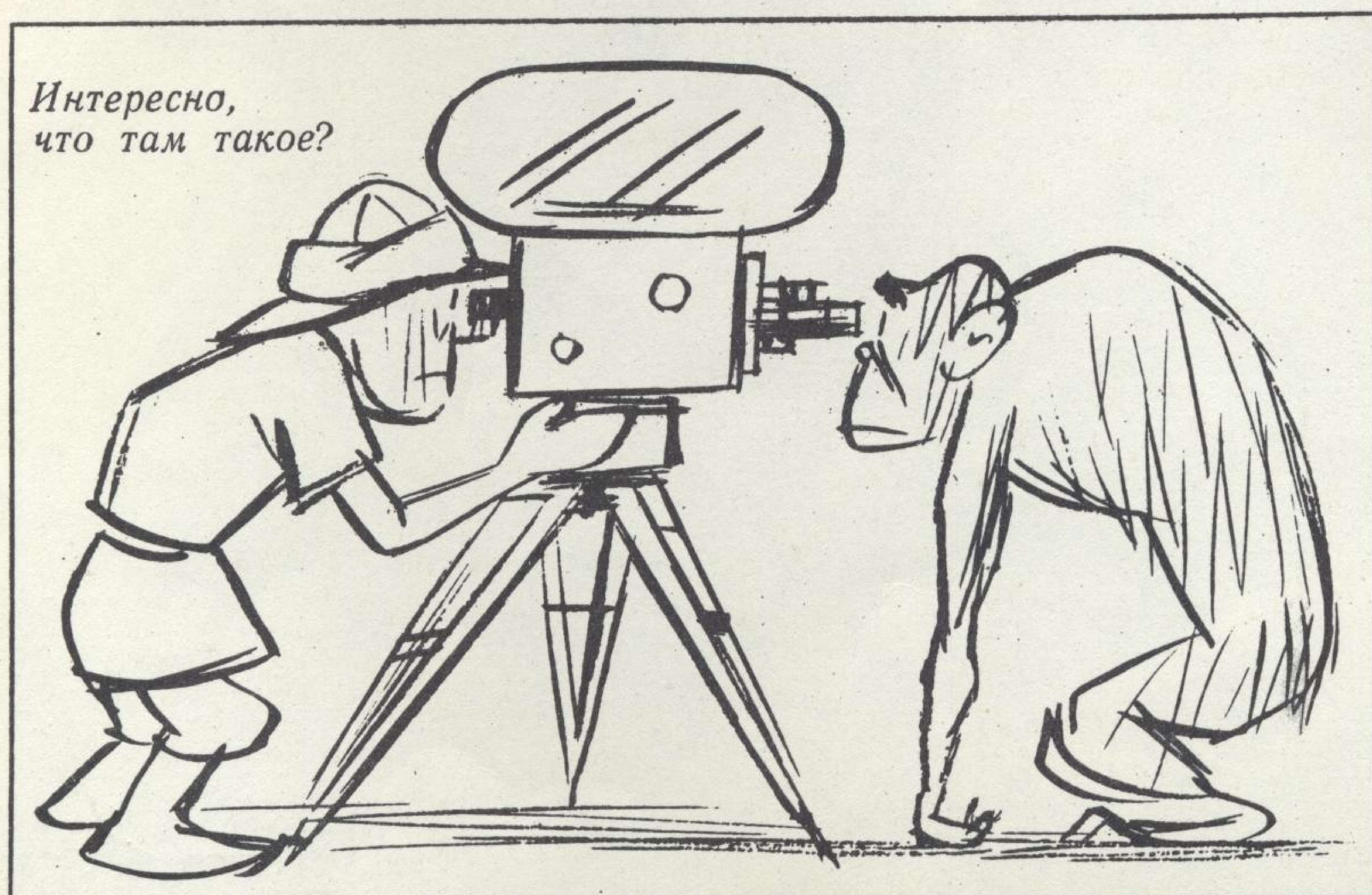
Французский художник **ИВ ШАВАЛЬ** (1915—1968) признан на своей родине одним из выдающихся мастеров юмористического рисунка. Недавно в Париже вышел его альбом, где собраны карикатуры, главные герои которых — животные. Книга так и называется: **«Мир зверей»**. Вот несколько рисунков из этого альбома.

Не растерялся.

Неужели не поймаю?

Скоро наш выход.

Интересно, что там такое?

Любимый котенок.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Тимоша

Слова В. **ЛИФШИЦА.**
Музыка М. **ПРОТАСОВА.**

Тот завел себе собаку,
Тот завел себе кота,
Тот завел себе корову,
Я завел себе кита.
Кит попался мне хороший,
Очень добрый и большой.
Я назвал его Тимошей,
Привязался всей душой.
В синем море-океане
Мой Тимоша служит мне.
Можно жить, как на поляне,
У Тимоши на спине.
Полежу, позагораю,
На гитаре поиграю,
Встану — рыбку половлю,
Это дело я люблю!
Мчится кит, меня катая,
От Цейлона до Китая!
Солнце блещет, волны плещут
Под ударами хвоста!
Не раскаюсь никогда я,
Что завел не попугая,
Не корову, не кота,
А завел себе кита!
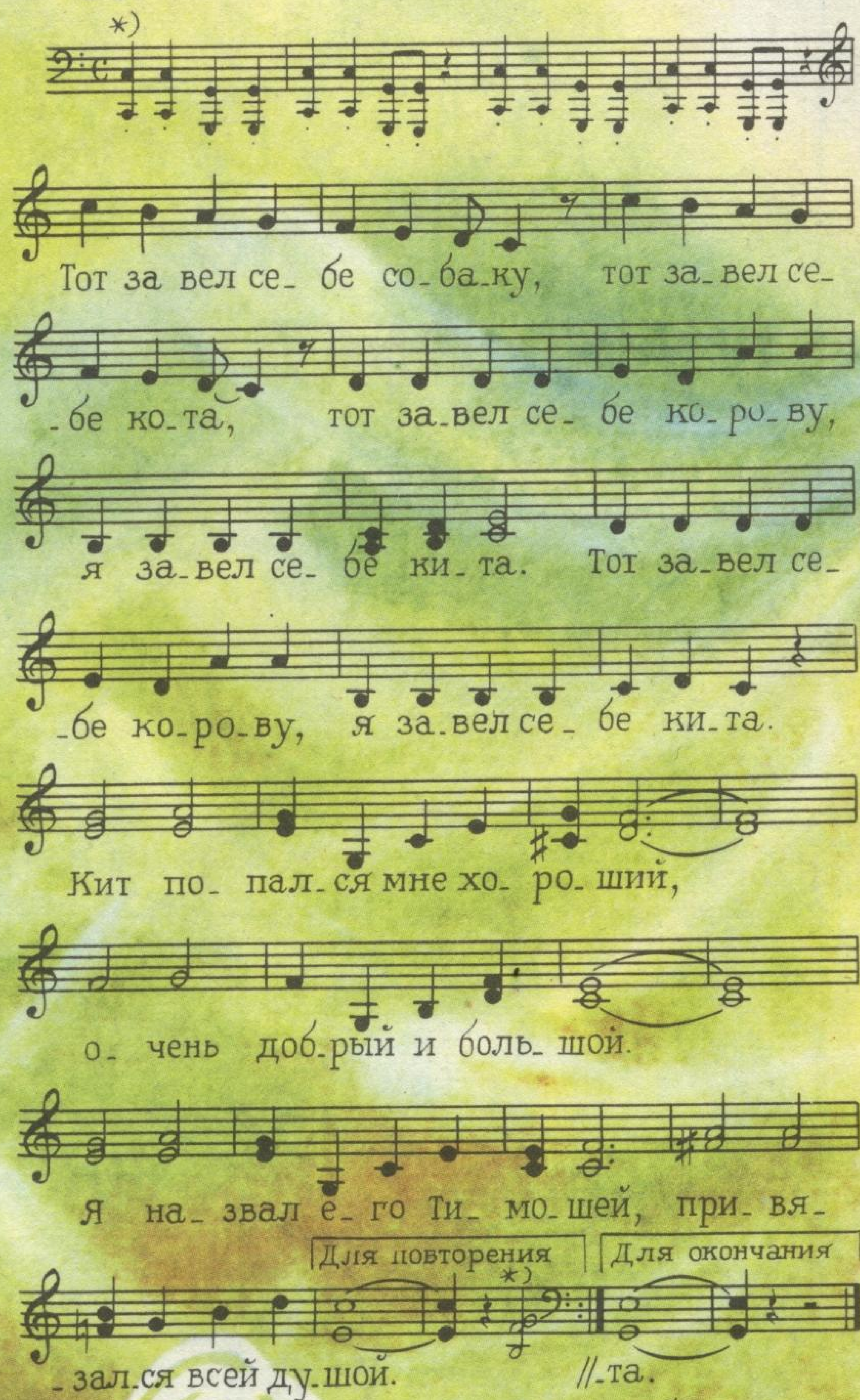

Рисунок А. **БОРИСОВА.**